Б Б К 8 4 (2Рос=Рус)
Л47

Леонов В.Н.

Лицом к лицу. Военные хроники отряда особого назначения Северного флота. 1941 - 1945 годы. - М.: ИД «Центриздат», 2005. — 304 с , ил.

ISBN 5-98963-001-8

Автор и главный герой книги - легендарный морской разведчик, «личный враг фюрера», дважды Герой Советского Союза В.Н.Леонов. В годы Великой Отечественной войны гвардейский разведывательно-диверсионный отряд Северного флота под его командованием совершал дерзкие рейды по глубоким тылам противника, наводя ужас на горных егерей 20-й лапландской армии - отборных гитлеровских головорезов, которые называли разведчиков Леонова «черными дьяволами», а их командира - Полярным Лисом.

Кроме документально-художественных произведений в книгу вошли ранее не публиковавшиеся, малоизвестные страницы биографии легендарного разведчика, фрагменты послевоенных интервью и уникальный фотоматериал разных лет. Столь обширный подбор материалов позволяет надеяться, что книга войдет в золотой фонд отечественной литературы и будет интересна как молодежи, так и старшему поколению.

Б Б К 8 4 (2Рос=Рус)

ISBN 5-98963-001-8

© «Лицом к лицу», «Уроки мужества от Виктора Леонова», фотоматериалы. Леонова Т.В., 2005
© Составление, оформление. ИД «Центриздат», 2005

ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ

Почему мы решили переиздать книги Виктора Николаевича Леонова?

Великая война XX века... Что мы помним и знаем о ней? Кто наши герои?

Мальчишки военной поры, первых послевоенных лет просто бредили Леоновым. Дважды Герой Советского Союза, командир легендарного отряда морских разведчиков Северного флота — он был известен тогда всем. В 60-е годы ушедшего" века мы тоже читали и слышали о нем, но поколение наших отцов — они буквально наизусть знали все, что печаталось и говорилось о Леонове. Потому что это был особый путь и особый подвиг.

И вот прошли годы... Сегодня можно не только предположить, но и с уверенностью констатировать — да и любой социологический опрос покажет — мы забываем даже таких своих героев, как В.Н.Леонов.

А между тем в 1993 — 1995 годах в США вышло несколько изданий книг В.Н.Леонова. Изданий как карманного типа для массового читателя, так и более основательных, в твердом переплете, с суперобложкой, выполненных на качественном полиграфическом уровне. Организатором этих изданий был человек из соответствующих служб Соединенных Штатов, который специализировался на советологии, и прежде всего на тактике и технике военно-морского спецназа, майор армии США, «работавший» еще во Вьетнаме.

В момент, когда у нас в России все падало и рушилось, «тихий американец» приехал сюда, несколько раз встречался с Виктором Николаевичем, брал у него интервью, а потом вернулся за океан и опубликовал книгу, которая вышла тремя или четырьмя тиражами. А вот у нас книги Виктора Николаевича не издавались с 1985 года. Да если и издавались, то, несмотря на популярность и интерес к ним, весьма небольшими по тем временам тиражами, в мягких обложках. Сам Виктор Никола-

евич, как нам известно, с досадой говорил, что издательства ограничивали объем его книг, он мог бы сказать больше... Не берегли мы, как должно, своих героев, свою память. Оттого, видимо, и беды наши.

Словом, в последние годы, в тяжелое для нашей страны время, люди с Запада пытаются вывезти из России не только золото, нефть и другие материальные ценности, но и то, что можно назвать особым нашим опытом, особым духом, то, что пока лежит у нас втуне. Мы постепенно утрачиваем великое наследие, теряем связь поколений.

Просто удивляет, насколько высок в системе западных представлений об элитном спецназе, о суперменах так называемый рейтинг легендарного разведчика. В иноязычной части Всемирной паутины имя Леонова встречается гораздо чаще, чем в русской. Там он назван «корифеем советских морских коммандос» и сравнивается только с диверсантом номер один Третьего рейха Отто Скорцени. О последнем до сих пор шумят во всем мире, бесконечно переиздают его книги. Теперь уже и у нас мемуары Скорцени «Секретные задания» вышли многотысячными тиражами. Вот мы и решили предоставить читателям России возможность сопоставить боевую работу любимца фюрера Скорцени и личного врага того же Гитлера — Леонова. Сопоставить и оценить, где больше реальных операций стратегического значения, а где — рекламной мишуры.

Как известно, подвоз помощи Советскому Союзу со стороны союзников по антигитлеровской коалиции осуществлялся двумя главными маршрутами: знаменитыми арктическими морскими конвоями и сухопутным путем через Иран. Участие отряда В.Н.Леонова в обеспечении доставки в наши порты северных морских конвоев по ленд-лизу можно уверенно назвать выдающимся. Известно, сколь высоко ценили его боевую работу и начальник разведки Северного флота Л.К.Бекренев, и командующий Северным флотом адмирал А.Г.Головко, и командующий

Карельским фронтом К.А.Мерецков. Сам Виктор Николаевич искренне уважал этих замечательных людей, военных деятелей большого таланта. Один из них, Кирилл Афанасьевич Мерецков, был его земляком из подмосковного Зарайска.

Виктор Николаевич описывает свою деятельность в довольно скромных тонах. Но достаточно привести такие примеры из его воспоминаний. Разведгруппа леоновского отряда из трех бойцов — Владимира Лянде, Игнатова и радиста Костина, сброшенная на парашютах в тыл к немцам на территорию норвежского полуострова Варангер, девять месяцев, не заходя в населенные пункты, ночуя под снегом, постоянно уходя от преследования, успешно сообщала обо всех замеченных перелетах вражеских самолетов и передвижениях кораблей, в том числе и известного линкора «Тирпиц»!

Этот подвиг, а также подвиг другого бойца отряда Ивана Лысенко, совершенный в стратегической операции на мысе Крестовом, без сомнения, стоят в ряду самых ярких эпизодов Великой Отечественной войны.

В учебники военных академий мира вошла дерзкая операция отряда Леонова в Корее в 1945 года. Отряд, насчитывающий всего 140 человек, пленил несколько тысяч японских солдат и офицеров.

В Заполярье отряд Леонова обеспечивал защиту главнейшей артерии всей мировой войны. Да как обеспечивал! За время всех походов и боев, которые провел отряд под командованием Леонова, было потеряно всего несколько человек! Это уникальный опыт сохранения людей, людей невероятной боевой выучки, непобедимых в рукопашном бою. Следует напомнить (и вы можете об этом прочесть в данной книге), что В.Н.Леонов и его соратники сами создали свой боевой комплекс рукопашного боя. Леонов был воином-творцом, блестящим командиром-организатором. Он умел использовать сильные качества каждого своего разведчика. Говоря о боевом искусстве, с которым дей-

водства боевыми действиями в начале войны, трусости, предательства в своих рядах. А Леонов называл вещи своими именами, был прям, откровенен, нередко неудобен и в военное, и в мирное время для кого-то из начальства. Оправданны, на наш взгляд, и те повторы в тексте, которые в описании отдельных боев дополняют повествование различными эпизодами и деталями.

Кроме того, мы включили в наше издание две части, которые не принадлежат перу В.Н.Леонова, но по духу своему абсолютно ему созвучны. Речь идет об очерке Алексея Тимофеева «Норд-вест и «Норд-Ост» и последней части книги «Мы его помним». Мы стремились создать «живую» книгу, показать связь поколений. Бесспорно, эти части — выражение нашего оптимизма, веры в то, что лучшие воинские традиции никогда не исчезнут, что память — вековая память народа — на-всегда соединила нас в одном чувстве — чувстве любви к своей Отчизне, веры в ее будущее.

Без сомнения, требуется еще серьезная исследовательская архивная работа для того, чтобы в полной мере оценить боевую деятельность В.Н.Леонова и его морских разведчиков. Пора о них собирать материал, пора о них издавать книги, пора осваивать их опыт и передавать его нашей молодежи, нашим воинам.

«...Крайний Север имеет для Германии огромное значение. Там находятся разработки никеля и расположены важные военно-морские и авиационные базы, где сосредоточены подводные лодки и самолеты для действий на наших морских сообщениях. Немцы оттуда не собираются уходить...

Гитлеровское командование бросило сюда части горных егерей, прошедших специальную подготовку к действиям в холмисто-лесистой местности и имевших опыт захватнической войны на Крите, в горах Греции и Северной Норвегии. «Герои Нарвика и Крита» устремились вдоль немногочисленных дорог на Мурманск, через который поддерживалась морская связь СССР с внешним миром и где находилась база Северного военно-морского флота...

Ни ожесточенные атаки, ни частые воздушные бомбардировки — ничто не смогло сломить стойкости советских воинов... Почти три года они удерживали занятые рубежи, которые протянулись более чем на тысячу километров...»

К.А. Мерецков. На службе народу. Страницы воспоминаний. — М.: Воениздат, 1969.

ПЕРВЫЕ ИСПЫТАНИЯ*

1

Войну мы встретили за шестьдесят девятой параллелью, в одной из военно-морских баз Северного флота.

Первый день войны... Почти мгновенно исчезли белые фуражки и бескозырки, столь привычные для глаз жителей портового города. Лето в разгаре, светит желанное для северян солнце, светит круглые сутки, как положено ему в этих широтах, и легкий южный ветерок обещает устойчивую погоду. Нас теперь такая погода не радует. В метеорологических сводках сказано: «Видимость ясная», и над базой, к Мурманску и обратно, пролетают воздушные разведчики врага. Белые чехлы головных уборов на темном фоне гранита причалов и мостовых могут нас, моряков, демаскировать. Поэтому приказано их снять.

Прошло совсем немного времени, и уже привычным кажется нудный вой сирен и обычным бесконечный перестук молотков в мастерской, где мы работаем. Меня и Сашу Сенчука перевели туда с подводной лодки. Нам сказали: «Вы знаете слесарное и токарное дело, посылаем вас на боевой пост». Так мы сменили матросские робы на темно-синие рабочие спецовки и стали у верстаков.

Приказ есть приказ. Мы ему подчиняемся, хотя он никак не вяжется с нашим представлением о том, что такое боевой пост особенно сейчас, в дни войны. Я молчу, Саша Сенчук молчать не может, а кроме меня ему некому высказать свою обиду. После долгого утомительного рабочего дня мы укладываемся спать здесь же, в мастерской. Саше не спится.

— Нет, ты все-таки скажи! — трясет он меня за плечи. — Скажи мне, Виктор, почему рабочий класс берет оружие, а нас приставили к верстакам? Особое задание, скажешь? Приказ? Да?..

Я отмалчиваюсь, и он зло кричит над ухом:

- Дрыхнешь, черт!

Саша ходит из угла в угол, и я знаю — он еще не раз меня растормошит и будет предлагать различные планы возвращения в подплав или, на худой конец, ухода в морскую пехоту.

*** *Печатается* по изданию: *Леонов В.* Лицом к лицу. Воспоминания морского разведчика в литературной записи С.Глуховского. — М.: Воениздат, 1957.**

Только я об этом подумал, как Саша подбежал ко мне, резким рывком стащил с верстака.

— Идея!

В глазах Саши - радостный блеск и непреклонная решимость человека, бросающего вызов судьбе. В такие минуты Сенчук кажется красивым и сильным, хотя с виду он неказист: худощав, неширок и костляв в плечах, а его смуглое, продолговатое лицо под копной смолисто-черных волос густо покрыто точечками угрей.

— Идея! — снова кричит Саша и тут же излагает свой план, который, насколько я, полусонный, еще способен понимать, заключается в бегстве с «боевого поста» на фронт, в бригаду морской пехоты.

— Скажем, что мы добровольцы! Нам простят...

Я на все согласен, только бы он оставил меня в покое и дал хоть часок соснуть.

Наступает утро, и Саша, увлеченный делом, неистово лупит молотком по полированной головке зубила, пилит, сверлит, поражая всех своей энергией. Должно быть, он забыл о вчерашней «идее», так как убеждает меня быстрей закончить ремонт подводной лодки - тогда нас тут же вернут в экипаж. Спорить с Сашей невозможно, а верить ему хочется, хотя работы в мастерской с каждым днем прибавляется.

Начальник мастерской сухо пообещал: «В положенное время вас сменят». Мы бы, вероятно, терпели и ждали, если бы не взбудоражившая нас новость: в мастерскую прибежали друзья из подплава, три Николая и Алексей, и рассказали, что создается специальный отряд морских разведчиков для действия в тылу врага. Их как отличных спортсменов уже зачислили в разведотряд.

— Прозевали! - зло упрекнул меня Саша, точно я был в чем-то повинен. — Ты же разрядный лыжник и знаменитый чемпион по гонке на яхтах, — наступал он на меня, но потом круто повернулся и засыпал друзей вопросами: - А где отряд? К кому обратиться? Кому подать рапорт?

Саша досадливо поморщился, когда вперед выступил электрик Коля Даманов, Коля-один, как мы его называли. Он заикался и тем не менее был словоохотлив:

— С-саша-ша! Не кипятись! В штабе знают, что Виктор и ты — хорошие с-спортс-смены. И мы нас-счет вас скажем с-старшему лейтенанту Лебедеву из отдела разведки. Плохо только, что придется с-сменить морскую форму на пехотную. Лебедев с-сказал: под гимнастеркой пехотинца должна быть матрос-ская душа. И душа р-раз-ведчика. Вот! — многозначительно закончил Коля-один.

О душе разведчика ничего сказать не могу, по меня, признаться, удивило, что трех Николаев — Даманова, Лосева и Рябова, которых я обучал ходить на лыжах и метать гранаты, зачислили в отряд разведчиков, а про меня забыли. Я вопросительно посмотрел на старшину первой статьи Алексея Радышевцева, с которым часто оспаривал первенство в различных соревнованиях. Алексей обнадеживающе улыбнулся:

— Отряд только формируется... Все будет в порядке.

Оказалось, что представитель штаба флота поехал в Мурманск отбирать для отряда группу комсомольцев. Другую группу пришлет Ленинградский институт физкультуры имени Лесгафта, а основной состав разведчиков будет комплектоваться из моряков.

— Народ подберется один к одному, что н-надо! — важничал будущий морской разведчик Коля Даманов. — Здесь против нас действуют отборные части Гитлера. Горные егеря. Д-дадим егерям жару...

Друзья еще раз пообещали похлопотать за нас и ушли. Мы с нетерпением ждали вечера, когда можно будет написать рапорт члену Военного совета Северного флота.

2

Если бы можно было на листочке бумаги передать обуревающие тебя чувства! Написать так, чтобы, прочитав этот листок, контр-адмирал сказал: «Откомандировать старшего матроса Виктора Леонова, третьего года службы, в отряд морских разведчиков!» Мне так не написать...

«Прошу откомандировать меня в разведотряд штаба флота»... И все? К сему — и расписаться? Откуда же контр-адмирал узнает о моем стремлении и призвании служить в разведке? Я и об этом написал, но потом зачеркнул последние строчки, порвал рапорт и стал писать новый. Не мне судить о призвании, да и звучит нескромно. Я и Саша одержимы горячим желанием стать морскими разведчиками. Но желание — это еще не призвание!

Тут я вспомнил, как, еще будучи школьником, вбил себе в голову, что призван стать поэтом. Прочитав в школьной стенгазете стихотворение семиклассника об охоте на бекасов, я решил, что могу написать лучше. Пришел домой, сел за стол и так долго сочинял стишок, что отец, не привыкший видеть меня усердно занимающимся уроками, спросил:

- Витя, чем так увлечен?

Я показал отцу начало стихотворения. Отец покровительственно улыбнулся, но, разобравшись в написанном, стал хмуриться. Наконец, медленно и весьма невыразительно, прочел вслух первые строки:

Когда-то был я богомолом,
Я верил в бога и царя.
Теперь же стал я пионером,
Борцом за общество труда!

- Ты это что?! - строго спросил он меня. - Когда это ты был богомолом у отца-коммуниста? И царь у тебя в голове книжный... Какой же это стих, если в нем нет правды? Читаешь много, а пишешь коряво...

Такой щелчок по самолюбию юного стихотворца не проходит бесследно. Когда Саша Сенчук помогал мне сочинять стихи о Северном море, о флотской службе, то я, как мог, сдерживал его неуемный поэтический запал.

Саша продекламировал первые две строчки последней строфы:

Нам радостно встречать рассветы зоревые
И песней звонкой хочется сказать...

Что сказать? И как сказать? Саша выразительно посмотрел на меня: ждал подсказки. Долго думали...

- Нашел! - Саша хлопнул меня по спине. - То, что нужно для моряков-североморцев:

И песней звонкой хочется сказать:
«Седое море! Сопки снеговые!
Я с вами жизнь готов навек связать»...

Я вспомнил прыткого богомольца из пятого «Б» класса, который сразу стал «борцом за общество труда», и рассказал об этом Саше.

- Глупости! - обиделся он. Саша не мог согласиться, что покривил душой. — Ты учти, Виктор, наш стих для всего флота.

А «для себя» мы перед войной мечтали, как вернемся после флотской службы домой - я в Зарайск, под Москвой, Саша в Киев - и будем рассказывать о далеких плаваниях в Ледовитом океане, в котором еще не побывали, о студеном море и гранитных скалах в глубоких фьордах, о царстве вечной ночи, озаряемой всполохами северного сияния, и о многом другом, что звучит привлекательно, но с чем мы никак не собирались связывать себя навек.

Связать свою жизнь... Вот сейчас я пишу рапорт контр-адмиралу, и этот рапорт может круто повернуть мою жизнь. Надо подумать и обдумать. Еще и еще раз проверить: подготовлен ли я к трудной службе морского разведчика? Хватит ли у меня стойкости и мужества, чтобы сдержать обещание, которое рвется сейчас на бумагу: звание морского разведчика оправдаю!

Я мечтал о флоте. Когда был фабзайцем московского завода «Калибр», любил читать книги Станюковича и даже записал на память слова старого адмирала, провожающего юнца-племянника на флот: «Ты полюбишь море и полюбишь морскую службу, - говорил адмирал. — Она благородная, хорошая, а моряки прямой и честный народ». Это из книги «Вокруг света на «Коршуне». Я учился вечерами в морском клубе Осоавиахима*. Занимался спортом, чтобы выдержать самую суровую проверку призывной комиссии. Врачи довольно равнодушно отнеслись к тому, что при росте 175 сантиметров я вешу 75 килограммов, имею значок ГТО второй ступени и справку активиста морского клуба Осоавиахима. Они придирчиво выстукивали и выслушивали сердце, легкие, кружили меня на каком-то вращающемся стуле, долго проверяли зрение и слух, пока, наконец, не вынесли приговор: годен к службе в Военно-морских силах.

Комсомольцы «Калибра», провожавшие меня в Ленинградский учебный отряд имени Кирова, дали наказ быть достойным представителем шефа Военно-морского флота и, шутя конечно, предсказывали головокружительную карьеру капитана дальнего плавания. Девушки пели песню о капитане, улыбка которого - это флаг корабля... Отец попрощался коротко:

*** *Осоавиахим* - Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству *(Прим. ред.).***

— Служи честно, сынок!

Все три года пребывания на Севере я служил как положено. Когда меня приняли в партию, отец прислал большое поздравительное письмо. «Вся семья Леоновых гордится тобой, — писал он. - Ты сам понимаешь, какая сейчас международная обстановка. Верю, что в грозный час испытаний ты оправдаешь доверие нашей партии». Вот и наступил этот грозный час испытаний.

Над моим верстаком пламенеет плакат. Художник изобразил женщину-мать. Она обращается ко мне, ко всем сыновьям: «Родина-мать зовет!»

— Виктор! — обрывает мои мысли Саша Сенчук. — Что ж ты не пишешь?

— Уже все! — Я решительно берусь за перо и громко диктую себе последние слова рапорта: — Звание морского разведчика оправдаю!

— У меня то же самое! — откликается Саша.

Мы прячем наши рапорты, чтобы утром передать их начальству.

А через две недели я и Саша Сенчук сдаем на вещевой склад морскую форму и получаем взамен зеленую — защитную форму пехотинцев. После просторных клешей матросских брюк и легких матросских ботинок мы чувствуем себя неловко в штанах, обтягивающих колени, и в тяжелых сапогах с непомерно широкими кирзовыми голенищами. Металлическая каска то сползает набок, то давит на голову, привыкшую к бескозырке. Получаем винтовки-полуавтоматы с ножевыми штыками, гранаты РГД и вещевые ранцы, рассчитанные на солидный груз.

Смущенные своим необычным видом, предстали мы перед старшим лейтенантом Георгием Лебедевым. Он настороженно приглядывался к нам, точно сомневался: брать таких в отряд или не брать?

— С подплава? - строго спросил Лебедев. — Это хорошо! Старшина Мотовилин!..

В дверях появился высокий русоволосый моряк, тот самый знаменитый разведчик Степан Мотовилин, о котором уже писала газета «Краснофлотец».

— Новички, — Лебедев кивнул в нашу сторону. — Займитесь...

После завтрака Мотовилин уводит нас в горы и показывает, как надо ползать и маскироваться в камнях, метать гранату и колоть штыком. Мы стараемся, и уж через два дня Мотовилин, довольный первыми нашими успехами, говорит:

— Ребята вы хорошие, ничего не скажешь! Надо бы, конечно, учить вас еще и учить, да некогда: ночью собираемся в поход.

3

Саша Сенчук погиб в первом походе.

Он был первым убитым, которого я увидел на войне. Смерть Саши сильно меня потрясла, хотя перед товарищами я старался не выдать своего волнения.

В кубрике спят вернувшиеся из похода разведчики. На нарах, слева от меня, пустует место Саши Сенчука. Справа блаженно посапывает Коля Даманов, который из-за моей оплошности чуть не погиб там, в горах...

Я думаю о Саше, смотрю на Колю Даманова, и меня одолевают невеселые мысли.

Усталое тело требует покоя. Закрываю глаза, силюсь заснуть и не могу избавиться от одного и того же навязчивого вопроса: гожусь ли я для службы в морской разведке? Степан Мотовилин в присутствии Лебедева похвалил меня за храбрость. Да и сам старший лейтенант сказал: «Дрались вы, Леонов, здорово! Егерей не боитесь - это главное. А умение придет». Никто не заметил и никто, вероятно, не догадался, что происходило со мною, когда мы пересекали лощину в горах. Это было уже после гибели Сенчука. Преследуемые врагами, мы отходили к морю, к своему боту. Сзади меня полз разведчик Григорий Харабрин, бывший шофер Дома моряка. Нещадно ругаясь, он кричал мне: «Живей! Падай! Убьет!» А я не падал. Я шел, полусогнувшись, совершенно безразличный к свисту пуль. Бежать не было сил, а лечь на землю боялся. Да, я боялся упасть на землю! Мне казалось, что тогда ноги опять сведет судорогой, и я уже не встану, как не встанет больше Саша Сенчук...

Гриша Харабрин ругал меня потом за ухарство и за мальчишество:

- Прет, выставив егерям корму! А они мажут...

Коля Даманов никому не рассказал о конфузе с гранатой. Я утешаю себя тем, что в первом бою с каждым может такое случиться. За

это меня не осудят. Я сам себя осуждаю. Я писал в рапорте контр-адмиралу, что буду хорошим разведчиком, а сейчас начинаю в этом сомневаться. Хорошие разведчики вернулись с задания и спят. Спят Мотовилин и Харабрин, Радышевцев и Даманов. Спят, отрешившись от всяких забот, и утром, свежие, отдохнувшие, готовы будут к новым походам, к новым боям. А я копаюсь в своих переживаниях. Для меня, правда, это первый бой, и еще неизвестно, как я буду себя чувствовать после второго, третьего...

Зарываюсь головой в подушку, но долго не могу заснуть и на этот раз спокойно перебираю в памяти каждую деталь минувшего боя.

***

...Нас было двадцать два разведчика.

Мы погрузились на бот, вооруженный двумя пулеметами, и взяли курс к устью реки Большая Западная Лица. В пути Лебедев сказал нам, что в районе высадки придется атаковать опорный пункт неприятеля. Наша задача - разгромить этот пункт и при возможности захватить «языка».

На море штиль. Тихо и на побережье Мотовского залива, покрытом камнями и валунами, куда почти вплотную причалил бот. По сходням сошли на берег; три разведчика тотчас же ушли вперед, а мы цепочкой — за ними следом.

Опорный пункт находился на высоте 670, примерно в восьми километрах от берега. Лебедев приказал Мотовилину (в его группу входил и я) обойти высоту с юга. Старшина первой статьи Червоный должен со своей группой обогнуть с севера опорный пункт, после чего двенадцать разведчиков во главе с Лебедевым начнут атаку с центра.

Самый длинный и трудный участок пути выпал на долю группы Мотовилина. Каменистая сопка была густо покрыта валунами, и когда мы, наконец, достигли последнего яруса высоты, разведчики Лебедева и Червоного уже были на исходных позициях. Я не знал, что Лебедев находится рядом, был уверен, что мы сейчас одни перед укреплениями егерей, и неотступно полз за Мотовилиным. Он чуть приподнял левую руку и подался вправо. Я понял его сигнал и пополз влево, к большому камню.

Муть высунув голову, я увидел врагов - пять или шесть немцев. Так in и они какие эти егеря! Высокие, в темно-серых брюках, заправленных к короткие чулки, и в такого же цвета мундирах с красными кружочками па рукавах. Они стояли во весь рост, с непокрытыми головами, и руки их спокойно лежали Н;I висевших впереди автоматах. Егеря I нюбопытством и, как мне казалось, с гордым видом оглядывали м е т юсть. Это меня взъярило: сами лежим, прячась за камни, а они на и НI мой земле чувствуют себя хозяевами!

('о стороны укрытий показался офицер и что-то сказал солдатам. Ii- стили расходиться, а я прильнул к полуавтомату и взял на прицел приближающегося офицера.

Не стреляй! — услышал я голос Лебедева и вздрогнул от неожи-/шимости. - Надо его взять живым. Товьсь!

I I отом выяснилось, что Лебедев из своего укрытия не видел егеpell. 11о и я забыл о них. Больше того, я даже забыл примкнуть штык к inn попке, когда ринулся вперед, сближаясь с офицером. Тот выхватил пистолет, выстрелил, но промахнулся.

Я юркнул за камень.

Кругом поднялась стрельба.

Треск выстрелов эхом отдавался в горах. Я не знал, кто куда стрекнет, боялся высунуть голову и в то же время понимал, что нельзя дол(о прятаться за камнем: вдруг наши пойдут вперед или отступят, а я останусь один?.. Надо действовать, а что делать — не знал.

- Коля, сюда! - крикнул я ползущему в мою сторону Даманову.

Бой шел своим чередом. Воспользовавшись тем, что егеря ведут с нами перестрелку, Лебедев повел своих разведчиков в обход укреплении. Ему это удалось. Разведчики Лебедева и Червоного захватили «языка» и из двух трофейных пулеметов вели огонь по лощине, где скапливались егеря.

А мы оборонялись, сдерживая натиск врага.

Ранило в живот матроса Николая Рябова. Он, когда Мотовилин иытаскивал его с поля боя, отчаянно вопил. Я, Даманов и Харабрин прикрывали Мотовилина и Рябова огнем своих полуавтоматов. Все же егеря приблизились настолько, что в ход пошли гранаты. Я тоже допал гранату, но запал не входил в отверстие.

- Ручку оттяни, вояка! — услышал я голос Даманова.

Обескураженный своей неопытностью, я вставил запал и тут же метнул гранату. Взрыва не было. А через две - три секунды я увидел, как граната летит обратно. Она упала недалеко от Даманова и тут же взорвалась. К счастью, Даманов был надежно укрыт в камнях.

— С-спасибо, Виктор, удружил! Встряхни гранату. Дай ей зашипеть...

Я поразился спокойствию Даманова и теперь уже не спеша далеко метнул две гранаты...

После их взрывов стало тихо. Никто не стрелял.

— Пошли? - спросил я Даманова и Харабрина.

Мы отползли назад и присоединились к Мотовилину.

— Я его спрятал в камнях, — сказал Мотовилин Даманову. — Егеря не найдут.

«Неужели он говорит о Рябове? Почему спрятал?» Я хотел спросить об этом Мотовилина, но за гребнем высоты разгорелся бой, и мы поспешили на помощь разведчикам Лебедева и Червоного.

Обогнув отвесную скалу, мы поднялись на гребень сопки и тут увидели трупы трех егерей. В стороне, лицом вниз, лежал наш разведчик.

— Сенчук!

Я сразу узнал Сашу, кинулся к нему, перевернул его на спину. Черные пряди волос рассыпались по высокому Сашиному лбу. Лицо потемнело настолько, что уже нельзя было различить черные точечки угрей. А рот чуть открыт, и, кажется, Саша вот-вот спросит нас: «Как же это, братцы, со мной такое случилось?»

— Саша! Саш!..

Не знаю зачем, но я тормошил друга, искал рану, говорил что-то несвязное и пришел в себя, когда на плечи мне легли тяжелые руки Николая Лосева. Его прислал к нам Лебедев.

— Будет! - он тянул меня назад. — Слышишь, Виктор? Отходим к морю. Группа Лебедева уже пересекла ложбину. Живей!

Выстрелы приближались к вершине сопки. С соседней высоты ударили минометы. Мотовилин, Харабрин и Даманов отошли и что-то кричали нам, угрожали кулаками. Только теперь я понял, что мы оставлены для прикрытия группы и Сашу Сенчука не удастся унести.

I In очереди, короткими перебежками, приближались мы к лощине, простреливаемой противником. Ползли друг за другом. И тут, совершенно неожиданно, ноги перестали меня слушаться — их свело судорогой. Я еле поднялся и, полусогнувшись, пошел вперед. Мотовилин, Дммлнои и Харабрин вели плотный огонь, сдерживая егерей, пока я пересекал лощину.

...Когда мы наконец оказались в боте и, лежа на палубе, подстанчили разгоряченные лица освежающим брызгам студеной воды, меня окликнул старший лейтенант Лебедев. Он стоял позади нас, широко риесганив ноги. Кожанка, перехваченная ремнями, плотно облегала em фигуру. Лебедев пристально смотрел на меня. Он, видимо, хотел что-то спросить, но махнул рукой: уж очень, должно быть, выглядел я рпстеринным и расстроенным. Впору было повернуться и уйти, а я все еще топтался на месте. Лебедев усадил меня, сам сел рядом и сказал:

Тяжело потерять друга. Ты видел убитых егерей на гребне высоки? (!аша первым туда поднялся и сразил троих. Сгоряча ринулся вперед но весь рост. Такая у него, должно быть, натура. Проложил нам дорогу, а сам погиб. У тебя, Виктор, был очень хороший товарищ. Жаль, похоронить не удалось. Ни его, ни Рябова. Вот Рябов... Жили — дружи||и три Николая. Одногодки. Все с одного катера, в одной футбольной команде играли. А в базу возвращаются двое. Что поделаешь? Война... К >тому надо привыкнуть.

4

И мы привыкли.

Не все сразу, каждый по-своему, но свыкались с опасной и, несмотря па это (а может, именно поэтому), привлекательной службой в отряде морских разведчиков. Об опасности старались не думать — где на undue спокойно?

Через три дня мы уже готовились к походу всем отрядом. Половина отряда состояла из новичков, в отличие от нас, «старичков», побыиишпих в одном или двух рейдах.

Этим рейдом командовал старший офицер из отдела разведки штаба флота майор Добротин, тот самый Леонид Васильевич Добротип, который отбирал будущих разведчиков в комсомольских органи-

зациях Мурманска. Еще не познакомившись с майором, мы уже многое о нем слышали. Добротин сражался на фронтах гражданской войны против Юденича, Деникина и Мамонтова. Командовал эскадроном в коннице Буденного. Награжден ВЦИКом почетным оружием. Окончил морской факультет инженерной академии.

Лебедев сказал о майоре:

— Каждого разведчика видит насквозь. Имейте это в виду!

Добротин явился в отряд накануне похода. Это был немолодой, но стройный, высокий офицер со светлым ежиком волос на голове. Лицо у майора продолговатое, плотно сжатые губы наглухо закрывают маленький рот. С виду майор показался суровым. Но вот, после рапорта Лебедева, раздалась команда «Вольно» и завязалась непринужденная беседа Добротина с теми, кого он уже знал, так как сам отбирал их в отряд. Потом майор познакомился с нами, моряками из подплава, и, наконец, с «артистами» - так мы называли добровольцев, которые пришли в отряд из ансамбля краснофлотской песни и пляски.

— Тех, кто еще пороху не нюхал, — сказал Добротин, — и кто в нашем деле ищет... - тут он задержал взгляд на группе «артистов», — одни только романтические приключения, я хочу предупредить: никакой особой романтики не предвидится. Проникнув в ближний тыл врага, мы должны оттянуть часть его войск с передовой позиции. Чем труднее будет нам, тем легче станет на передовой. Значит, надо, чтобы нам было трудно! Вот и вся романтика...

И больше - ни слова о разведке. Майор Добротин рассказывал о замыслах врага, который рвется к Мурманску, не считаясь с потерями. Если Гитлеру удастся захватить Мурманский порт и Кировскую дорогу, мы потеряем важные коммуникации, связывающие нас с союзниками, и лишимся огромных природных богатств Севера. Защитники Заполярья самоотверженно сражаются за каждую сопку на дальних подступах к Мурманску, за каждый камень на этой сопке. Особенно ожесточенные бои развернулись сейчас на реке Большая Западная Лица. На западном берегу этой реки, в тылу врага, мы и будем действовать.

Двумя группами отряда командовали старший лейтенант Лебедев и капитан Инзарцев. Мы хорошо знали капитана. Флагманский физ-

tivк бригады подводных лодок Николай Аркадьевич Инзарцев выступ-lhi II недавно на спартакиаде, где завоевал титул чемпиона флота по пп лиге. Тех, кто не знает Инзарцева, это может удивить. Среднего рос-1,1, слегка сутулый и сухощавый, Николай Аркадьевич мало похож на I ч желого атлета. А между тем это очень сильный человек. Штангист и футболист, лыжник и яхтсмен.

Споим вестовым майор Добротин назначил матроса Виктора 1;фзамова. Маленький и юркий Тарзанов, Витек, как мы его называли, нос кнопкой, всегда смешливое лицо усыпано веснушками, — ный очень разбитным, ловким и смелым матросом. Появившись в кубрике после своего назначения, Витек гордо выпятил грудь и запорио крикнул:

- Шире дорогу! Вестовой командира идет!

Мы только улыбнулись, не решаясь подтрунивать над Витьком. шили, что он за словом в карман не полезет. А матрос Белов, добровонец из группы флотского ансамбля, этого не знал.

- Витек! — Белов преградил дорогу вестовому. — Как ты в развед-к v попал? Ты, говорят, на рыбном траулере поваренком у кока служил? Прайда?

- Правда! — согласился Тарзанов, хотя он пришел в отряд с «морского охотника». — А что? Поварское дело — занятие умственное. Это ivfie не на сцене ногами дрыгать.

Зная, что Белов числится в ансамбле танцором, Тарзанов тут же им кинул перед ним смешное коленце. Все рассмеялись. А Белов с высоты своего почти двухметрового роста пренебрежительно посмотрел Митька, отступил назад и только сказал:

- М-да! На язык ты боек. Салага-салага, а бьет фонтаном, как кит...

- Нет, погоди! - уже вцепился в него Тарзанов. — Вот пойдем в разведку — держись рядом. Не пропадешь! Я тебя научу и рыбку ломить, и уху варить.

Кругом одобрительно зашумели.

- Иди ты!.. — окончательно смущенный Белов вырвался из рук Иитька. — Скажи, какой учитель объявился. Это ты в походе держись около меня. Не затопчут! А когда выдохнешься, я тебя, клопа, в ранец in пакую и понесу.

- А что? Я с полным удовольствием! - Витек нисколько не обиделся и повернулся к нам: - Вот майор говорил, что в горной войне нет лучшего транспорта, чем вьючный - на ишаках. Так я скажу майору, что - спасибо флотскому ансамблю - нам уже ишак не нужен...

5

Бой в районе Большой Западной Лицы складывался для нас вначале благоприятно. Немцы, испуганные появлением советских разведчиков в своем тылу, оставили одну сопку, потом другую. Сбив боевое охранение, мы оказались на господствующей высоте. Внизу, в покрытых мглой ущельях, противник сосредоточивал силы для атаки. Майор Добротин приказал Лебедеву разведать соседнюю сопку.

Майор предвидел ход событий. Не всегда, оказывается, господствующая высота является лучшей для боя. Под нами сейчас был ровный гладкий гранит. В землю не зарыться, маскироваться негде, а противник, вероятно, вызовет самолеты. Соседняя сопка значительно ниже, зато ее пересеченный и покрытый валунами хребет пригоден для обороны. Сбить нас с той сопки будет нелегко. Но майор не только это имел в виду. Он хотел создать видимость нашего отступления. И когда под натиском превосходящих сил мы начнем отход к берегу и в сторону передовой, то егеря, чтобы отрезать нас от моря, вызовут дополнительные силы. А мы по уже разведанному маршруту - узкому ущелью - ускользнем от них.

Таков был замысел командира, и, в конечном счете, майор навязал противнику свой план боя. Мы целый день оборонялись и нанесли большой урон врагу. Оттянув часть вражеских войск с передовой, мы тем самым помогли нашей пехотной части контратаковать неприятеля и занять более выгодные позиции.

Задача выполнена, а наши потери невелики. Почему же мы возвращаемся домой с таким чувством, будто нас постигла неудача? Вот и знакомый пирс. Мы сошли на берег, построились и в тягостном молчании ждем, зная, что команды «Разойдись!» не будет.

Среди нас - четыре безоружных разведчика. Старшина отряда Григорий Чекмачев сверяет по списку номера четырех винтовок - кому какая принадлежит. Около старшины крутится Витек и размахивает сапогом - одним солдатским сапогом, принадлежность которого не оставляет никаких сомнений. На правом фланге стоит босой матрос Белов. Без винтовки и босой...

Что же произошло?

До полудня мы отбили несколько атак, а когда враг получил подкрепление, начали постепенный отход к соседней сопке. Первая группа уже заняла новый рубеж, а наша еще удерживала господствующую высоту. Вражеские атаки нарастали. Егеря настолько приблизились, что мы слышали их крики и топот кованых сапог. Потом на высоте остались два отделения прикрытия - Лосева и Даманова. С нами - майор и капитан.

Напряжение боя нарастало, и тут нервы матроса Белова не выдержали. Оглянувшись, он крикнул: «Уже все отошли!» - и побежал. За ним последовали еще три разведчика. Они скатились вниз и, чтобы сократить дорогу к сопке, кинулись напрямик, к озеру. Мы яростно оборонялись на высоте. Стрельба усиливалась, а беглецы решили, что это противник уже ведет по ним огонь. Побросав винтовки, они бултыхнулись в воду, а Белов освободился даже от своих сапог.

В это время майор распекал старшину Лосева:

- Где ваше войско? Половину растеряли? Эх вы, горе-разведчики!

Добротин и Инзарцев легли в цепь, и мы отбили еще одну атаку неприятеля.

Я видел в бою майора - он спокойно целился и стрелял из автомата. Короткими очередями строчил из пулемета Инзарцев. Изредка поглядывая по сторонам, Гриша Харабрин, Николай Лосев, Алексей Радышевцев и другие разведчики с ожесточением, но без страха вели огонь и, готовясь к ближнему бою, положили рядом гранаты. Коля Даманов воевал лихо, с каким-то озорством, и мне было легко рядом с ним. Хотелось даже подмигнуть Николаю и крикнуть что-нибудь веселое. Утром, когда вдали только показались егеря, настроение было совсем другим. Томила неизвестность и какая-то смутная тревога: как сложится бой? Все это прошло. Даже в критические минуты вражеской атаки страха не было. Рядом - твои командиры и твои товарищи! И если два наших отделения с одним пулеметом сдерживают целую роту егерей, то тебе уже все кажется нипочем!

По команде майора мы отошли к сопке и соединились с группой Лебедева. Позже других на сопку взобрались Инзарцев, Лосев, Харабрин и Тарзанов. Лосев и Харабрин несли подобранные у озера винтовки.

— Трофеи героического прикрытия! — объявил Харабрин. — Приказано доставить в базу в полной сохранности.

А Витек, грозно потрясая сапогом, уже направился к побледневшему Белову.

— Сейчас у меня этот ишак попляшет! — объявил нам Тарзанов, но тут же замер под строгим окриком майора:

— Отставить!

...И вот мы стоим в строю в своей базе и ждем, когда придет майор Добротин, который задержался на мотоботе. Что он нам скажет? Как оценит минувший бой? Какое наказание ждет паникеров?

Завидев майора, капитан Инзарцев уже собирался отдать рапорт, но Добротин только рукой махнул: не надо, мол! Он близко подошел к нам и заговорил тихо — спокойно и тихо. Но каждое его слово стучало в ушах и в сердце:

— Паникеров передают в трибунал. Там их судят сурово, по законам военного времени. Мне стыдно, больно и стыдно, что среди добровольцев отряда, среди отобранных и проверенных, оказались такие, которых должен судить трибунал. Позор! Я был с вами в бою. Знаю, для многих это было первым испытанием, и надеюсь, что виновные смоют с себя это позорное пятно. Поэтому я не передам их в трибунал. Но никогда — слышите? — никогда и никому мы не позволим бросить тень на отряд, который дрался отважно. Кто в отряде останется, тот станет настоящим морским разведчиком, тот будет гордиться этим званием. А теперь, друзья, отдыхайте.

И, козырнув, ушел.

Вечером в кубрике только и было разговору, что о первом «чепе».

Старший лейтенант Лебедев в небольшом кругу моряков беседовал о призвании и долге разведчика, об истинной и ложной романтике морской службы. Нам, ушедшим с кораблей для боевых действий на суше, Лебедев рисовал картины, которые могут одних отпугнуть, других зажечь. И это тоже было своеобразным испытанием для каждого добровольца, пришедшего в отряд.

Здесь, на Севере, мы столкнулись с очень сильным и опасным противником. Егеря Гитлера натренированы в горной войне. Полки и оатальоны из корпуса генерала Дитла, угрожающие Мурманску и всему Кольскому полуострову, имеют большой опыт боев в горах юга - в 1|к'ции и Югославии, в горах севера - в Норвегии. Егеря умеют вогнан.. Чтобы сокрушить такого врага, надо быть сильнее его. Сила силу ломит.

Хочешь победы — будь не только смелей и отважней егеря, но одощ'пай его своим мастерством, хитростью, сноровкой. Это придет не сразу. Для разведчика-североморца легкой жизни не предвидится. Разведчику-североморцу опасность будет угрожать и на море, когда десант только идет к берегу, занятому врагом, и там, на берегу. Будут тяжелые и непрерывные бои в ближних и глубоких тылах неприятеля.

Скоро наступит осень, а следом за нею все покроется мраком кру-I посуточной полярной ночи, и тогда начнется самая страдная пора для разведчиков. Воевать и спать придется на каменистом грунте, под леденящим ветром, в пургу и в метель. По нескольку дней, а может, и недель не будет горячей пищи — в рейдах нельзя разводить костер. По кручам скал, по топкой тундре, через горные ручьи и болота трудно даже без |)оя пройти один километр, а придется совершать марши с боями на десятки километров, забираться на еще более крутые горы и сопки, чем тс, какие мы уже видели, пробираться через ущелья и пропасти.

Трудно воевать на скалистом побережье моря, еще трудней — вдапи от его берегов. Но если ты решил стать разведчиком — да еще морским разведчиком! - в твоем сердце не должно быть робости перед сильным и коварным врагом и страха перед суровыми испытаниями. (трах врагу и неистребимую ненависть к захватчику должен ты нести и своем сердце!

Действуешь ли в составе отряда, в мелкой группе или тебе придется сражаться в одиночку, — вся твоя надежда в оружии. Владей им в совершенстве. Но самое сильное оружие советского разведчика — это его чистая совесть и высокий долг перед Родиной.

...Об этом говорил нам старший лейтенант Георгий Лебедев, и мы слушали его, не перебивая. Никто ни о чем не спрашивал. Все было предельно ясно, а выбор — остаться в разведке или вернуться в базу — еще был свободен для каждого моряка.

Но выбор уже был сделан.

После второго рейда я тоже долго не мог заснуть, но уже не потому, что меня томили какие-то сомнения. Нет! Я вспомнил строй разведчиков на пирсе и босоногого Белова на правом фланге. Я отчетливо представил себе позор, до которого лучше не дожить, чем его испытать. Лучше пасть славной смертью Саши Сенчука, лучше уж, на самый худой конец, мучиться перед кончиной, как тяжело раненный матрос Николай Рябов, чем, подобно Белову, здоровому и невредимому, не иметь силы поднять голову, чтобы посмотреть в глаза своему командиру, своему товарищу.

Испытания только начинались. Но второй рейд уже не похож был на первый.

Спокойней и уверенней смотрел я в будущее.

СИЛА СИЛУ ЛОМИТ

1

В истории отряда североморских разведчиков можно встретить названия различных мысов и фьордов. Чаще других упоминается мыс Пикшуев на побережье Мотовского залива, близ устья реки Большая Западная Лица. Этот отлогий мыс косой вдавался в Мотовский залив. Если учесть, что через залив шло снабжение наших войск, оборонявших хребет Муста-Тунтури, то станет ясно, какое значение придавал враг мысу Пикшуев. Здесь были его наблюдательные пункты, доты. Постоянный гарнизон горных егерей-пехотинцев и артиллеристов оборонял мыс с моря и суши.

Накануне первого похода на мыс Пикшуев к нам в отряд пришла Ольга Параева, Оленька, как ее тут же прозвали разведчики, - маленькая, стройная, миловидная блондинка, карелка по национальности. Параеву направили в отряд как санитарку и переводчицу. Она знала финский язык, а, поданным разведки, мыс Пикшуев обороняли наряду с егерями и финны.

Появление Оленьки Параевой вызвало необычайное оживление **гцеди** разведчиков. Некоторые моряки вспоминали старую примету о незавидной судьбе корабля, который примет на бортженщину. «Да каким она женщина - девчушка!» - говорили те, кто с особым усердием **II ал** следить за своей внешностью. Едко подтрунивали над мнимо **пильными,** повалившими на прием к «доктору», у которого чуть скупаете с румянцем личико и озорные серые глаза с необычайно длинными ресницами.

Я демонстративно высказывал свое равнодушие к «разведчику в юбке», зло подшучивал над ее пациентами и поплатился тем, что со-м-ршенно неожиданно стал объектом внимания Ольги Параевой. Ей in- понравилась моя пышная шевелюра. В присутствии других разведчиков Параева сделала мне замечание и посоветовала постричься.

— Что вы, Олечка! — тут же вмешался в разговор Витя Тарзанов. — V Леонова вся сила в волосах, как у Черномора — в бороде. Читали «I'услан и Людмила»?

Но Параева совершенно серьезно смотрела на меня и только мигала своими длинными светлыми ресницами.

— Разве у вас прическа? — спрашивала она, явно недовольная тем, что мне как раз нравилось. - Лес дремучий! И потом - это же негигиенично! Хотите, Леонов, я сама вас подстригу? Аккуратненько...

— Конечно, хочет! Что за вопрос! — увивался вокруг Параевой Витек. - Принести ножницы? Мы его мигом из Черномора в Беломора превратим.

Я вспылил и сказал Параевой, чтобы она оставила меня в покое. М не этого показалось мало, и я посоветовал Параевой заниматься лучше мазями и таблетками для своих пациентов. Их и без меня хоть отбавляй.

— Вот какой вы!..

Параева смутилась и отошла.

Через два дня уже при совершенно иных обстоятельствах Параева припомнила мне этот разговор.

В первом рейде на мыс Пикшуев я больше наблюдал за боем, чем активно в нем участвовал. Сразу после высадки меня ранило: осколок мины впился в правую ступню.

Боец, раненный в тылу врага, особенно остро переживает свое бессилие. Он видит, как трудно товарищам, не может им помочь, и сам

им в тягость, если рядом нет санитара. Я находился в небольшой группе старшего лейтенанта Клименко. С моря к Пикшуеву направились взводы Лебедева и младшего лейтенанта Бацких во главе с майором Добротиным. С ними была санитарка Параева. Разведчики Клименко должны перерезать дорогу к тылам противника, когда основная группа ударит по гарнизону мыса. Чтобы не ослабить группу, я отказался от сопровождающего и попросил лейтенанта оставить меня одного - пусть все следуют по своему маршруту.

Разрезав голенище, Степан Мотовилин снял с меня сапог и перевязал раненую ногу. Клименко, оставив мне запасной диск к автомату и две гранаты, сказал:

- Это на всякий случай... Спрячьтесь в камнях и ждите. После боя придем за вами.

- Не тужи, Виктор, придем! - подбодрил меня Степан и побежал догонять ушедших вперед разведчиков.

Я остался один и вскоре понял, что одиночество тяготит меня еще больше, чем ранение. Кругом тихо, и эта тишина настолько томила своей неизвестностью, что я обрадовался, когда в горах прогремели выстрелы. Они то приближались, то опять удалялись. Солнце уже пригревало. Олений мох - ягель отдавал солнцу скопленную за ночь влагу, и невидимые в камнях ручейки журчали все сильней. А выстрелы раздавались все реже, приглушенней, и не с той стороны, откуда их следовало ждать. Я знал, что звук в горах обманчив, верил, что такой опытный следопыт, как Мотовилин, найдет ко мне дорогу. И все же никак не мог унять охватившего меня беспокойства.

Вдруг я решил, что рана у меня пустяковая и я смогу двигаться. Встал, попробовал опереться на пальцы правой ноги и тут же прикусил губу, чтобы не выдать себя криком.

Настороженно оглядываясь по сторонам, я пополз. Нестерпимо болела раненая нога, ломило шею. Потом началось головокружение. Ощутив слабость во всем теле, я уже пожалел, что покинул место, где меня будут искать. Теперь я не найду этого места и могу заблудиться. Выстрелы прекратились. По ним нельзя ориентироваться. За каждым чахлым кустом, за каждым камнем чудилась мне засада. Отчаяние придало силы и, прыгая на одной ноге от камня к камню, я забирался все выше на вершину мыса.

Я догнал разведчиков, чтобы тут же с ними расстаться. Сбив боеиое охранение, взводы ушли вперед и сосредоточились для атаки дотов гарнизона мыса. Майор Добротин приказал Параевой остаться со мной и, если нам будет угрожать опасность, дать сигнал.

- Что у вас? - недовольным тоном спросила Параева, когда мы остались одни.

От этого тона мне стало не по себе.

- Ничего! - грубо отозвался я и отвернулся. — Отдохну и пойду дальше. А вы, между прочим, можете сейчас идти. Я вас не задерживаю.

- Послушайте, Леонов, вы не в базе, и мы не о прическе спорим. Что за капризы?..

Чувствую себя виноватым и потому молчу.

Мы сидим на одном камне, спиной друг к другу. Мне нисколько не легче оттого, что санитар рядом. Параева нервничала: где-то впереди раздались выстрелы, застрочил пулемет...

- Слышите? - Ольга тревожно посмотрела на меня. Я не выдержал, закричал:

- Что ж вы сидите? Там бой идет. Бегите туда!

- Но майор? Он мне приказал...

- А мы, Оля, - я первый раз назвал ее по имени, - вместе пойдем. Ладно? Вдвоем веселей, вы только чуточку помогите мне.

Опираясь на автомат, я встал. Ольга положила мою левую руку себе на плечо. И - точно не было никакой размолвки - мы пошли туда, где все сильней разгорался бой.

Через десять минут я уже лежал в цепи, рядом с пулеметчиком, показывал ему цели и сам бил из автомата.

Ольга Параева присоединилась к разведчикам, атакующим доты.

2

В каждой схватке есть тот критический момент, когда решается судьба боя.

Мотовилин, Даманов, Лосев и Радышевцев - все из группы Клименко - огибали большой дот на вершине Пикшуева. Из амбразур дота егеря поливали свинцовым дождем камни, где засели разведчики

Лебедева. Я видел, как Мотовилин и Даманов метнули по две противотанковые гранаты, ослепив на несколько секунд амбразуры дота. Этого было достаточно, чтобы разведчики Лебедева ринулись в атаку.

Большой дот пал.

Допрыгав до разгромленного дота, я увидел погнутые стволы пулеметов в развороченных взрывами амбразурах. В просторном доте уже находились майор Добротин, лейтенант Клименко, Ольга Параева и еще пять разведчиков. На полу, у порога, лежал убитый немецкий офицер. Другой офицер, высокий финн, стоял навытяжку перед маленькой Ольгой и что-то быстро говорил. Шесть обезоруженных финских солдат выстроились у стены и смотрели на Параеву. На столе лежали финские автоматы и одна винтовка с оптическим прицелом. И еще на столе был телефон.

Ольга тревожно поглядывала на телефон, когда переводила речь финского офицера.

— Это фендрих, прапорщик по-ихнему. Его зовут Хейно, - рассказывала она майору. - Фендрих говорит, что немецкий обер-лейтенант пришел сюда из штаба, что в Титовке, договориться о смене. Немцы должны их сменить через два часа. Обер-лейтенант доложил по телефону своему начальнику, что наша атака отбита и теперь они нас контратакой сбросят с высоты.

Майор повернулся к фендриху, спросил его по-немецки:

— Вы вели наблюдение за заливом?

— Да, тетрадь с записями наблюдений забрал обер-лейтенант, — слегка коверкая немецкий язык, ответил фендрих, — но последние данные я помню наизусть. Повторить?

— Не надо, тетрадь эта уже у нас. В чьем подчинении вы находились? С кем поддерживаете сейчас связь по этому телефону?

— С комендантом укрепленного района Титовка. Ему и подчинен непосредственно.

— Ясно! — майор не отрывал взгляда от фендриха, который, прижав руки к бедрам, стоял по стойке «смирно». - Какое последнее донесение передали коменданту Титовки?

— Час назад доложил о вашем нападении на опорный пункт и тут же побежал к переднему краю.

— Эй, кто тут? Где майор? - кричали снаружи.

В дот спустился матрос Куприянов из взвода Лебедева. Увидев майора, он близко подошел к нему и глухо сказал:

- Старшего лейтенанта убило. Разрывной — прямо в голову. Наповал...

Добротин побледнел, тихо вымолвил: «Не может этого быть...» Потом так же тихо Куприянову:

- Бегите во взвод, скажите, что скоро приду.

Куприянов выбежал из дота.

- Передайте фендриху, — обратился Добротин к Параевой, — что ему и его солдатам ничего не угрожает. Пусть лягут в котловине за дотом. А охранять их будет... Сможете? - он посмотрел на меня и, не дождавшись ответа, скомандовал: — Остальным — за мной!

Но тут загудел зуммер телефона. Майор подошел к аппарату, взял трубку и, подражая голосу фендриха, заговорил по-немецки:

- У аппарата Хейно. Я вас слушаю... Нет, не надо открывать огня. Атака отбита. Обер — в соседнем доте. Скоро прибудут?.. Благодарю!

Мы недвижно стояли, настороженно прислушиваясь к этому разговору, и облегченно вздохнули, когда майор положил трубку.

- Комендант Титовки благодарит вас, Хейно! — едва сдерживая улыбку, обратился майор к фендриху, а потом сказал нам: — Обещает прислать подкрепление и сам сюда пожалует. Что ж! Встретим гостей...

Майор вышел из дота. Разведчики последовали за ним.

Пленные вели себя смирно и лишь тревожно поглядывали в одну сторону. Насколько можно было их понять, они показывали, откуда ожидается опасность.

К доту подошел раненный в руку матрос Волошенюк — его прислал Клименко - и рассказал, как был убит старший лейтенант. Лебедев поднял в атаку взвод и тут же был сражен пулей.

- Должно быть, финский снайпер стрелял разрывными, — сказал Волошенюк.

Снайпер? Я вспомнил про винтовку с оптическим прицелом.

— Проверь, Волошенюк, чем заряжена винтовка, что лежит на столе в доте?

Волошенюк зло посмотрел на пленных и спустился в дот.

Винтовка оказалась незаряженной. Сняв с нее оптический прицел, Волошенюк уже собирался уходить, как опять загудел зуммер. Ус-

лышав «Алло! Алло!», я побежал к доту, чтобы предупредить Волошенюка, но было уже поздно.

- Та шо ты брешешь, як собака? - спрашивал Волошенюк, отчаянно продувая трубку, и только после моего окрика оторвал ее от уха и бросил на стол. - Та хиба ж я знал? - оправдывался он, когда я ему рассказал, что он наделал. — Может, бежать до майора?..

Пока разведчики уничтожали склады, доты и оборудование наблюдательных пунктов, из Титовки к мысу подошла колонна егерей. Пленные финны еще издали заметили немцев и дали мне знать. Волошенюк побежал к майору предупредить об опасности.

Из Титовки по Пикшуеву били пушки и минометы. Ранило радиста и разбило радиостанцию.

А с моря к берегу уже шли два наших «морских охотника» и мотобот майора — «Касатка». Забравшись на вершину мыса, Коля Даманов флажками просигналил кораблям: «Поддержите нас огнем!» Моряки ударили из пушки и пулеметов, не дали егерям обойти нас со стороны побережья.

Первыми к берегу вышли раненые. Четыре разведчика несли на плащ-палатке убитого Лебедева. Волошенюк и я сопровождали военнопленных. Позади нас разведчики вели неравный бой с наседавшими на них егерями. Последними на командирский мотобот погрузились разведчики из отделений Мотовилина и Радышевцева.

«Касатка» отстала от катеров, и на полпути к базе ее настигли «мессершмитты». Пулеметчик с «Касатки» отбивался от вражеских истребителей и поджег один самолет. Но на палубе «Касатки» уже были убитые и раненые. Недалеко от берега сильно поврежденный мотобот стал тонуть, и майор приказал всем добираться до берега вплавь.

Раненый Добротин последним покинул мотобот.

Через три дня в госпиталь, где находились на излечении раненые разведчики, пришли Радышевцев и Даманов. От них я узнал, что Ольга Параева помогла майору Добротину выплыть к берегу и что наши катера забрали всех спасшихся с «Касатки». Добротин находится пока в морском госпитале, а его вестовой Тарзанов, тяжело раненный в грудь, отправлен в тыловой госпиталь. Отряд с большими почестями хоронил Лебедева. Могила его находится на высокой скале, обращенной к морю.

Командиром отряда назначили капитана Инзарцева, он и послал Гпиышсицова с Дамановым проведать нас.

Ждем большого пополнения! - Это была последняя новость, mnipvio передали нам друзья.

3

Мотопилин и я лежим в одной палате. У Мотовилина легкое ранепне Излохмаченный и небритый, в длинном до пят халате, Мотовилин **41** ним и **I** угла в угол и нещадно ругает себя за то, что согласился эвакуироиліься и госпиталь. Мне обидно, что Степана выпишут из госпитали раньше меня, и я останусь здесь один.

Я гоже не бреюсь, даже не причесываюсь. Злясь на себя, зачем-то рш**-ска**зываю Степану, как можно ошибиться в человеке и какой, например, славной девушкой оказалась Ольга Параева. Степан, конечно, не понимает меня. Поскольку мы находимся в госпитале, он тут же I **Іпиит** свой «диагноз»:

13иктор, ты начинаешь портиться. Тебе вреден постельный режим. Как только меня выпишут, смазывай раненую пятку. Я тебя поможду у ворот госпиталя.

Иремя тянется бесконечно долго, и свет нам не мил. Если, вспо**миная** былое, я решил все же говорить о днях, проведенных в госпитапе, то лишь потому, что они связаны с Добротиным, которого вскоре **I** уда привезли. Много часов скоротали мы в беседах с майором. И эти пессды запомнились надолго.

Майора положили в палату тяжелораненых. Узнав об этом, мы обманули бдительность сестры и вскоре оказались у дверей этой палаты, по столкнулись с дежурным врачом.

- Что сие значит? - строго спросил он. - Кого вам нужно?

Майора Добротина! - выпалил Степан, и это нас спасло. Майор услышал знакомый басок разведчика.

- Пропустите их, доктор, - попросил майор дежурного врача.

- Пять минут! - строго объявил доктор и, хмуро посмотрев на нас, vinen. Мы юркнули в палату.

Майор полулежал на высоко взбитых подушках. Он как-то удивленно смотрел на нас, потом угрожающе поманил указательным пальцем.

- Садитесь, раз это вы!.. Что с тобой? - спросил он Степана.

- Пустяки, царапинка. Боюсь, товарищ майор, что тут по-настоящему заболею.

- Так... Как ваша нога, Леонов?

Я поморщился и сказал, что врачи грозят продержать меня в госпитале около двух месяцев.

- Ух ты! - облегченно вздохнул майор. - А я как увидел вас - испугался!

Мы со Степаном недоуменно переглянулись.

- Что за вид? - строго спросил майор и окинул нас осуждающим взглядом. - Обросшие, растрепанные! Как же мне сказать врачу, что вы - морские разведчики? Не поверит... Хотите быстрей выписаться - следите за собой! Не раскисайте. Чтобы не сердить врача, - он посмотрел на часы и, хотя положенные пять минут еще не истекли, решительно сказал: - Давайте на этом кончим. А вечером обязательно приходите ко мне. Идет?

Мы с радостью согласились и поспешили к выходу.

Вечером, тщательно побрившись и освежившись одеколоном, застегнув халаты на все пуговицы, мы явились к майору, а покинули его палату лишь в час отбоя. Потом уже каждый день наведывались к нему. Майор знал, что в строй вступит не скоро, и уж во всяком случае в разведке по тылам врага ему не доведется бывать. Может, поэтому он и говорил с нами о том, что считал крайне важным.

- Почему я не наказал Белова и других паникеров? - повторил он вопрос, заданный ему однажды Степаном. - В самом деле - почему? - Он так искренне удивился этому, что я решил поругать Степана за то, что тот вспомнил этот неприятный случай из жизни отряда. - Ну, слушайте...

Майор поправил подушку и чуть прикрыл глаза, будто силясь что-то вспомнить.

- В ваши годы я уже немало повоевал и все-таки однажды чуть не праздновал труса... Вот тогда-то я и узнал истинную цену самообладания в бою. Для разведчика это особенно важно.

Меня с взводом курсантов выслали в разведку - Юденич тогда наступал на Питер. После ночного поиска расположились мы на отдых в небольшой рощице. Отпустили подпруги, дали коням корму, сами на-

чини подкрепляться. И тут прискакал высланный на опушку рощи до-
н»|жый с паническим криком: «Беляки! Целый эскадрон вытянулся из
(сма. Нас окружают!..» Курсанты бросились к коням, уже кой-кто, займи подтянуть подпруги, болтается с седлом под брюхом лошади. И
I **мех** и горе! Сам чуть было не сорвался с места... И вот это «чуть» до
I **их** пор простить себе не могу. Выскочили бы мы врассыпную из рощи
и как зайцы на борзых! Но я взял себя в руки и приказал всем спешиться.

Надо вам сказать, что село было от нас в пяти километрах, а прошиник вряд ли мог знать о нашем присутствии именно в этой рощице таких рощиц кругом много, и окружить нас было не так-то просто. II о у страха глаза велики. Когда теряешь самообладание, то уже мысли скачут вкривь и вкось. «Ты что панику разводишь?» — закричал я на л< мирного. «**СВОИМИ** глазами видел!» - убеждает он меня.

К опушке рощи мы подошли в полной боевой готовности и тут же установили, что из села вышел не эскадрон, а только взвод, и о нашем местоположении он ничего не знал. Мы внезапно атаковали его, разними наголову и даже пленных захватили...

...Так вот - о Белове! - продолжал майор. - Всю дорогу, пока шел к нам от пирса, я думал, как мне поступить с Беловым? И вспомнил ни да этот, уже давний случай с дозорным. Фамилию его забыл. Дразнили его потом Паникадилом. И был он Паникадилом до тех пор, пока не заслужил орден за храбрость. Уж он старался! А в первом бою, кик видите, оплошал. Это бывает...

- Точно, товарищ майор! - не выдержал я. - По себе знаю!

Майор Добротин около месяца пробыл с нами в госпитале, потом пи отправили на окончательное излечение в тыл. В последний вечер майор показал нам два письма, которые он хранил в одном конверте. I lepuoe письмо, от жены старшего лейтенанта Лебедева, пришло из 1шку. Лебедева благодарила майора и всех разведчиков за заботу и внимание к ней.

«Вы просите меня быть стойкой, - писала она. - Об этом и Жора просил меня в своем последнем письме. Вот его слова: «Идет второй месяц войны. Я верю в жизнь и в нашу победу. Ты - жена советского разведчика. У тебя должно быть спокойное и храброе сердце. И чтобы наш малышка никогда не видел слез в твоих глазах... Помнишь, когда

мы только познакомились, твоим героем был Овод. Ты восхищалась его стойкостью и верностью. И ты часто повторяла строчки, которыми он закончил свое последнее письмо любимой женщине: «Я счастливый мотылек, буду жить я иль умру...»

Майор оборвал чтение.

Я не решался поднять головы, чтобы не заметили моего волнения. Я помнил роман «Овод» и эти строки. И еще я не забыл, что говорил мне Лебедев после гибели Саши Сенчука...

— Такой он был, наш старший лейтенант Георгий Лебедев! - сказал майор. - А вот другое письмо, не отправленное. Его писал немецкий обер-лейтенант, тот, что был убит в доте финнов на Пикшуеве. Тоже адресовано любимой. И здесь есть стишок, видимо, сам обер сочинил. Переводится он так: «Нас занесло в холодные края по воле фюрера. Молись за меня! Мне уже теперь снятся страшные сны... Полярная ночь и вьюга. Я еще живу, а меня считают убитым. И я никому не могу сказать, что меня, живого, похоронили. Только дикий олень приходит на мою могилу и трубит свою тоскливую песню...»

— Скажите, какой чувствительный немчик! - удивился Степан. - Только этот обер, между прочим, был отчаянным! Строчил, гад, из пулемета, пока мы к самой амбразуре не подползли. Олень трубит?.. - Степан усмехнулся. - Может, товарищ майор, это моя противотанковая протрубила ему последнюю песню?

— Возможно, - медленно отозвался майор, думая, видимо, о чем-то своем, так как заговорил потом горячо, убежденно: - Вот они с немецкой точностью подсчитали, насколько у них больше самолетов и орудий, измерили силу своих ударных горных дивизий, бригад, полков. По расчетам их штабистов получается, что должны они в самый короткий срок взять над нами верх. Только этого, - майор грозно потряс письмами, - этого они не приняли во внимание. Это не поддается их учету! Их обер-лейтенанту за гранитной стеной опорного пункта чудилась смерть и всякая чертовщина. Отчаянно дрался? - Майор повернул голову к Степану. - Отчаянный - это не значит храбрый. Наш старший лейтенант шел на смертный бой, штурмуя дот, и верил в жизнь, верил в победу. До последнего дыхания верил! Пусть эта вера никогда нас не покидает. А сила? Сила наша еще скажется!

4

Календарь показывал осень, а на севере началась зима.

Неистовый шальной ветер гнал с моря снежную крупу, заметая сугробы и оголяя камни. Мне после длительного пребывания в госпи-**l**ильной палате ветер казался особенно лютым. Пряча голову в поднятый поротник и опираясь на палку, я шагал осторожно, чуть прихрамывая. И кармане гимнастерки лежало направление, в котором сказано, что Пеонов «временно к строевой службе не годен». Из-за этой бумажки я изменил маршрут и вместо штаба флота пошел прямо в отряд.

- Как же нам быть? — спросил меня капитан Инзарцев, прочи-**l**ни направление и перелистав лечебную книжку. — С базой, допу-**стим,** я договорюсь. Но в боевую группу зачислить не могу. Куда **l**акого, с палкой? — И вдруг лыжная палка с металлическим наконеч-**и**п**ком,** которую я держал в руке, навела капитана на мысль: — А не послать ли тебя, дружок, на лыжную базу? Займешься пока хозяй-**с** гном, а там видно будет.

Так я остался в отряде, а к концу зимы, когда рана окончательно шрубцевалась, уже принимал участие в рейдах по тылам врага.

Теперь в поход отправлялись закаленные в боях и спаянные крепкой матросской дружбой разведчики, о делах которых я много слышал на лыжной базе, читал во фронтовых газетах и листовках.

Вместе с ветеранами отряда выросли новые отважные следопыты Заполярья. Были среди них моряки разного возраста. Отделениями командовали призванные из запаса мичманы, главстаршины, старшины, такие как Александр Никандров, Анатолий Баринов, Андрей Пшеничных и другие. Прославились и недавно призванные на флот комсомольцы Александр Манин, Зиновий Рыжечкин, Евгений Улен**ком** и многие их ровесники. Большим авторитетом среди моряков пользовались люди, умудренные житейским опытом, — мурманский инженер Флоринский и ленинградский слесарь Абрамов, мастера и умельцы, в совершенстве знавшие не только свое, но и трофейное ору**жие,** походное снаряжение. Были среди нас отличные спортсмены — студенты ленинградских институтов Головин, Старицкий, Шеремет. 1la лыжной базе я подружился с Василием Кашутиным, который пришел и отряд из пограничных войск. Бывалый разведчик и отличный

стрелок, сержант Кашутин ревностнее всех обучал свое отделение скалолазанию, маскировке, наблюдению в горах.

Ветераны отряда с радостью встречали новичков, а особенно тех, кого давал нам флот. Мы приняли в свою семью старых знакомых по базе — электрика Павла Барышева, моториста Ивана Лысенко, штурмана Юрия Михеева, кока с подводной лодки Семена Агафонова, списанного, кстати, на берег за какой-то неблаговидный поступок. Агафонов был единственным моряком, для которого капитан Инзарцев сделал исключение, зачислив в отряд под свою личную ответственность. Если строгий Инзарцев пошел на такой шаг, то, видимо, высоко ценил этого хладнокровного и безгранично смелого помора. Как показало время, Инзарцев не ошибся в Агафонове.

Теперь в отряде были партийная и комсомольская организации. На должность комиссара политотдел прислал старшего политрука Дубровского, опытного политработника. К нему я и обратился с просьбой разрешить мне пойти в очередной рейд, и если можно — в отделение Кашутина. Комиссар посоветовал Инзарцеву взять меня в связные.

- После большого перерыва в боях, — сказал мне комиссар, — вам надо находиться поближе к командиру. А отделение Кашутина пойдет замыкающим.

Темной вьюжной ночью высадились мы на скалистом берегу и начали марш через горы к вражеской базе. Дорогу отряду прокладывали неутомимые ходоки Мотовилин, Радышевцев и Агафонов. Впереди идущие ненадолго задерживаются у црепятствия. А замыкающие преодолевают препятствие, когда первые уже далеко ушли вперед. Комиссар шел с замыкающими - разведчиками Кашутина, с теми, кто не отставал и кто следил, чтобы не было отстающих.

Полночь. В горах свирепствует снежный буран. В пяти метрах уже не видно идущего впереди разведчика, и, чтобы не потерять друг друга, мы движемся плотной цепочкой почти до самого конечного пункта.

Недалеко от вражеской базы все залегли. Только двое, Алексей Радышевцев и Николай Даманов, ушли вперед, чтобы первыми забраться на площадку близ базы, где выставлены часовые. Мы с нетерпением ждем развязки короткой, драматической схватки, которая на языке разведчиков называется: тихо «снять» часовых...

Два егеря в длиннополых шинелях с высоко поднятыми воротниками шагают навстречу друг другу. Они не видят облаченных в белые маскхалаты разведчиков, распластавшихся на снегу. Да и разведчики видят часовых лишь тогда, когда те сходятся в центре площадки. Потом егеря растворяются во мраке ночи, чтобы через две — три минуты появиться на этом же месте. Егерей надо «снять» одновременно, иначе первый часовой заметит исчезновение другого и поднимет тревогу.

Егеря разошлись. Теперь за каждым из них пополз разведчик. Радышевцев притаился за валуном близ тропинки, утоптанной часовыми, и замер. Когда, уже возвращаясь, егерь, сутулясь и глядя себе под ноги, проходил мимо валуна, Радышевцев одним прыжком настиг его, оглушил прикладом и тут же загнал ему в рот кляп. Только потом он полез в карман за ремешком, чтобы связать егерю руки на спине.

Пока Радышевцев это делал, ему послышался приглушенный хрип борющихся людей. Он побежал в противоположную сторону, но Даманова не нашел, а увидел следы, по которым можно было определить, что здесь недавно происходило. Вот тут была засада Даманова, отсюда он напал на егеря и свалил его с ног. Егерь, видимо, сопротивлялся, когда Даманов скручивал ему руки. Следы на снегу показывали, как двое отчаянно боролись, катались по земле, приближаясь к обрыву, где след оборвался.

Радышевцев вздрогнул, услышав внизу шорох, и отскочил назад, схватившись за автомат. Во мраке ночи не видно того, кто, цепляясь за камни, карабкается наверх. Свой или чужой? Радышевцев увидел пальцы левой руки, потом нож, зажатый в правом кулаке, и наконец показалась лыжная шапчонка Даманова.

- Коля! - шепотом позвал Радышевцев. Даманов подполз. Пот градом струился с его лица.

— С-сиг-наль! — выдохнул он.

Радышевцев просигналил нам ручным фонариком.

Обгоняя друг друга, мы поднялись на площадку.

Инзарцев повел свою группу к стоявшей под навесом колонне автомашин, а Дубровский своих разведчиков — к казарме и складу.

Когда сноп огня взвился над складом, группа Инзарцева уже громила автоколонну и подожгла цистерну с горючим. Освещенные пла-

менем егеря метались между казармой и складом и падали, сраженные меткими очередями из наших автоматов.

Мы отошли вовремя. На складе боеприпасов начали рваться снаряды. Вражеская артиллерия открыла огонь по своей базе.

Десантные катера уже были далеко от берега, а мы все еще видели бушующее пламя пожаров над сопкой, где недавно побывали. И долго еще потрясали окрестность взрывы рвущихся в огне снарядов.

Операция была проведена внезапно, стремительно и дерзко. Больше всего, помню, меня поразила спокойная уверенность разведчиков в исходе боя. Точно иначе и не могло быть!

Да, это был уже другой отряд, и сила другая - та, что ломит вражью силу, та, в которую наказали нам верить и сами безгранично верили майор Добротин и старший лейтенант Лебедев.

НА ВЫСОТЕ 415

1

Нас, разведчиков, в шутку называют моряками сухопутья.

Море провожает нас в трудный, опасный путь. При высадке шум прибоя заглушает шаги десантников, ступивших на вражий берег. А бой мы нередко ведем далеко от моря - в сопках и в поросшей мхом-ягелем тундре, на вершинах гор и в расщелинах скал.

Когда возвращаемся к берегу, к катерам, темная ночь, надвигаясь с Баренцева моря, укрывает нас от преследователей. Моряки с катеров помнят, сколько нас высадилось, и видят, сколько нас вернулось. Разделяя нашу скорбь, они ничего не спрашивают о тех, кто остался в горах...

Каждый поход в тыл врага имел свои особенности. Так было и с памятной для нас операцией, названной потом в истории отряда «Майским рейдом».

Началась эта операция в канун Первого военного мая 1942 года. К тому времени я, в звании старшины второй статьи, командовал группой управления в составе десяти разведчиков.

* * *

Мы сидели в кубрике, не спеша готовили свое снаряжение к походу. Больше всего забот выпало на долю Семена Васильевича Флоринского: он проверял пулеметы — наши и трофейные. Флоринский как всегда придирчиво осматривал оружие, но вдруг, оторвавшись отдела, сказал:

— В прошлом году, как раз в это время, сидел я со своей Еленой Васильевной на концерте в Мурманском театре. Концерт, конечно, большой, майский. Жена - в праздничном платье, а сам я - в новой бостоновой тройке. При галстуке. При галстуке, ребята! Чудно...

Я представил Семена Васильевича в штатском темно-синем бостоновом костюме с жилеткой. Рядом — нарядно одетая жена. Обычная, как будто бы, картина, но сейчас она показалась действительно чудной и, главное, очень далекой.

— Наш-шел что вспомнить: жену да бос-стоновый костюмчик... — снисходительно пожурил его Николай Даманов. — Раз-змечтался!

Но Даманов тут же спохватился, что это может обидеть уважаемого в отряде оружейника, и, сменив тон, добавил:

- Не будем вс-споминать прошлое. Будем глядеть вперед. Пройдет, допус-стим, десяток лет и расскажешь ты, Семен Васильевич, споим деткам, как в ночь под Первое мая нанесли мы визит егерям-лапландцам. Это интерес-сно будет ребятам послушать.

Наступила пауза.

- Хорошо бы, - тихо отозвался Флоринский. — Хорошо бы, Копя! - воскликнул он. — Вот, скажу, ребята, жил да был в нашем отряде электрик с подводной лодки, лихой разведчик, отважный старшина второй статьи по фамилии Даманов. Отчаянная душа! И вот однажды...

- В глухую полярную ночь!.. - в тон ему продолжал Евгений Улснков.

— Пош-шел травить! — беззлобно оборвал Уленкова Даманов.

У нас не принято было много говорить о предстоящих походах. Днем командир отряда капитан Инзарцев четко определил задачу разпедки, и всем стало ясно, что на этот раз уходим не в обычный рейд. А вечером с нами беседовал комиссар отряда Дубровский. Он вспомнил

разгромленные нами опорные пункты неприятеля, захват «языков», а потом сказал:

- Каждая наша операция продолжалась ночь или сутки. Не больше. А что, если бы не удалось сразу вернуться в базу? Чего только на войне не случается! Вдруг обстановка изменится и придется действовать в тылу врага несколько суток - как тогда?

Вероятно, об этом думал каждый из нас, но распространяться на эту тему не хотелось. «Начальству виднее, как в таких случаях поступить», — полагали одни. «Разве моряки оставят нас в беде? Выручат!» - твердо верили все.

А комиссар, чтобы не оставлять никаких сомнений на этот счет, продолжал:

- Неожиданность и внезапность - к этому нам, разведчикам, не привыкать. Однако надо быть готовым и к длительным, упорным боям. Следом за нами в десант уйдет подразделение морской пехоты. У них - своя задача. А мы, разведчики, будем высаживаться первыми. И не бесшумно, не под покровом ночи, а в открытую, с боем, привлекая внимание противника. Так мы поможем пехотинцам. Это будет не тот скрытый, короткий и ошеломляющий удар, который хорошо знаком многим разведчикам нашего отряда.

И комиссар несколько раз подчеркнул одно слово:

— Стойкость!

Вспоминая потом майский рейд, мы уже отлично знали истинную цену той стойкости, о которой говорил нам комиссар. Но это было потом. А пока мы усердно упаковывали рюкзаки, проверяли оружие, одежду, обувь и закончили приготовления только после веселой команда старшины:

— Построиться! Сегодня праздничный ужин.

...Ночь. Первая майская ночь.

Два катера, ревя моторами, бороздят воды Мотовского залива. На полном ходу идут они к берегу знакомого нам мыса Пикшуев.

Боевое охранение неприятеля начеку. Его посты наблюдения нас заметили, и в бой вступила вражеская батарея на Пикшуеве. Небо озаряется ракетами, и мы видим, как вокруг нас сближаются фонтанчики воды — следы разрывов.

Мористее, на малом ходу, идут еще несколько наших катеров. Комендоры открывают огонь по прибрежной сопке мыса. Они стреляют

метко, и вот уже сопка охвачена пламенем, точно ее покрыли ярко-красной шапкой, обдуваемой ветром. Прильнув к иллюминаторам, мы скандируем:

- Дай-дай-дай!

Точно повинуясь этой команде, катерники отвечают залпами по мысу Пикшуеву.

Над морем разыгралась артиллерийская дуэль, а наш катер, не сбавляя хода, уже разворачивается для высадки первого десанта.

С высокого мыса ведут огонь вражеские пулеметчики.

Не ожидая, пока спустят вторую сходню, прыгает в воду матрос Шеремет, за ним - Даманов и комсорг нашего отряда Саша Манин. По трапу, с пулеметом на весу, сбегают Флоринский и Абрамов. Штурмуем первую высоту. Шеремет на бегу кидает гранату. Она разорвалась m большим валуном, и следом за ней метнулись вперед Даманов и Манин. Раненый Шеремет, споткнувшись о труп вражеского пулеметчика, сцепился врукопашную с огромным егерем, вторым номером пулемета. Но трофейное оружие уже в руках Даманова. Он карабкается иерх, устанавливает пулемет на самом срезе скалы и дает длинную очередь, которую обрывает взрыв гранаты.

Сраженный насмерть Коля Даманов медленно сползает, вот-вот сорвется со скалы. Его подхватывает подоспевший Флоринский.

— А-а-а-а! Га-а-ады! - слышим мы крик Флоринского.

Абрамов и Флоринский, прильнув к пулеметам — своему и трофейному, — поливают огнем разбегающихся егерей. А справа и слева от них нарастает матросское «ура».

Мы ринулись в штыковую атаку и, уничтожая на ходу небольшие заслоны неприятеля, прорвались в горы.

2

Скоро, должно быть, начнет светать, но пока еще очень темно.

В лощинах лежит глубокий, вязкий снег. Ходить низом, да еще с нашей поклажей, неимоверно трудно. Днем кое-где на сопках образовались озера, а за ночь подморозило, и они покрылись предательски тонким слоем льда. Впереди и по сторонам господствующие высоты заняты егерями. Они, конечно, видели наш десант, подсчитали наши

силы — не более двух взводов — и теперь, отрезав путь к морю, преследуют нас, глубоко убежденные, что мы попали в ловушку, в западню и обречены на верную гибель. Егеря знают, что матросы-разведчики в плен не сдаются.

А мы, петляя по ущельям, пробиваемся вперед к тому конечному пункту, который на карте командира обозначен цифрой 415.

До этой высоты еще далеко.

Капитана Инзарцева беспокоят отстающие — молодые разведчики из отделения мичмана Никандрова. Они могут стать легкой добычей преследователей. Инзарцев приказывает:

— Леонову, Харабрину и Маниу - подтянуть колонну. В случае чего — задержать егерей. Будете отходить — дайте сигнал ракетой.

Занимается утро. Теперь мы различаем гребень самой большой высоты - 415. На гребне - фигуры в длинных шинелях. Егеря спешно сооружают из камней укрытия и устанавливают пулемет. Разведчики Кашутина и Радышевцева обходят высоту 415, чтобы атаковать неприятеля с тыла.

Завязывается перестрелка, и это подстегивает отстающих разведчиков - они прибавляют шаг. А мы бежим к замыкающим колонну, торопим товарищей.

Два разведчика несут на плащ-палатке Владимира Шеремета. Он ранен в ноги, живот. Шеремет тяжело дышит и кричит идущему рядом лейтенанту медицинской службы Заседателеву:

— Не имеете права! Позови комиссара! Позови...

Заметив нас, он просит остановиться, протягивает руки к Харабрину:

— Гриша, Гриш... Дай мне пистолет! Или, Гришенька, лучше сам... Как друга прошу!..

Харабрин подходит к Шеремету, пытается его успокоить, но Шеремет только скрипит зубами и качает головой:

— Не друг ты мне... Запомни! Я ведь вам в обузу. Ну, умоляю...

Харабрин отворачивается и говорит Заседателеву:

— Егеря идут следом. Несите быстрей.

Замыкают колонну Барышев и Коликов. Коликов хромает и опирается на плечо Барышева. Мы их поторапливаем и залегаем в камнях.

Ждать пришлось недолго.

— Идут! - объявляет Харабрин.

— Глянь-ко! — слышим мы вологодский говорок Саши Манина. — Егеря-то! Жмут вдоль озера, прямо, на виду...

Манин удивленно смотрит в мою сторону, а я, стараясь говорить спокойно,поясняю:

— Торопятся... Им, Саша, хочется кресты в награду заработать.

Впереди цепи егерей уверенно шагает офицер. Его можно снять пулеметной очередью. Но Харабрин не стреляет. Егеря приблизились, и мы ударили одновременно из пулемета и автоматов. Цепь разорвалась, рассыпалась, залегла. Только офицер, точно заговоренный от пуль, даже не пригнулся. Выхватив парабеллум, он что-то кричит солдатам, поднимает их в атаку и, повернувшись к нам боком, опять идет первым.

— Силен! — говорит Харабрин. — Знает, что не миновать ему моей пули, а прет, стерва...

Мы слышим несколько крепких слов, сказанных в сердцах. Это не мешает Харабрину прицелиться и дать меткую короткую очередь. Офицер взмахнул руками, потом согнулся и повалился набок. Егеря этого только и ждали: побежали назад, в кусты, и оттуда открыли беспорядочный огонь. А мы лежали за надежным укрытием и чутко прислушивались к стрельбе позади нас.

Гранаты рвались уже на высоте 415.

Я дал сигнал отходить.

Догоняя отряд, мы чуть не наскочили на Павла Барышева, который тащил на себе долговязого Коликова. Я подумал, что Коликов ранен, но оказалось, что «чемпион по лыжам», как он себя назвал, впервые явившись в отряд (Коликов действительно считался одним из лучших лыжников Северного флота), попросту скис: он натер ноги, спину. На гонках, по накатанной лыжне, Коликов оставлял Пашу Барышева далеко позади, а в первом же походе по горам и бездорожью, да еще с полной выкладкой выдохся и вот взгромоздился на широкую спину низкорослого Барышева. А тот, широко расставляя ноги, обливаясь потом, кряхтит, но тащит «чемпиона».

Увидев нас, Барышев сбросил с себя Коликова.

— Бревно! Ну куда мне с ним?! — закричал он, оборачиваясь к нам. - Мичман Никандров приказал: не бросай его! А там бой... А я тут с ним нянчусь...

В голосе Барышева столько обиды, что мы осуждающе смотрим на Коликова. И тут Харабрин, пугливо озираясь по сторонам, стал рассказывать, что за нами по пятам гонятся егеря, вот-вот нас настигнут.

- Братки! — взмолился Коликов. - Дойду, ей-богу, дойду сам! Только одного меня не оставляйте.

- Дуй в гору! Прикрывать тебя будем! — подбодрил его Харабрин.

И действительно, Коликов до того резво заковылял, что мы еле-еле поспевали за ним.

- Видал? — спросил Харабрин Барышева. — Зря ты, Паша, спину гнул. Ведь что получается? Он — чемпион, а из тебя дух вон. Несправедливо! А теперь даже бога вспомнил. Ишь, чешет!

3

Через час мы с боем заняли высоту 415.

С ее вершины просматривались две дороги, идущие из Титовки к Западной Лице и к морю - к мысу Могильному. Но нас привлекали более важные объекты наблюдения. На ближних сопках, пытаясь охватить кольцом высоту 415, скапливались егеря. Их было много.

Василий Кашутин подбадривал новичков:

- На этой высотке обороняться можно. Скрытно не подползешь. Пусть егеря сунутся.

Но егеря не торопятся атаковать и занимаются непонятными маневрами — залегают в одном месте, потом переходят на другое.

- Выбирают исходные позиции, — поясняет Кашутин.

С моря подул резкий ветер с липким снегом, и видимость резко ухудшилась. Наконец завязалась перестрелка и началась первая с^ака на наш левый фланг. Потом группа вражеских автоматчиков, просочившись меж камней и кустов, угрожала уже правому флангу. Егеря упорно лезли вверх, цепляясь за каждый камень.

Группы Баринова и Никандрова спустились по склону, чтобы задержать автоматчиков.

В это время с правого фланга прибежал связной с тревожным донесением:

- Немцы подбрасывают силы! Готовятся к новой атаке...

- А вы их не ждите, контратакуйте! - приказал Инзарцев. - Пулеметчикам Флоринскому и Абрамову сменить позиции...

Неожиданно, как это часто бывает весной на севере, снегопад прекратился. Небо прояснилось, и ветер утих.

Наступила ночь. Высадившийся в районе Западной Лицы батальон морской пехоты устремился к дороге на Титовку, а противник не решался развернуть против нового десанта свои силы, опасаясь контратак нашего отряда.

Егеря наращивали атаки на высоту 415.

Миновал второй день боя.

Тяжелый переход, две бессонные ночи, пронизывающий холодный ветер со снегопадом и непрерывные бои утомили некоторых разведчиков настолько, что они едва держались на ногах. Никогда раньше, находясь в разведке, мы не дотрагивались до вина, а сейчас, когда забрезжил мутный рассвет, лейтенант Заседателев поднес кой-кому из коченеющих разведчиков считанные граммы разведенного спирта.

Закаленные в походах только покрякивали с досады, когда «доктор» обносил их. Семен Агафонов упросил доктора дать ему понюхать пустую мензурку.

- Порядок! - сказал он, потирая кончик носа. - Сейчас бы щей флотских!

- Пайку с калистратом! — с блаженной миной объявил Манин, имея в виду чай с клюквенным экстрактом, к которому питал большую слабость.

- Гуся с яблоками! Шашлык по-кавказски! А Манину — вологодских отбивных! - весело дразнили разведчики друг друга.

- По местам! - скомандовал я, заметив сигнал наблюдателя.

И снова бой, который не прекращался уже до сумерек.

В этот день мы отбили двенадцать атак. Должно быть, у егерей был с нами, с морскими разведчиками, особый счет. Они решили любой ценой разгромить отряд.

Следующее утро выдалось пасмурным. Повалил снег. Командир решил связаться с морскими пехотинцами и договориться о взаимной поддержке.

Инзарцев приказал мне, Николаю Лосеву и Степану Мотовилину собираться в дорогу. Нужно было просочиться между сопками, заня-

тыми неприятелем, и пройти около шести километров до высоты, где располагался штаб батальона.

Выждав, когда буран покрыл снежной пеленой всю окрестность, мы кубарем скатились по обрывистому склону и оказались в расщелине скалы.

— Здесь проскочим! — сказал Мотовилин.

Пурга свирепствовала. Над головой ветер кружил снежные вихри. А еще выше нарастал бой.

Мы торопились как можно быстрей выйти из расщелины, но, когда буран прекратился и можно было осмотреться, выяснили, что цель еще далека от нас.

Горы скрадывают расстояние. Идешь-идешь, а кажется, будто топчешься близ одной и той же сопки. Даже такой искусный ходок, как Мотовилин, еле передвигал ноги. Наконец мы приблизились к сопке, на которой должны быть морские пехотинцы. Мотовилин решил не огибать ее, а пойти напрямик, через лощину, и мы поплатились за это.

На открытой местности морские пехотинцы встретили нас «с огоньком». Я зарылся в снег, съежился под свистом пуль и нещадно ругал Мотовилина за его дурацкую храбрость. Чтобы искупить вину, Степан первым встал на колени и закричал:

— Дурни, по своим стреляете! Прекратить огонь!

— Кто тебя услышит, агитатор? Ложись... — уговаривал его Лосев.

Но тут мы заметили, что хотя пулеметчик видит нас и продолжает изредка строчить, но пули летят высоко. Видимо, он на всякий случай держит нас «на мушке».

Деваться некуда - полусогнувшись идем вперед.

— Как в зайцев целятся, — зло ворчал Степан, ускоряя шаг.

Неожиданный окрик «Стой, руки вверх!» остановил нас. Мотовилин сверкнул глазами. Зная его характер и опасаясь новых неприятностей, я выступил вперед.

— Руки вверх поднимать не приучены! — крикнул я невидимому за камнями пулеметчику.

— Ясно! А кто такие? — спросил тот же голос.

— А ты кто такой! — не удержался Степан и рванулся вперед. — Ослеп, что ли? Ты и по егерям так стреляешь, орел?

11улеметчик высунул голову:

Ладно, проходи стороной. Там разберут, что ты за орел.

Курица общипанная! — ругался Степан.

11о словесная перепалка сразу оборвалась - появился лейтенант. И. опознав нас, рассмеялся:

Уж очень вы подозрительно выглядите. Не то финны, не то немцы...

Мы были в лыжных матерчатых шапочках с длинными козырьками, и меховых куртках и брюках с вывернутой наизнанку оленьей шерстью. Не удивительно, что, завидев нас издалека, пулеметчик HIкрыл огонь.

11ришел капитан, заместитель командира батальона, и я доложил ему обстановку.

Морские пехотинцы знали, что своими действиями на высоте 415 мы сковали силы неприятеля и тем самым помогли десанту выполнить ш/шие в тылу врага. Сейчас штаб батальона располагал только взводом охраны. Подразделения еще не вернулись с заданий. Как только придет взвод минометчиков, его тотчас же бросят к нам на выручку. И капитан спросил нас, сумеем ли удержаться на высоте еще одни сутки. M I D мы могли ему ответить?

- Надо, — сказал я, — значит выстоим.

И стал договариваться о маршруте движения минометчиков, о корректировке огня и других способах связи.

Нам предложили отдохнуть. Плотно перекусив и начисто опорожним портсигар лейтенанта, мы собрались в обратный путь. Проходя мимо знакомого пулеметчика, Степан подмигнул ему:

- Эй, ловец на мушку, гляди в оба! Попадешь к разведчикам, тебя научат не только руки поднимать, но и на четвереньках ползать.

Пулеметчик не обижался. Он провожал нас сочувствующим и илядом.

4

Мы возвращались с добрыми вестями и поэтому, превозмогая усталость, торопились к своим.

День выдался ясный, снег на сопках стаял. Но он еще лежал в лощине, которую егеря просматривали и простреливали. Разведчики,

чтобы мы могли безопасно проскочить через лощину к подножию высоты 415, затеяли ложную атаку и привлекли к себе внимание противника. Василий Кашутин, Семен Агафонов и Зиновий Рыжечкин пошли нам навстречу, подсобили быстрее преодолеть подъем.

Пока я докладывал командиру о связи с морскими пехотинцами, мои спутники уже повалились спать. Я забрался между Мотовилиным и Лосевым. Тесно прижавшись, согревая друг друга телами, мы беспробудно спали до утра. Никто не тревожил наш сон, хотя в эту ночь егеря особенно яростно штурмовали высоту 415 и кое-где вплотную приблизились к ее вершине.

...Пошел пятый день нашего пребывания в тылу врага.

С каждым часом возрастало напряжение боя. Порой казалось, что наступает предел испытаниям. Мы экономно расходовали патроны и разделили последний сухой паек. Снег стаял, и мы лишились воды. Кашутин, разбудив меня утром, облизывая сухие, потрескавшиеся на ветру губы, спрашивал:

— Виктор, вы тут вчера вокруг да около ходили. Не приметили ручейка?

— Так ведь озерцо рядом.

— Там уже егеря воду пьют... Худо, Виктор!

Вдруг он повернул голову, и я увидел в его глазах жадный блеск. Рядом с нами, на большом плоском камне, темнела маленькая лужица. Вася Кашутин смотрел на нее как загипнотизированный.

— Грязная очень, - говорю Кашутину.

Подходит Павел Барышев. Ему самому до смерти хочется пить, но находка принадлежит Кашутину, и Барышев пускается на хитрость:

— Брось, Вася! Вчера тут никакой воды не было. Может, Коликов ночью с перепугу...

— Э, была — не была!

Кашутин становится на колени, закрывает глаза, и через минуту на камне темнеет только влажное пятно.

Опять, но уже совсем рядом с нами, разгорается бой. Егеря стреляют почти в упор, хотя их и не видно. Прильнув к каменной глыбе, Манин высовывает наружу краешек своего треуха, и его начисто срезает пулеметной очередью. Тогда я подползаю к Манину, приказываю ему пробраться к командиру, чтобы доложить обстановку, а сам веду наблюдения.

Инимательно осматриваю местность и замечаю холмики из камiicil, которых вчера не было на склоне высоты. Какой-то матрос бежит **п мою** сторону, вот он уже почти рядом, но короткая и близкая пулемет**мин** очередь сразила его. И хотя я заметил огненные вспышки в камнях **папою** из холмиков, но не могу удержаться: инстинктивно вскакиваю н Ivi же, оглушенный ударом в голову, теряю на мгновение сознание.

К счастью, егерь стрелял не очень метко. Пулеметная очередь прошла рядом и лишь одна пуля, срикошетив о камень, поразила ле**пун)** щеку. Конец пули торчал во рту.

Я отполз в сторону.

Бывает же такое! - удивлялся лейтенант медицинской службы Загс/штелев, пытаясь извлечь пулю из щеки. Ему это не удалось. Обмотав мин I голову бинтами, он оставил только два отверстия — для рта и глаз.

Я побежал к Инзарцеву и рассказал, где маскируются вражеские **иvik-мстчики** и автоматчики.

Старый прием! - догадался Инзарцев. — Ночью, во время атаки, **мч** оставили вблизи нас. Накрыли плащ-палатками, камнями. Сейчас **мм** их выкурим.

(!емен Агафонов из снайперской винтовки ударил по одному холми ку, потом по другому. Оттуда выскочили автоматчики, завопили и побежали. «Ожили» и другие холмики - егеря покатились вниз.

Как раз в это время над одной из сопок взвилась красная ракета, и **мы** услышали многоголосое «ура». С помощью подоспевшего взвода морских пехотинцев мы очистили весь склон высоты.

Егеря закрепились на соседней сопке, и началась нудная минометам перестрелка.

Разведчики получили запас патронов и продуктов. Пехотинцы «крепились на флангах высоты 415. Теперь можно воевать.

А у меня сильно разболелась голова, и я даже не мог открыть рта, **чтобы** принять глоток свежей озерной воды. Заседателев потребовал, **чтобы** меня с сопровождающим отправили в санбат. Я вспомнил томин-лыюе пребывание в госпитале после первого ранения и поэтому, при**паи** бравый вид, заявил командиру, что сам дойду до берега, где курси**рует** санитарный бот, а в базе доложу обстановку. Инзарцев согласился.

Долго сидел я на берегу, ожидая, когда появится санитарный бот. Наконец он показался, заметил мои сигналы и пошел к берегу. Но

неожиданно бот круто повернул и показал корму. А я не могу кричать — трудно подать голос. Я только неистово размахиваю руками, потом даю очередь из автомата. Куда там! Бот ускорил ход и скрылся по другую сторону нависшей над водой скалы.

Я почувствовал себя куда хуже, чем под пулями егерей. Оставалось только, напрягая последние силы, лезть на скалу в надежде, что с ее вершины меня опять приметят и возьмут на борт. Кое-как перевалил через хребет и увидел матросов, убирающих сходню. Они кричали, показывая в мою сторону:

— Вот он! Вот он!

Оборачиваюсь — позади никого нет: что за наваждение?

К счастью, в боте находился раненый офицер моряк, который узнал меня:

— Стойте! Какой, к черту, фашист вам мерещится? Это же Леонов! Из отряда морских разведчиков...

Я спасен!

Измученный, спотыкаясь на каждом шагу, подхожу к берегу.

— Кто их разберет, этих разведчиков! - ворчал уже потом капитан бота. — Нацепят на себя всякую дрянь, — он даже погрозил мне пальцем. - Я ведь тебя за егеря принял и, грешным делом, думал, что враги у берега - в засаде, а ты нас заманиваешь...

Заманиваю!.. Экипаж бота, даже раненые хохочут.

Я бы, наверное, тоже посмеялся над таким злоключением, но мне даже улыбнуться больно. Мотаю забинтованной головой, и только по глазам люди догадываются о моих переживаниях.

Через четыре часа бот был в базе, а через двое суток отряд вернулся с задания.

Санитарная часть пополнилась разведчиками, которые получили легкие ранения или обморозились в этом майском рейде. Таков уж май в нашем Заполярье!

Врачи нас быстро вылечили. Лосева, Манина, Мотовилина и меня выписали одновременно. Я помню, как мы бодро шествовали в отряд, и Манин горячо говорил:

- Воевали днем, воевали ночью и в каких только разведках не бы-1Ш)1и! Семь дней дрались в обороне. Семь дней! Нам сейчас ничто не в лмконинку!

Мы, конечно, соглашались с Маниным и считали, что выдержали **самый** суровый экзамен на стойкость. Теперь сам черт нам не брат!

Если бы наш разговор подслушал первый наставник отряда бы-**ПШ1ЫЙ** разведчик майор Добротин, он бы снисходительно улыбнул-**си** и, быть может, намекнул бы нам на присущую молодости беззаботность, беспечность и даже некоторую самонадеянность. Да, мы г>ыли молоды и не очень опытны. Мы меньше всего думали о неожиданных и коварных опасностях, которые подстерегают разведчиков н тылу врага.

А между тем самые трудные испытания и самые тяжелые бои (шли впереди.

В ОТРЯД ПРИБЫЛ НОВИЧОК

1

С небольшой партией новичков к нам, в отряд морских разведчиков, прибыл Макар Бабиков, старшина первой статьи, бывший писарь HI дивизиона береговой обороны, которого я раньше изредка встречал н политотделе.

Бабикова определили в мое отделение.

Старшина отряда Григорий Чекмачев, хорошо знавший Бабикова но учебному отряду Объединенной школы, где они вместе служили, рассказал мне о новичке все, что полезно знать каждому командиру отделения о своем бойце.

Во времена давние на берегах Печоры поселялись бежавшие от царской немилости староверы-раскольники. Они занимались землепашеством, промышляли охотой, ловили рыбу. Суровый и богатый край щедро одаривал трудолюбивых пришельцев, упорно хранивших старообрядческий уклад жизни.

В далеком от железной дороги селе Усть-Цыльма, где род/тм и вырос Бабиков, лишь в тридцатых годах нашего века началась /омка этого уклада. Новое боролось со старым. Молодежь потянулась fзна ниям и, нередко ослушаясь отцов и дедов, уезжала на учебу в ^Рхан гельск, а то и в Москву. Строили свои школы, техникум. Детвора ита противилась сковывавшим ее обычаям. Когда девятилетнего Мз*СарКу Бабикова приняли в пионеры, он открыто повязал вокруг шеи красный галстук и так смело посмотрел бабке в глаза, что старая ^лько перекрестилась, заохала да рукой махнула на мальца.

Отец умер рано, и заботу о маленьких - а в семье Бабиков ых их было четверо — разделил с матерью старший Макарка. В зимние вече ра Макарка запрягал лошадей и возил почту «на перекладных» з»тРид цать с лишним километров. Возвращался за полночь. Лошади трусили домой, а в санях, закутанный в отцовскую оленью ма/ниуГв потайном кармане которой лежала заработанная пятерка, спал /снад цатилетний ямщик.

Утром, с уже приготовленными уроками, Макарка бежал в дколу.

Когда наступало лето и Печора разливалась на десятки кило/" £ТрОВ, Макарка снаряжал омулевую лодку, причаливал к облюбованном!' гУсто покрытому зарослями берегу, мастерил шалаш, хитро маскировав ' выпуская на воду чучело утки — «маниху», терпеливо ждал зари стая, пролетавшая над Печорой, кружилась над «манихой», сади/аСЬНа воду и, не вспугнутая чужим звуком, приближалась к берегу.

После страдной поры уборки урожая Макарка снова <? за парту.

В четырнадцать лет его приняли в комсомол.

Книги, кружки, вечера молодежи открывали перед ребят?.. ии но- ji Усть- вый мир, полный заманчивых далей. Из тех далей приезжали ikото- Цыльму демобилизованные, рассказывали о больших городах, 'рнулся рых жили-служили, о морях-океанах, по которым плавали. ВР в родное село и дядя Макарки, командир запаса. Он возглавил с/ьскаю осоавиахимовскую организацию и стал учить ребят стрельбе nC ag мише- ням. Неизменным помощником у осоавиахимовского команд/311ыд его племянник.

В семнадцать лет Макар окончил десятилетку. Ровесники • лись уезжать в разные институты, а обладатель отличного а -гестата

Макар Бабиков, чтобы опекать младших в семье и дать им возможность окончить школу, согласился занять должность учителя начальных классов. Сам занимался вечерами, заочно.

Через год Бабикова приняли в кандидаты партии, а еще через год призвали в армию.

Военком Усть-Цыльмы, рекомендовавший молодого учителя в партию, знал, что Макара признали годным к службе на флоте. Но будет ли и Усть-Цыльме комплектоваться команда на флот? Молодежь жила 11С истребимой мечтой попасть на корабли. Не было одежды, которая так привлекала бы усть-цыльминских ребят, как форменная морская, или хотя бы бескозырка с развевающимися на ветру лентами. И не было больших героев, чем те, что из кинофильма «Мы из Кронштадта».

За день до отъезда из Усть-Цыльмы остриженный под машинку Бабиков сидел в кабинете райвоенкома, и старший политрук, именем и словом своим поручившийся перед партией за Макара Бабикова, уже не как официальное лицо - как старший товарищ с младшим - беседов&т с призывником о разных делах и событиях, волновавших к те годы миллионы людей. Шел разговор о Хасане, Халхин-Голе, о грядущей решающей схватке с фашизмом и главным образом о том священном долге перед Родиной, который для каждого гражданина Страны Советов, а для коммуниста в первую очередь превыше всего.

Допризывники ехали к месту службы по Печоре, потом морем до Архангельска, где в порту их ждали командиры из различных родов поиск.

К строю, на левом фланге которого стоял Макар, направился морской офицер, и лица будущих моряков посветлели. Назначили еще один строгий медицинский осмотр, а после него мандатная комиссия занялась распределением пополнения в разные учебные подразделения. Пока Макар гадал, кем он будет — комендором, сигнальщиком или рулевым, - его определили в Объединенную школу, в учебную роту будущих писарей, во взвод, которым тогда командовал нынешний наш старшина отряда Григорий Чекмачев.

Началась война, Чекмачева перевели в отряд морских разведчиков, а писарь из дивизиона береговой обороны старшина первой статьи Макар Бабиков еще целый год хлопотал и писал рапорты о направлении в наш отряд. Наконец его просьбу удовлетворили.

И вот новичок переступил порог двухэтажного дома, где мы размещались, и увидел тех, с кем ему так хотелось разделить трудную и заманчивую судьбу разведчика.

Как его здесь примут? Как встретят?

2

Низкорослый и худощавый, светловолосый и сероглазый, с умным, иногда каким-то пронизывающим взглядом, Макар Бабиков сразу обратил на себя наше внимание, хотя в разговор не вступал и только пытливо, настороженно присматривался к окружающей обстановке.

Старшина второй статьи Иван Поляков отметил появление Бабикова язвительной шуткой:

- Полундра! Писарь в разведку пришел... Смерть егерям!

Сказал, даже не взглянув на Бабикова, и, презрительно поводя широкими плечами, вышел из кубрика.

Бабиков не смутился. Только метнул острый взгляд в спину уходящему Полякову и медленно обвел нас недоуменным взглядом. Всем стало неловко от выходки Полякова. Но тут нас выручил и рассмешил Павел Барышев.

- А ты на эту балаболку Полякова не обращай внимания, - приветливо обратился он к новичку. - Мы с тобою, правда, ростом не вымахали, так ведь малый топор большое дерево рубит! В писарях служил - эка важность! Вот Семен Агафонов - тот коком был. И что же? Пошел в разведку кок и двух «языков» приволок. Так что ты не обижайся...

- Да я и не обижаюсь...

- Вот и хорошо! - обрадовался Барышев. - А вот был у нас такой Коликов...

Взрыв смеха оборвал словоохотливого рассказчика, и тут Бабиков смутился. Он не знал, что Паша сел на своего «конька» и начнет теперь расписывать, как в майском рейде таскал на спине «чемпиона» Коликова. Приходу Бабикова Павел был рад главным образом потому, что новичок оказался такого же, как и он, роста и, возможно, сменит его на левом фланге. Барышев даже примерился к новичку и крякнул с досады: Бабиков был чуть-чуть выше его.

Кто-кто, а разведчики умели ценить бойца не по внешнему виду. Мы знали, что Иван Лысенко, Алексей Радышевцев и другие сильные и рослые воины-спортсмены выходили победителями в единоборстве с врагом, что атлет Владимир Лянде без оружия отважился на рукопашную схватку с вооруженным егерем. Но мы знали и многое другое. Ывший кок подводник Семен Агафонов, коренастый, низкорослый, с виду увалень, дрался бесстрашно, с неистощимой энергией и упоением и в то же время с таким мастерским расчетом, что все считали его самым лучшим разведчиком отряда.

А Павел Барышев? А маленький, кудрявый Зиновий Рыжечкин, «наш Рыжик», который ростом был на целую голову ниже иного егеря-альпийца, а ловким ударом сшибал с ног такого егеря и обезоруживал его? А комсорг отряда малорослик Саша Манин, из которого, когда мы бывали в базе, корреспонденты никак не могли вытянуть 11ескольких слов о тех боевых эпизодах, героем которых он был? Саша буквально преображался в бою, сражался умело и весело, личным примером и шуткой подбадривая товарищей.

Нет, мы не торопились судить о новом разведчике по каким-то внешним признакам или анкетным данным. Пусть писарем, но Макар Пабиков уже служил на флоте, а вот комсомолец Борис Абрамов армейскую службу вовсе не знал, и, вероятно, никто из нас не предполагал, что в паре с Семеном Флоринским Борис скоро станет отличным пулеметчиком. Флоринский сам выбрал Абрамова в напарники, привил ему любовь к оружию, сильно переживал, когда его дружок не получал писем из блокированного Ленинграда, и помогал ему в первых боевых походах.

Глядя на них, я вспоминал, кем был для меня сержант Василий Кашутин, член бюро партийной организации нашего отряда. Его советы - не назидательные, а товарищеские, его помощь - не показная, а как будто случайная, оказали мне большую поддержку. Потом это «шефство» прекратилось незаметно, как незаметно оно и возникло. А дружба осталась и крепла с каждым боем.

Я никогда не забуду, как в одну из особенно холодных ночей мы лежали с Васей в ложбинке на высоте 415. Прижимаясь друг к другу «валетом», чтобы можно было под меховую куртку товарища спрятать коченеющие ноги, в короткий час отдыха после боя, когда внизу, об-

ложив нашу высоту, егеря ждали рассвета для новых атак, мы полушепотом беседовали о самом сокровенном, самом интимном, делились тем, что каждый считал своей личной, бережно оберегаемой тайной. Потом, уже благополучно вернувшись в базу, я поразился тому удивительному чувству, иногда ложно принимаемому за человеческую слабость, которое в трудную минуту легко открывает душу товарищу. Об этом не жалеешь, если дружба крепка, бескорыстна и проверена в таком суровом испытании, как бой в тылу врага.

Так учила нас сама жизнь. Она наглядно доказывала великую силу личного примера бывалого разведчика для новичка.

Мы еще ничего не знали о Бабикове, а он уже, оказывается, знаком с боевой историей отряда, с его героями, хранил все вырезки из газет, где писали о наших рейдах, и втайне мечтал стать таким же отважным и умелым следопытом, как Мотовйлйн, Радышевцев, Кашутин. Если бы злую шутку о грозном писаре, подавшемся в разведку, высказал один из тех, кто был образцом для новичка, то как это несправедливо и жестоко обидело бы Макара Бабикова!

Но этого не было. Было другое.

3

Мы готовились к глубокому рейду в тыл врага.

Избегая стычек с неприятелем, наш отряд должен будет незаметно проникнуть к важным объектам его обороны, разведать их и вернуться в базу. А пока решили провести большой учебный поход, максимально приближенный к боевой обстановке. Для новичков такой поход - первая проверка их сил. Вдали от базы молодые следопыты постепенно освоятся с новыми условиями, ближе познакомятся с бывалыми разведчиками, короче говоря - на людей посмотрят и себя покажут.

Первый привал.

Разведчики, замаскировавшись, сидят небольшими группами, едят, отдыхают. Только собрались в путь, как слышу - Степан Мотовйлйн кличет Макара Бабикова. Поскольку это касается разведчика из моего отделения, подхожу к Степану.

- Разреши, Виктор, поучить уму-разуму новичка, - говорит Мотовйлйн, - в твоем присутствии...

Степан зря обижать новичка не станет/Пусть учит.

Подбегает Бабиков и не знает, к кому из нас обратиться.

- Уходишь? - тихо спрашивает его Степан.

-Уходим...

— А это что?..

Носком сапога Мотовйлйн показывает на воткнутый в мох окурок самокрутки.

- Я не курил! - горячо оправдывается Макар, обращаясь ко мне. И потом вот доказательство — у меня папиросы...

- Неважно! Ты на этом месте укладывал свой рюкзак? А раз собрался в дорогу - осмотрись, не наследил ли сам или кто другой.,. Ты Iic курил и я не курил! А почему меня это касается?

Бабиков молчит.

Мотовйлйн поднимает окурок, разворачивает его, сдувает табак с ладони, разглаживает обрывок уже пожелтевшей бумаги и, хотя ему ясно, что окурок валялся здесь задолго до нашего прихода, укоризненно качает головой.

- Представь, товарищ Бабиков, что мы - в тылу врага, а этот самый окурок оставил кто-либо из нас. Егерь, да еще опытный разведчик, подобрал окурок, - теперь Мотовйлйн и Бабиков идут рядом, мирно беседуют и, для вящей убедительности своих доводов, Степан переходит на «вы». - Посмотрим, что здесь напечатано? «ТАСС». А вот и число. Егерь уже знает, когда русские проходили, и внимательно осматривает окрестность. Вам это ясно?

— Понимаю...

— Теперь смотрите вперед, — все тем же невозмутимым тоном продолжает Степан. - Видите, как дозор обходит кусты? А почему? Другой, допустим, попрет напрямик и, глядишь, обломает ветку. Егерь-разведчик подойдет к кустам, внимательно осмотрит их и установит: так обломать ветку мог только человек. Смотрит он на еще свежий излом и видит, в какую сторону прошел человек. Начапась слежка, облава, преследование. Враг предупрежден, усиливает охрану и прочесывает всю местность. Он может сорвать нашу операцию. А все из-за обломанной веточки... Не притомился, Бабиков? Рюкзачок не тянет?

— Нет, спасибо. Я могу ходить долго и быстро...

— Это хорошо. Ходи быстро — ходи осторожно! — многозначительно заключает Мотовилин и сворачивает в сторону.

Я приказываю Юрию Михееву держаться поближе к Бабикову, чтобы ориентировать его на местности.

— ...А один раз я чуть не напоролся на егерей! - рассказывает Михеев Бабикову уже на следующем привале. — Шли мы к «лощине нервов» — так прозвали ту лощину потому, что егеря ее насквозь просматривали и простреливали. А кругом лощины — сопки. И до того одинаковые, что смотреть на них тошно. Когда бог сотворил полярную землю, то, должно быть, что-то напутал. Везде наворочал скалы, ущелья, глыбы камней, а эти гладенькие сопки смастерил на один манер.

Михеев собирался еще многое сказать о капризах и чудесах природы в Заполярье, но, заметив нетерпение слушателя, которого интересовала сама суть происшествия, оборвал свои мысли:

— Об этом в другой раз... Так вот, посылают в дозор меня и Зиновия Рыжечкина. Знаете его? Мы его Рыжиком зовем. Я впереди, а он, как новичок, следом. Я повертываю вправо, а Рыжечкин догоняет меня, кладет руку на плечо и знаком показывает, что надо свернуть влево. И ведь оказался прав! Приметил, глазастый, когда мы в прошлый раз проскочили через «лощину нервов», что одна сопка близ лощины имеет чуть заметный срез. Значит, у Рыжика глаз наметанный, память крепкая. Мне даже стыдно стало перед молодым разведчиком - чуть егерям в пасть не угодил! Спасибо Рыжику... В нашем деле, товарищ старшина первой статьи, только и знай — смотри да примечай!

4

После этого похода я был в командировке и не смог участвовать в очередном рейде. Знал, что отряд пойдет нехожеными тропами, избегая встречного боя, и все же беспокоился за Бабикова, как, вероятно, беспокоились и другие командиры отделений и групп за своих новичков.

Рейд завершился успешно. Единственное маленькое «чепе» было как раз с Бабиковым. При падении лопнул его туго набитый рюкзак, и все содержимое - галеты, консервы, патроны — рассыпалось. Запасного рюкзака не оказалось. Пришлось Бабикову завернуть груз в

плащ-палатку и с тюком на спине продолжать марш. Он устал, но не отстал и от помощи товарищей отказался. Командир отряда сказал новичку: «Надо внимательнее собираться в поход». А я упрекал себя и заменившего меня в этом рейде Агафонова: нам следовало тщательнее проверить снаряжение Бабикова.

И все же это был только поход, а не та насыщенная боевыми эпизодами и полная различными приключениями разведка, о которой мечтали новички. Пока же молодые разведчики с необычайным интересом слушали рассказы бывалых. Степан Мотовилин поведал им о некоторых дерзких налетах, о подвиге Григория Харабрина, который порвался в землянку егерей, трех скосил из автомата, четвертого вытащил из-под стола и всю дорогу приговаривал: «Хороший «язычок» мне попался, послушный!»

— Нет, уж таких «языков», каких доставлял Радышевцев, никому пока брать не удавалось! — вступал в разговор Барышев. — Помните историю с братьями баварцами?

Как не помнить! Но Барышев умеет рассказывать обстоятельно, новичкам полезно его послушать, да и сам случай уж очень примечательный.

Это было примерно полгода назад. Мы долго шли по обледенелым сопкам, незаметно просачивались в горы и, когда полярная ночь озарялась всполохами северного сияния, недвижно лежали на заснеженных хребтах скал. Потом опять пробирались вперед, пока не увидели белые холмики у подножия той сопки, к которой шли. Это и были покрытые снегом землянки егерей.

Группе Кашутина приказали овладеть укреплением на вершине сопки. Радышевцев, Агафонов и Харабрин по-пластунски подползали к часовому, маячившему у крайней землянки. Но разведчики Кашутина уже завязали бой. Из крайней землянки выскочил офицер в распахнутом мундире с автоматом наперевес и наскочил на Радышевцева. Треск автоматов, лязг стволов и придушенные крики... Началась та ожесточенная схватка, когда внезапность и стремительность нападающих дают перевес небольшому отряду над целым батальоном.

Отход прикрывала группа Кашутина. Впереди Радышевцев вел своего «языка» - немецкого офицера Карла Курта.

А через день, в базе, комиссар читал нам недописанное письмо Карла Курта. Он настойчиво просил родных застраховать имущество от пожара и, невесело иронизируя, сокрушался, что нельзя застраховаться от русских разведчиков. «И еще бы мне застраховаться от этого ужасного холода. Боюсь, мама, что когда-нибудь у меня замерзнут кишки в животе. Когда Ганс окончит военное училище, пусть не вздумает проситься на Север, в Лапландскую армию. Покажи ему это письмо...»

Младшему Курту не довелось читать это письмо. Младший Курт выхлопотал себе назначение в Лапландскую армию. И мы благодаря тому же Радышевцеву убедились в этом три месяца спустя.

...Дул лобовой шквалистый ветер. Бот зарывался носом в волну и долго шел к берегу. Переход к тому же опорному пункту неприятеля был более тяжелым, чем в первый раз. Бушевавшая накануне мартовская поземка оголила лед на сопках - лыжами нельзя было пользоваться.

Противник ночью усилил охранение, и еще до подхода к землянкам нам пришлось выдержать бой. У нас появились раненые. Все же мы подожгли склад, захватили несколько землянок. Егеря засели в главном блиндаже, который они соорудили в стене отвесной скалы. Подступиться к блиндажу трудно. Пробовали атаковать в лоб - опять понесли потери. Тогда Радышевцев и Шерстобитов обошли скалу и стали в нее врубаться ступеньками. Оказавшись наверху, они спрыгнули на крышу блиндажа. Только одному егерю после взрыва гранат удалось выскочить из блиндажа. Он кинулся бежать.

- Врешь, не уйдешь! - крикнул Радышевцев и погнался за «языком».

Налегке одетый егерь уходил все дальше, и главстаршина понял, что медлить нельзя. Он вскинул винтовку и выстрелил. Егерь тотчас же пропал из виду, а Радышевцев стал осторожно пробираться вперед.

Труп егеря лежал меж камней. Расстегнув офицерский китель с лейтенантскими погонами, Радышевцев извлек из внутреннего кармана документы убитого и поспешил к своим.

Вот одна запись из книжки-дневника Ганса Курта:

«Прибыло извещение, что Карл пропал без вести. Как это понять? Я твердо решил проситься на Север, в часть Карла, чтобы заменить его. Так повелевает мой долг и мой фюрер!»

— Ну и дурак! И зачем только он побежал? — сокрушался Радышевцев. — В плену встретил бы своего Карла, а в моем счете прибавился бы еще один «язык». А то — долг, фюрер!

* * *

...Павел Барышев рассказывает о Радышевцеве. Радышевцев вспоминает, как на Пикшуеве майор Добротин разговаривал по телефону с комендантом немецкого гарнизона в Титовке. Рассказывают и многое другое. А новички слушают нас, и им кажется, что самое интересное, самое героическое уже совершилось без них.

— Когда пойдем в настоящую разведку? — спросил меня как-то Бабиков.

— Об этом не спрашивают. Но пойдем, обязательно пойдем!

Кто мог тогда знать, что следующий рейд будет самым тяжелым, что авангардную группу отряда через несколько дней будут считать погибшей, что только восемь разведчиков из этой группы вернутся в свою базу, и среди них — недавний новичок, маленький старшина первой статьи Макар Бабиков с большим и отважным сердцем настоящего разведчика.

В ДВОЙНОМ КОЛЬЦЕ

1

Мы находимся в новой базе.

В ясные дни хорошо виден противоположный берег Мотовского залива с двумя нацеленными на нас выступами — мысами. Один мыс — Пикшуев — хорошо знаком разведчикам. Он исхожен вдоль и поперек. Сейчас нас интересует другой мыс, за которым начинается широкое устье реки Титовка. Появится ли днем в заливе наш катер или над полуостровом Рыбачий взлетит самолет — наблюдатели со второго мыса сразу засекают их, а вражеские батареи открывают огонь.

— Вредный мыс! — сказал кто-то из разведчиков, имея в виду опорный пункт егерей, оборудованный у самого моря. — И название этому мысу дали невеселое: Могильный.

В тяжелый и сложный рейс на мыс Могильный нас поведет новый командир. Недавно капитан Инзарцев попрощался с разведчиками и уехал на учебу.

Только после отъезда Инзарцева мы по-настоящему поняли, как его не хватает, как он сейчас нужен, дорог и незаменим. Инзарцев знал силу и слабость каждого разведчика, трезво оценивал способности каждой группы и всего отряда. Наше доверие к командиру было безгранично и безгранична была любовь к нему — та с виду сдержанная, солдатская любовь, которую порождает скрепленное в боях воинское братство. Но, забегая вперед, скажу лишь, что бой на Могильном складывался бы иначе, если бы отрядом командовал Николай Аркадьевич Инзарцев.

Уже пришла осень, и день заметно убавился. Новый командир старший лейтенант Фролов доложил начальству о готовности к походу. Наступление осени нас не печалило. В предстоящем рейде долгая осенняя ночь — надежная союзница. Она позволит отряду — разведчикам и подразделению морских пехотинцев - высадиться западнее мыса Пикшуев, совершить марш и до рассвета сосредоточиться для атаки в тылу гарнизона мыса Могильного.

В этом и состоял первый этап предстоящей операции.

Инзарцев часто напоминал нам, что первый этап не менее важен, чем второй, то есть самый бой, и во многом предопределяет успех каждого рейда.

Моя группа высадилась близ мыса Пикшуева. Море — справа от нас. Уступами влево идут группы Кашутина и младшего лейтенанта Шелавина.

Проводником к мысу выделили Агафонова. Я тороплю Семена:

— Шире шаг! До рассвета не так уж много осталось.

А по цепи передают, чтобы мы замедлили движение, а потом и вовсе остановились.

Даже молодой разведчик Бабиков понимает, что это грозит нам неприятностями: мы можем лишиться основного преимущества — внезапности ночной атаки. Бегу назад узнать, в чем дело.

Растянулись! — с плохо скрытой досадой говорит командир от- |Iн пи Пехотинцам за вами не угнаться.

Но время?..

Успеем!

Хорошо, когда такая уверенность зиждется на точном расчете. Иреми неумолимо ведет свой счет, и нам кажется, что командир нас попросту успокаивает. Все понимают, что морским пехотинцам приме ни вести бой и надо дать им отдохнуть, собраться с силами. Но по- | к'пен но и командира охватывает беспокойство:

Как бы не получилось, как у той незадачливой сороки: хвост вы- **itniVJia,** а коготок увяз...

Получив, наконец, сведения о местоположении пехотинцев, командир разрешает трем авангардным группам разведчиков - моей, **k in** пути на и Шелавина - совершить бросок к опорному пункту на Мо- **l** ши.ию, завязать там бой и тем самым облегчить подход пехотинцев к мысу. Но скоро мы убедились, что эта последняя возможность для внезапной атаки уже упущена.

.Забрезжил рассвет, когда мы приблизились к ровной лощине, за к I) горой начинался крутой подъем к двум опорным пунктам на вершиих седловидного мыса. Егеря заметили колонну морских пехотинцев и открыли по ней огонь из батарей Могильного. Тотчас же заговорили шпеные точки на подступах к Титовке. Это означало, что немецкий шрпизон за Титовкой уже знает о десанте и к Могильному бросят подкрепления.

«Что делать? Какое решение примет командир?» Эти мысли волновали разведчиков передовых групп. Дорогой ценой мы расплачивались за прежнюю медлительность и теперь уже не могли лежать, прижимаясь к холодным камням, и ждать приказаний. Враги ведут огонь, наши несут потери, и священный долг взаимной выручки подсказал нам единственно правильное решение: неприятель превосходит нас числом, вооружением, он обороняется на крутых высо- lax - тем стремительней надо его атаковать, тем неудержимей должен быть наш порыв.

- Вперед! За Родину!

Точно вихрем подхваченные, мчались мы через лощину и с ходу пади взбираться на первую возвышенность.

Позади рвутся мины, впереди — фанаты. В неуемном грохоте мы не слышим ни свиста пуль, ни крика раненых. Уже два, от силы три десятка метров остаются до первого немецкого дота.

Граната взрывается под ногами младшего лейтенанта Шелавина. Он падает, катится вниз и, поравнявшись с нами, кричит:

— Вперед, моряки! Вперед!

Меня обгоняет Зиновий Рыжечкин. Рядом с ним бежит такой же маленький, быстрый, ловкий... Да ведь это наш новичок!

— Впере-ед! — слышим мы восторженный клич Макара Бабикова.

Егерей ошеломила наша атака. Они отступили на конец мыса, ко второму опорному пункту.

Разгоряченные боем и упоенные первой победой, мы закрепились на возвышенности, осмотрелись и тут только поняли, в каком положении оказались. Воодушевленные первым порывом, мы не оглядывались назад и не заметили, как на подходе к лощине наша колонна была прижата к земле массированным огнем неприятеля, как потом ее атаковали свежие силы, прибывшие из Титовки, и стали теснить морских пехотинцев к берегу, к месту высадки.

Позднее мы узнали, что командир пехотного подразделения за преступную халатность и медлительность был отдан под суд военного трибунала, а командир отряда безуспешно пытался установить с нами связь. Он повел к мысу две группы разведчиков, но был ранен и эвакуирован с поля боя. Ранило также комиссара отряда Дубровского, секретаря партбюро старшину Тарашнина и многих других. Разведчики из группы Мотовилина яростно пробивались к нам. Попав в окружение, они прорвали кольцо и ушли к морю. Прикрывая их отход, два неразлучных друга, пулеметчики Семен Флоринский и Борис Абрамов, стреляли до последнего патрона и с пением «Интернационала» с гранатами в руках ринулись на врага.

Скошенные пулеметной очередью два моряка пали разом, лицом к мысу.

И еще я тогда не знал, что погиб Кашутин, что Шелавин с раздробленными ступнями, до крови искусав губы и руки, чтобы не выдать себя криком, прячется от снующих вокруг егерей, ползет и ползет на вершину Могильного. И даже находившиеся рядом Баринов и Шерстобитов никому не сказали, что они ранены.

()дно было совершенно ясно: мы отрезаны от основных сил, окруtriiu егерями на их же опорном пункте.

11режде чем действовать, надо привести группу в боевой порядок.

Я подсчитал силы. На маленьком клочке каменистой земли, на • ин гамке» мыса Могильного, было пятнадцать разведчиков.

2

С трех сторон мыс Могильный омывает море.

Егеря впереди и позади нас. Они пристрелялись к нашему «пятач-**ν V", и** если бы не укрытия из камней, осколки вражеских мин и снаря-**1ИН1** вывели бы из строя всю группу.

Товарищ старшина! Разрешите? Товарищ старшина!..

Кто-то тянет меня за рукав. Оборачиваюсь — Макар Бабиков! Тревожно поблескивают серые сузившиеся глаза. Мокрая прядь волос выIII пась из-под шерстяного подшлемника, а на бледном лице выступи-**||и** капельки пота.

Макар смотрит на склон горы.

- Вон там, я видел, как за теми камнями он упал. Может, ранен?

- Кто? О ком ты?

- Кашутин...

- Вася Кашутин!

Я готов сорваться с места и бежать вперед, но Макар не выпускает рукав моей гимнастерки, прижимает к земле.

Мы встречаемся взглядами, и я вижу в глазах новичка решимость **и** мольбу.

- Я — маленький, я подползу незаметно...

На открытом, почти голом склоне трудно маскироваться. Нельзя рисковать жизнью почти необстрелянного в боях моряка.

- Не горячись, - говорю Макару, успокаивая заодно и себя. - Ты пс горячись! В атаке зачем-то вперед вырвался... Хочешь показать, что н'бс море по колено?

- Это я со страху рванул... Боялся от вас отстать.

Мне нравится чистосердечное признание Бибикова, если только он не хитрит.

- А теперь вдруг не страшно стало?

Бабиков промолчал и вдруг, еще не получив разрешения, вьюном мелькнул среди камней и исчез.

Мы уже отбили третью атаку, когда неожиданно наступила тишина. Егеря что-то замышляли. Я приказал усилить наблюдение и беречь боеприпасы.

Макар не возвращался, а внизу изредка постреливали. Должно быть, егеря все-таки обнаружили Макара.

— Воздух!

С истошным воем пронеслись над нами три «мессера». Взмыв к зениту, они стали пикировать на наш «пятачок» и сбросили бомбы. Снова ударила вражеская батарея, и егеря пошли в атаку вслед за огневым валом. Они приблизились настолько, что мы слышали их гортанные крики:

— Русс! Сдафайс! Русс капут!

«Пятачок» безмолвствовал. Разведчики ждали, когда егеря подойдут на дистанцию броска гранаты.

Кто-то в стороне от егерей резко свистнул, и оттуда раздался крик Бабикова:

— Ату, ату их!

Макар метнул гранату. Она разорвалась в цепи атакующих, и мы пустили следом за ней еще несколько «лимонок».

Егеря с истошным воем откатились.

— Вовремя поспел! — услышал я рядом знакомый голос.

Бабиков подполз незаметно. Он был по-прежнему бледен и чем-то очень взволнован. Еще более сузившиеся глаза виновато смотрели в сторону.

— Хорошо, что вернулся, — строго сказал я Бабикову. — К Кашутину трудно подползти, зачем зря рисковать? Сейчас каждый моряк - взвод.

И тут Бабиков вытащил из голенища кортик с костяной ручкой. Это был тот самый кортик в черном чехле, на котором я вырезал ножиком инициалы: «В.Л.-В К.», «Виктор Леонов - Василию Кашутину». В походах и на маршах Вася никогда не расставался с моим подарком.

— Убит Кашутин, — тихо сказал Бабиков. — Я подполз, хотел взвалить его на себя, а егеря меня заметили, открыли огонь. Отлежался в ложбинке за его спиной. Так он, мертвый, меня спасал... Потом началась атака, и я кинулся к вам.

Спасибо, Макар! Кликни Уленкова...

Любимец отряда, гармонист и затейник, Евгений Уленков находился вместе с Зиновием Рыжечкиным на левом фланге «пятачка», •Ml»()ы держать под обстрелом лощину, по которой могли просочиться сггрн. Даже здесь, на Могильном, Уленкову не изменил его веселый прав. Явившись по вызову, он присел на корточки, козырнул и бойко жнюжил, перефразировав слова песни:

- Врагу не сдается наш гордый десант!

Не сдается, Уленков, веселая матросская душа! И Шелавин, да*с раненный, не сдастся. Где он? Надо его разыскать.

Уленков ушел, а через две-три минуты егеря, лучше нас знавшие, и каком мы положении, опять пошли в атаку. Они решили покончить (нами до наступления ночи. А мы твердо знали, что надо держаться по темноты и при этом бережно расходовать каждый патрон, каждую Iраиату.

Самая широкая часть мыса Могильного не превышает ста метров. Гсгря точно определили расположение наших бойцов, и когда, после учода Уленкова, огонь на левом фланге ослабел, они воспользовались ним и стали просачиваться в лощину.

Мины теперь рвались только на левом фланге, откуда Рыжечкин продолжал стрелять. Друг Рыжечкина, Юрий Михеев, уверял меня, что эти короткие очереди из автомата неуверенные. Будто стреляет не Рыжечкин, а кто-то другой.

- Может, у Рыжечкина автомат заедает? Он там один...

Курносенко и Барышев побежали на помощь Рыжечкину.

Когда и эта атака была отбита, Курносенко остался на левом фланге, а Барышев принес на руках смертельно раненного Рыжечки-I т. Осколки мины изуродовали лицо Зиновия. Еще раньше он был ранен в плечо, потом в голову. Положив автомат на камень, Рыжечкин с I релял одной рукой, несколько раз терял сознание. Короткие очереди, которые мы недавно слышали, вел уже еле живой моряк.

Юрий Михеев расстегнул Рыжечкину куртку и зло стукнул по сво-cll уже пустой фляге: воды ни у кого не было. Зиновий открыл глаза, узнал Михеева и как-то обычно, с потрясшей всех нас простотой сказал:

- Нет воды... А мне бы, Юра, напиться и... умыться надо перед смертью.

— Что ты! Рыжик... — замахал на него руками Михеев. — Не говори так! — голос его сорвался.

— Все, братцы! Живите, воюйте до самой победы. А мне водички бы...

— Сейчас, сейчас, Рыжик!

Юрий побежал к отвесной скале, где из-под камня чуть-чуть пробивалась вода. Скала была на виду у противника. Прячась за камень, Юрий протянул руку с пустой консервной банкой, в которую стала стекать тонкая струйка воды. Раздался одиночный выстрел немецкого снайпера. Выронив банку, Юрий схватился за руку. Но не отполз. Он опять протянул руку, теперь уже правую, и прислонил банку к скале.

Когда он вернулся с водой, Рыжечкин был мертв. Михеев обмыл его, и мы понесли нашего Рыжика к глубокой расщелине скалы: там и похоронили, заложив вход большими камнями.

Кто-то позади нас застонал, и мы увидели Уленкова, тащившего на спине раненого Шелавина.

Пока разведчики делали Шелавину перевязку, Уленков шепнул мне:

— У егерей в лощине два пулемета. Обложены кругом. Два кольца...

— Об этом, Уленков, знают только двое: ты да я. А теперь попытайся пробраться к берегу. Одному легче проскочить через лощину. Если доберешься до базы, расскажешь о нас. Ясна задача? Иди...

Небо прорезала красная ракета. По нашему «пятачку» снова ударила вражеская артиллерия. Разведчики отнесли Шелавина в укрытие и заняли свои места. На этот раз налет был особенно длительным. Большие камни с треском лопались и рассыпались. Рядом с Бабиковым разорвались четыре мины, и маленького разведчика окутало дымом.

— Жив? — крикнул ему Агафонов.

— Вроде жив, — чертыхаясь, ответил Бабиков.

— Вот, брат! Хоть мы и недалеко от базы, а попали в такое пекло, куда и ты, Макар, телят не гонял...

3

Меня позвал Шелавин.

— Слушай, старшина! — превозмогая боль, младший лейтенант старался говорить спокойно, даже властно. — Вас тут с ранеными — одиннадцать. Я — не в счет... Так вот, если проскочить через ту лощину, которую мы утром пересекли? А?.. Ты меня понял?

Я молчал.

— Начнете спускаться — егеря кинутся за вами. А я здесь останусь и прикрою отход. Все равно уж...

Тут я не стерпел:

— Младший лейтенант Шелавин, обидно, что вы так могли подумать о разведчиках. Я им, конечно, ничего не скажу. Но группой я командую и...

— Прости, Виктор, - дрогнувшим голосом перебил меня Шелавин. — Надо же искать выход!

— А это уже не выход. В лощине егеря установили два пулемета. Нет, нам только до ночи бы продержаться...

По оконечности мыса, по второму опорному пункту егерей, ударила наша береговая артиллерия. Эх, перенести бы огонь с батарей Рыбачьего через наши головы к перешейку мыса! Но как без радиостанции корректировать стрельбу батарей? Ракетами? И мы, и егеря пускали их множество. Артиллеристам с Рыбачьего трудно определить, кому какой сигнал принадлежит. А разрывы снарядов приближаются, вот они уже накрывают наш «пятачок»...

Кто-то, прячась за камень, кричит:

— Братцы, по своим лупите!

Артналет, к счастью, прекратился, но вскоре огонь открыли немецкие батареи.

— Егеря с тыла лезут! — доложил Бабиков, наблюдавший за перешейком.

Я обернулся и увидел «психическую» атаку взвода пьяных егерей, прибывших из Титовки. Они протрезвели не скоро. Когда, наконец, атаки прекратились, наши боеприпасы были на исходе.

Полдень миновал.

Мы сидели за скалой и ждали, когда начнет темнеть. Ночью будет легче. Нас немного, но если мы прорвемся вниз, то в хаотическом нагромождении камней трудно будет обнаружить нас. Ночью легче просочиться в ущелье, скрыться от преследователей, вынести к берегу тяжело раненного Шелавина. Десантники это понимают и бодрости не теряют. Агафонов даже пытается шутить.

Только самый молодой среди нас, Николай Жданов, стройный красивый матрос, который до этого держался молодцом, вдруг загрустил и поник головой.

- Эй, моряк, красивый сам собою! Не дрейфь! — хлопнул его по плечу Семен Агафонов.

Жданов вздрогнул, потом в сердцах сказал:

- Все! Песенка спета... Нам отсюда не выбраться...

- Дура, чего мелешь! — набросился на него Агафонов.

Жданов вспылил, побледнел, резко ответил:

- Николай Жданов живым врагу в руки не дастся! Понял?

И отошел в сторону.

Никто из нас тогда не понял истинного смысла этих слов.

Солнце уже наполовину скрылось за горой. Исчезли длинные, причудливые тени от скал, сгущались сумерки. Мы начали готовиться к прорыву.

Я отобрал пять разведчиков, которые должны пробить брешь в обороне егерей, трех - чтобы прикрыть отход, а двум легкораненым приказал положить на плащ-палатку Шелавина.

В это время ко мне подбежал Алексей Каштанов и шепнул:

- Егеря рядом.

- Откуда ты взял?

- Я был у Курносенко на левом фланге. Мы слышали, как их офицер кричал: «Кто повернет назад - расстреляю! Русских надо уничтожить до ночи!»

Каштанов знал немецкий язык. То, что произошло вслед за этим, подтвердило его сведения.

С неистовыми криками «аля-ля!», цепляясь за камни, егеря упорно лезли вверх. Теперь наш редкий огонь не мог их остановить.

- Кончились патроны! - крикнул Бабиков.

- Кончились! - тревожно отозвался Барышев, отползая назад.

Егеря втаскивали пулемет на гребень «пятачка». Шелавин поднялся на колени и дрожащей рукой поднял пистолет.

Наступил критический момент боя.

- Всем ко мне! — скомандовал я.

И тут мы услышали надрывный крик Николая Жданова:

- Братцы, конец!

Не успели мы опомниться, как он выдернул чеку из гранаты, прижил ее к груди и лег лицом к земле.

- Прощайте, товарищи!..

Это уже матрос Киселев, подбежавший к трупу Жданова, рванул кольцо зажатой в кулак «лимонки» и медленно стал опускаться на колени.

- Встать, Киселев!

Я вскинул автомат.

Злоба, боль и стыд за товарища захватывают дыхание. Я с трудом выпаливаю каждое слово:

- Трус! Застрелю! Бросай гранату!

Киселев метнул «лимонку» в сторону егерей, и всем сразу стало нсгче.

Дальше медлить нельзя. Люди ждут команды.

- Агафонов - уничтожим пулеметы! Курносенко, Бабиков - прикрыть отход. Остальным — к Шелавину.

В моем диске остались последние патроны. Есть еще возможность вклиниться в расположение противника для рукопашной схватки, есть еще надежда прорваться! Поднимаюсь во весь рост, вижу две головы немецких пулеметчиков и нажимаю спусковой крючок. Пулеметчики нырнули за камень, и Семен Агафонов тотчас же метнул туда гранату, ринувшись следом за нею.

- Сюда, старшина!

Это кричал Агафонов, поворачивая захваченный, но, к сожалению, поврежденный пулемет.

Я подбежал к нему.

Бабиков, Михеев и Каштанов прокладывали себе дорогу гранатами. За ними Баринов и Барышев несли на плащ-палатке раненого младшего лейтенанта.

Мы прорвали внутреннее кольцо окружения.

Мыс остался позади. Но было еще одно, внешнее кольцо. Наш путь лежал через простреливаемую егерями лощину. Легко ранило Агафонова, Барышева, Каштанова.

Выход к лощине преграждал неумолчно строчивший из блиндажа пулемет. Егеря пускали ракеты. Пришлось остановиться.

И тут вперед выступил Юрий Михеев.

- Товарищ старшина, прикажите приготовить мне связку гранат. Я в левую руку ранен. А правая...

Он поднимает сжатую в кулак правую руку, ждет, что я отвечу. А я думаю, что для такой связки каждый должен будет отдать свою последнюю гранату.

- Я справлю тризну по Рыжику! - Михеев говорит, уверенный, что ему не откажут. - Уж я не промахнусь!

Другого выхода нет. Лучший гранатометчик первым заявил о своем праве пойти на уничтожение вражеского блиндажа, о праве лучшего друга Рыжика отомстить за его смерть.

И Юрий Михеев пополз со связкой гранат.

Распластавшись на камнях, метр за метром приближался он к блиндажу. Вспыхнет в небе ракета - Михеев замирает, гаснет свет - он опять ползет. И все же егеря его заметили, открыли огонь. По тому, как Юрий дернулся, мы поняли, что он ранен. А если его убьют? Если вражеская пуля угодит в нашу последнюю связку гранат?..

Слышен хлопок ракетницы, и синий мерцающий свет озаряет лощину и приникшую к валуну фигуру разведчика. И вдруг Юрий вскакивает. Волоча ногу, он бежит вперед, потом припадает на правое колено, замахивается и сильно кидает связку гранат. Она еще в воздухе, а гранатометчик уже свалился набок, сраженный пулеметной очередью...

Взрыв блиндажа отозвался в горах многократным эхом.

Так салютовал нам, живым, последний из погибших на Могильном разведчик.

Мы пересекли лощину и ушли в сторону моря.

Нас было восемь: двое здоровых и шестеро раненых.

4

Над мысом Могильным воцарилась зловещая тишина. Мы уходим от него все дальше, но егеря все же нас преследуют - уже слышны их истошные крики и ругань. Тогда мы проникли в ущелье. Егеря не решаются следовать за нами. Огибая ущелье, они побегут сейчас к морю, потом будут всю ночь прочесывать берег. Они знают, что мы обессилены, безоружны и не сможем оторваться от них далеко.

Я иду первым. Позади, на плечах Бабикова, тихо стонет Шелавин. Макару тяжело, и я замедляю шаг. Шелавин уже не просит, чтобы его оставили одного. Баринов, Каштанов, Курносенко и Барышев идут пилотную за Бабиковым, готовые сменить его, когда он выбьется из сил. Только Семен Агафонов - его легко ранило в левую руку - отстал от нас. Он замыкает группу. Обнаженный кинжал Семен заткнул за иоис, в правой руке держит на взводе пистолет, в обойме которого есть еще три патрона — весь наш боезапас.

Вокруг рыщут егеря. Просвет неба над нами то и дело озаряется вспышками их ракет.

Начался снегопад. Это хорошо: запорошенные снегом тундра и скалы скроют наши следы. Надо торопиться к берегу.

Мы вышли из ущелья, спустились с кручи и забрались в прибрежный кустарник.

Полночь. Снег покрыл белой шапкой кусты, в которых притаились два клубка живых тел. Мы лежим недвижно, согревая друг друга. Только теперь мы почувствовали, чего стоило нам напряжение минувших боев. Стынем, но никто не решается шелохнуться, чтобы не выдать себя. Так проходит час, другой... Ох, какдолги осенние полярные ночи!

- Что ж теперь делать? Что делать?..

Это шепчет Павел Барышев, шепчет, зная, что никто ему не ответит. И так все ясно: надо ждать катера.

К утру сильно похолодало, и Барышева свела судорога. Он недвижно лежал со скрюченными руками и ногами и, совсем не шутя, сравнивал себя с горбуном из «Собора Парижской богоматери». Бабиков стал его разминать и растирать. Барышеву очень больно, он до крови искусал губы.

- Ты плачь, а не кричи, - уговаривал его Макар. - Только не кричи. Егеря рядом...

Павлу стало немного легче. Он уже может поднять руку, чтобы смахнуть слезу.

- Чуть было калекой не стал, - оправдывается он.

Несколько раз цепочка егерей проходила мимо нашего куста, и мы замирали, стиснув рукоятки ножей, готовые к прыжку для смертельной схватки.

Если меня и Бабикова мучают жажда и голод, то каково же раненым! Нас поддерживает надежда, о которой я не перестаю напоминать:

- Ночь долгая. Катера еще придут. А если не придут, мы с Бабиковым притащим бревна. Я видел недалеко отсюда три бревна, - сочиняю я и почему-то сам верю, что можно поблизости найти эти бревна. - Свяжем плотик и поплывем к нашему берегу.

Наконец занимается рассвет.

Кто-то в забытьи бредит. Должно быть, и Каштанов говорит сейчас в бреду:

- Катер... В заливе катер... Катер идет...

Но это не бред. Не только Каштанов и я - все сейчас различают в белесом тумане контуры «морского охотника».

Я сигналю ручным фонариком. Катер все ближе подходит к нам.

- Что ж он! - закричал Барышев, теряя самообладание и забыв о егерях.

Мы цепенеем от ужаса: катер неожиданно развертывается и уходит в море.

- На катере решили, что сигналят егеря. А нас считают погибшими, - сокрушается Каштанов.

- Откуда егерям знать наши сигналы? - возражает Барышев.

- А ты их спроси! - сердится Каштанов, провожая недобрым взглядом уходящий катер. - Теперь-то уж не снимут.

И только Макар Бабиков бодро сказал:

- Снимут! Считайте, что скоро будем в базе. Как дважды два! Они за вторым катером пошли. К вечеру будут здесь.

Вспыхнула совсем было погасшая надежда на спасение, и я безгранично благодарен Макару.

Как потом выяснилось, на берегу, недалеко от нас, прятались еще два разведчика - мичман Никандров и матрос Панов. Отрезанные от основной группы, они и к нам, на мыс, не смогли пробиться. Ночью, так же как и мы, Никандров и Панов вышли к заливу, замаскировались в кустах и ждали катера. У Никандрова не было фонарика. Заметив катер, он высыпал порох из нескольких патронов и поджег его. Наши сигналы были приняты и поняты. Но что означали эти необычные вспышки? Опасаясь ловушки, командир катера

решил проявить вполне понятную в таких случаях осторожность и ушел в базу за вторым катером.

...Совсем стемнело, когда в залив вошли два катера. Один пустил дымовую завесу, а другой - им командовал наш старый знакомый Борис Лях, ныне Герой Советского Союза, - развернулся и стал подходить к берегу.

Чтобы рассеять у экипажа катера всякие сомнения, я стал фонариком освещать фигуры моих товарищей.

На борту катера не стали ждать, когда подадут сходню. Кто-то прыгнул в воду, и мы услышали знакомый бас комиссара Дубровского.

- Братцы! Агафонов! Барышев! Леонов!.. А это кто? А, новичок...

Катерники сами по пояс в воде несли нас на руках и передавали на руки своим товарищам. В ту минуту я запомнил лицо Павла Барышепа - закопченное, с потеками грязи, которую он еще более размазывал, вытирая слезы.

- Свои... Это же свои! — всхлипывал Павел.

Катера шли в базу.

Согретые доброй порцией спирта, мы спали мертвецким сном. Мне снился Юрий Михеев. Он высоко держал над непокрытой курчавой головой большую связку гранат и пел переложенную на новый лад Уленковым песню о гордом десанте, который врагу не сдается и пощады не желает.

5

Комиссар Дубровский (несмотря на ранение, он остался в строю) со свойственной ему обстоятельностью разбирал итоги минувшего боя. После разбора я подошел к Дубровскому и сказал, что разведчики осуждают поступок Жданова, хотя понимают, чем был вызван этот акт самоубийства.

- А с Киселевым нехорошо получилось, - признался я. - Киселев потом отчаянно дрался, погиб в рукопашной схватке. А я его обозвал трусом. Сгоряча, конечно! Но, поверьте, тогда я иначе не мог. А теперь как-то совестно...

Я хочу, чтобы Дубровский знал, насколько необходимо было в тот опасный момент пресечь всякую возможность паники. Но, види-

мо, менядо сих пор волнуют пережитые, еще до конца не осмысленные события на Могильном. Мне попросту трудно объяснить и мотивировать свой поступок. Я совсем не хочу, чтобы комиссар подумал, будто я оправдываюсь. Если в чем виноват, пусть объяснит. Пусть взыщет! Так или иначе, но это будет конец сомнениям, которые меня одолевают.

Василий Михайлович Дубровский понимает мое состояние.

- Между прочим, - сказал он, — когда у контр-адмирала зашла речь о бое на Могильном, он напомнил всем нам, офицерам, о чувстве ответственности командира за своих подчиненных. Контр-адмирал не назвал твоей фамилии, но, поверь, Виктор, — впервые комиссар обратился ко мне по имени, — он и тебя имел в виду. В положительном смысле... В конечном счете, — тут Василий Михайлович подсел поближе и заговорил со мною доверительным тоном, — что, в конечном счете, главное в боевой жизни офицера? А то, что он отвечает головой за судьбу вверенных ему людей. Это очень почетное доверие, очень большая ответственность. Тебе, Виктор, это сейчас особенно важно запомнить. Почему? Скоро узнаешь... Так вот, на войне не без жертв. Не тот офицер хорош, который думает лишь о том, как бы сберечь жизнь солдата, матроса. Нашему воину опекун не нужен. Но пустая, бесцельная смерть солдата всегда останется на совести командира.

Я насторожился. Комиссар пристально смотрел на меня, точно хотел убедиться, что я его понимаю, потом продолжал:

— Вот Макар Бабиков. Молодой разведчик, новичок. А каков!.. Нет, ты мне скажи, зачем Бабиков полез к Кашутину? Полез добровольно, рискуя жизнью? Отличиться захотел? Парень он неглупый, понимает, что так не отличаются. Макар знал о твоей дружбе с главстаршиной и боялся, как бы ты сгоряча не кинулся к Кашутину. Разведчик Бабиков оберегал твою жизнь. Коммунист Бабиков не мог допустить, чтобы там, на Могильном, командир вышел из строя. И он переборол страх, сам пополз к Кашутину. Это — святое чувство! А Жданов, потом Киселев боялись другого. В ту страшную минуту они испугались за себя. Только за себя! Как бы им не попасть в лапы егерей. А ты — командир! Ты в ответе за всех, за весь бой. Пока солдат живет — он сражается. А раз сражается, то может, должен победить! С этой меркой мы, командиры, да и все разведчики оценили твой поступок.

Так говорил Дубровский, беседуя со мной после разбора боя на мысе Могильном.

В тот же день вечером разведчики собрались в столовой, где за покрытым красным сукном столом сидели старшие офицеры флота. 11 розвучала команда: «Встать, смирно!» — и в торжественном молчаиии слушали мы приказ о посмертном награждении наших товарищей-разведчиков.

Потом стали вызывать к столу присутствующих.

— Старшина второй статьи Агафонов Семен Михайлович!

— Старшина первой статьи Бабиков Макар Андреевич!

Макар подходит к члену Военного совета, получает из его рук орден, хочет что-то сказать, но, должно быть, радость в груди так клокочет, что, смущенный и счастливый, Макар молчит. А мне почему-то приходит на память мой первый бой. На долю Бабикова выпало куда более серьезное испытание.

— Старшина второй статьи Барышев Павел Сергеевич!

Может быть, Барышев скажет речь? Он за словом в карман не полеют. Барышев долго держит в руках орден Красного Знамени, чего-то ждет, потом решительно повертывается к контр-адмиралу и произносит:

— Служу Советскому Союзу.

Ордена получают Баринов, Каштанов, Курносенко. Меня вызывают последним. Дубровский провожает меня к столу многозначительным взглядом. Да и сам контр-адмирал, пожимая руку, тихо говорит:

— Скажи, Леонов, это сейчас нужно...

Смотрю на своих друзей-разведчиков, вижу среди них тех, с кем разделил горе и радость недавно минувших дней. Что им сказать?

— Мы выиграли тяжелый бой. Мы разгромили опорный пункт на Могильном и истребили много врагов. Нас сейчас поздравляют, как именинников. Но там, на Могильном, мы оставили своих товарищей. И были среди них храбрейшие в отряде.

Я называю Флоринского и Абрамова. Я хочу рассказать о Кашутине, моем лучшем друге, и о подвиге Михеева, и о Рыжечкине...

— Ведь вот как, товарищи, получается! Был среди нас разведчик по прозвищу Рыжик, маленький, с виду незаметный... И кто бы мог подумать, что окажется он таким стойким в неравной схватке с егерями? Л Рыжечкин один прикрывал наш фланг и дрался, пока сердце билось.

Пока руки сжимали автомат! Трупами многих своих егерей расплатился Гитлер за смерть Рыжечкина, за нашего маленького Рыжика... Мы похоронили его там, на Могильном, и продолжали сражаться.

Теперь можно рассказать о Михееве, а мне вдруг стало трудно, почти невозможно говорить. Но нельзя же на этом оборвать свое выступление! Я стараюсь думать о другом, а перед мысленным взором предстал Рыжечкин таким, каким мы увидели его в последнюю минуту его жизни. Он был очень спокоен, когда завещал нам сражаться до самой победы. Он, может, и просил умыться перед смертью только для того, чтобы мы поняли: там, на Могильном, ничего страшного в его гибели нет. «Вот я, старший матрос разведчик Рыжечкин, свое дело сделал, выполнил, как мог, свой матросский долг. А вы, братцы, прощайте и воюйте до самой победы».

- Товарищи! - Голос мой окреп, я знал теперь, чем закончить речь. - Вспомним, товарищи, слова из той песни, которую любил петь Ленин. Мы были еще детьми, кое-кого из нас и на свете еще не было, а Ленин уже произносил эти слова. И пусть сейчас они звучат для нас как наказ погибших друзей, как призыв нашей партии, нашей Родины: «Не плачьте над трупами павших борЦов... Несите их знамя вперед!»

***

Отличительной особенностью каждого разведчика является его способность не теряться в любой обстановке. Но я, признаться, растерялся, когда контр-адмирал в тот же вечер, в присутствии старших офицеров разведки, сказал мне:

- Ходатайствуют о присвоении вам звания младшего лейтенанта. После ряда боев, а особенно после рейда на Могильный, я убежден, что вы заслужили это звание. Быть вам, товарищ Леонов, офицером!

Смотрит на меня член Военного совета, смотрят офицеры разведки, готовые принять меня в свою семью. Сумею ли я оправдать такое доверие?

Есть у советского воина ответ, в котором заключен весь смысл его жизни. И я сказал то же, что час назад вырвалось из глубины души Павла Барышева:

- Служу Советскому Союзу!

«СУРТЕ ДЬЯВОЛЕ»

1

Контр-адмирал Николаев сказал нам, офицерам разведки:

Большому кораблю - большое плавание, бывалым разведчикам - дальние походы.

И после небольшой паузы:

11с так, чтоб очень дальние, но берег норвежского полуострова Ищшпгер надо прощупать.

Дубровский получил назначение в другую часть, и я в новой должности замполита отряда знакомлюсь с молодыми разведчиками, недавно прибывшими в отряд.

11срвым, помню, явился к нам электрик с базы, стройный серо-I шпый старшина второй статьи Павел Колосов. Павлу двадцать один щд. Десятиклассное образование он получил в Ленинграде. Там, в I рудные дни блокады, умер его отец. Под Ленинградом, на фронте, по-I ноли брат и другие близкие родственники Павла, а больную мать соседи эвакуировали в Сибирь.

Я смотрю на молодого моряка и думаю о том, что, оставаясь элек-**ipiiKoM** в базе, он сохранил бы больше шансов встретиться с матерью. Приходит на ум и другая мысль: была семья Колосовых, большая, ранимая, ленинградская семья. И вот на третьем году войны у вдовы и матери остался из сыновей только этот светлоглазый, статный парень, который добровольно решил избрать трудную, полную опасностей и лишений дорогу разведчика. Может быть, его увлекли романтические рассказы о наших походах? Может быть, он видит одну лишь героическую сторону жизни разведчика? О ней преимущественно пишут а «Краснофлотце» и в других фронтовых газетах...

Вы что-нибудь слышали, Колосов, о боях на Могильном?

('казал и пожалел. Зачем задавать новичку такой вопрос? А Павел Колосов, вероятно, догадываясь, о чем я думаю, заговорил быстро, очень убежденно:

Еще до вашего похода на Могильный я подал контр-адмиралу несколько рапортов с просьбой направить меня в разведку. И после

Могильного писал... Я имею второй спортивный разряд... У меня погибли отец, брат, и... и я очень хочу быть в разведке. Вот увидите - я буду хорошим разведчиком!

— Это не довод...

Ищу слов, чтобы убедить Колосова серьезно подумать над своим решением, и не нахожу их.

- Новичков мы направляем в отделение старшины Манина. Запомните, Колосов, у Манина образование семилетнее, и то с натяжкой. Зато по части разведки он большой мастер. Строг, требователен, и если в чем провинитесь - отчислим из отряда. А уволенный из отряда может позавидовать тому, кто просто списан на берег. У нас человек весь на виду. И уж если мы (я резко подчеркиваю слово «мы») кого-либо отчислили - значит человек этот растяпа, лгун, трус!

Удивительное дело: чем строже я говорю, тем больше светлеет лицо и радостней блестят глаза молодого моряка, понявшего, что судьба его решена - он зачислен в отряд морских разведчиков.

В канцелярию заходит дружок Колосова Михаил Калаганский. Павел медлит уходить, смотрит на меня с таинственной улыбкой, какая бывает у человека, который хочет что-то сказать и не решается. А устремленный на меня взгляд Павла красноречивее всяких слов говорит: «Это и есть Калаганский, тот самый Миша Калаганский!»

Милый Паша, напрасно ты волнуешься! Знаем твоего друга — он вполне подходящий для нас товарищ. И не потому, как ты это, Паша, считаешь, что в Доме офицеров, на борцовском ковре, Калаганский устоял против нашего отрядного силача Ивана Лысенко. Не потому, что Калаганский, еще, будучи в институте, с первого курса которого ушел добровольно на фронт, считался там чемпионом по борьбе. Комсомольца Калаганского рекомендовало командование базы. В его характеристике записано, что он отлично знает все виды оружия и - это особенно для нас важно - радиодело. Нам нужен такой разведчик-радист, как Калаганский.

Павел наконец уходит. Я остаюсь теперь с широкоплечим, слегка сутулым, невысоким старшим матросом. Лобастое лицо с хищным орлиным носом обрамляют гладкие черные волосы. На вопросы отвечает коротко, четко, исчерпывающе ясно. Говорят, что Калаганский хорошо поет и играет на баяне. Внешне он кажется

чмурым, замкнутым. Пройдет немного времени, и в дружной семье мири **кои**-разведчиков скажутся достоинства и недостатки новичка. А **пока** пошлем его на выучку к опытному радисту-разведчику старшине первой статьи Дмитрию Кажаеву.

Из подразделения ПВО в отряд пришел Андрей Пшеничных. Я ниш Пшеничных как опытного лыжника, но никак не предполагал, чю он попросится в разведку. Андрей демобилизовался в запас запоит до войны, обосновался в Мурманске, женился, имел четырех не l е й. Когда я находился на лыжной базе отряда, Пшеничных часто паисдымался туда, помогал мне тренировать разведчиков. Семья Пшеничных эвакуировалась к родным, в Воронежскую область, п уже там оказалась на территории, оккупированной врагами. В газе-**1444** писали о зверствах фашистов, и Андрей с горестью думал о сушое своей семьи.

Вот я наконец попал в разведку! — сказал он, пристально тля-ми па меня своими черными, чуть раскосыми глазами. — Теперь повоюем!

Потом в отряд прибыли два комендора из одной береговой башреи, два Виктора, Соболев и Карпов, а с ними — молодой, очень красимый матрос Володя Фатькин. Все спортсмены, у всех среднее о(>ра юнание и горячее стремление служить в нашем отряде.

Мы придавали большое значение физической подготовке будущих разведчиков. Среди нас были чемпион флота по лыжам Тихонов, чемпион по борьбе Лысенко, чемпион по плаванию Максимов, наш Макс, как называли его разведчики.

Один из прибывших в отряд новичков рассказывал:

Пришел к вам и растерялся: тут ли базируются морские разведчики? Думал, что в какую-то спортивную школу попал.

В часы физподготовки наше помещение действительно напоминало спортивную школу. В одном месте колдуют с лыжной мщмо, в другом - демонстрируют бой невооруженного с вооруженным, в третьем - занимаются самбо или боксом. Разведчики пюбили следить, как на импровизированный ринг выходят Семен Агафонов и Павел Барышев. Роста они почти одинакового, а вес ра нинИ. Худенький, ловкий и быстрый Барышев раньше учился и Ленинградском техникуме физкультуры, был одно время чемпио-

ном среди юношей в весе мухи. И вот, натягивая перчатки, ему навстречу идет медлительный в движениях, но упорный в бою и совсем не чувствительный к ударам противника бывший кок Семен Агафонов.

Семен дразнит Павла:

- Эй, мухач, берегись! Я из тебя сейчас муху сделаю...

Барышев злится, а виду не подает. Обрушивает на Агафонова целую серию стремительных ударов, а сам нырками ускользает от его лобовых атак и радуется, когда вокруг кричат:

- Силен, Пашка! Лупи медведя онежского! Кусай, муха!

Все «болеют» за Барышева, опасаясь, как бы тот не прозевал и не попал под тяжелый, как свинчатка, кулак Семена Агафонова.

Особенно шумно и весело было вокруг качающейся доски, которую мы прозвали «трапом морского разведчика». Новичок в полном боевом снаряжении должен по такому ненадежному трапу пробежать с конца в конец. «Держись за воздух! Утонешь!» - кричат отчаянно балансирующему на таком «трапе» новичку. Когда он под общий хохот сваливался, то становился в строй «мокрых». Соревновались отделениями. У кого меньше «мокрых» - тот и победил.

Новичкам мы говорили:

- Морские разведчики ведут тяжелые бои. Полярный холод, штормы, арктические вьюги и метели, крутые скалы - ничто их не остановит! Хочешь быть в отряде - закаляйся: будь сильным и ловким.

Закончена программа по одиночной подготовке и начались занятия групп по тактике, другим дисциплинам. Нас радуют отличные успехи молодых разведчиков, и я слышал, как Агафонов сказал как-то командиру новичков Манину:

- Не знаю, Саша, как молодые покажут себя в бою, но сейчас мне с ними трудно по теории тягаться. Чертежи и топографию, фотодело и астрономию - все, дотошливые, знают! Со всякими там Медведицами, большими и малыми, запросто обращаются. Профессора! Куда нам, вологодским да онежским! Нет, Саша, я не шутя спрашиваю: как ими командовать?

- А по уставу! - спокойно и уверенно ответил Манин.

***

Итак, в нашей боевой жизни скоро наступит новый этап - похоiti.i на норвежский полуостров.

Ветераны отряда рады. Им изрядно надоело бороздить ближние **ипды,** или, как они говорят, «мотаться в Мотовском заливе». Передавав спой опыт молодым, ветераны понимают, что для решения новых шдач и им, бывалым, уже обстрелянным следопытам, старых знаний и маиыков недостаточно. Надо учиться!

Да, мы умеем действовать в тылу врага, изучили сильные и слабые **i** тропы противника, в совершенстве владеем своим и трофейным оружием, бесстрашно сходимся с егерями для ближнего боя. Но все но чиает и умеет каждый разведчик полярной пехоты, воюющий за шестьдесят восьмой параллелью. А мы - морские разведчики! Нас нриилекают морские дали, глубокие фьорды и вражеские базы в этих фьордах, прибрежные коммуникации...

Отряд опять перебазировался. В новой обстановке, на противопоножных берегах бухты Н. тренируемся в высадке десанта.

Штаб флота направил в отряд Павла Григорьевича Сутягина, куньтурного офицера, разведчика, знающего норвежский язык и будущий театр боевых действий. Сутягин требует, чтобы разведчики изучаIIи карту нового театра, язык и обычаи местного населения. Но уже наггумила пора темных ночей со штормовой погодой, и мы стараемся ис пользовать это время для выходов в море.

Новичкам трудно. Они гребут так, что слышен плеск весел. Швартоваться не умеют - гремят уключинами, точно находятся где-нибудь на («парной пристани. И ориентируются на чужой местности плохо. Но (lojii.ine всего меня раздражает шум при высадке. Мечтой настоящего разведчика-десантника всегда была и будет тишина. Идеальная тишина!

Первый рейд, несмотря на «идеальную тишину» при высадке на «н-рсг Варангера, все же оказался неудачным. Уже была полночь, когда мы залегли в засаду близ дороги Варде - Вадсе, и долго лежали, так и не встретив ни одной машины, ни одного пешехода. Да и откуда им оыть здесь в такой поздний час? Мы посоветовали командиру отряда разведать другие объекты, но он почему-то решил ждать, а потом уже, опасаясь рассвета, приказал вернуться к катерам.

Стыдно было смотреть в глаза катерникам, которые с таким трудом доставили десантников на берег: они ждали нас «с добычей».

На обратном пути море разыгралось, обдавая стоявших на палубе брызгами воды. Порывистый холодный ветер покрыл ледяной коркой одежду. Но десантники, казалось, этого не замечали, до того были огорошены и сконфужены неудачей.

И на базе встретили нас более чем невесело. Начальник отдела разведки штаба флота капитан второго ранга Визгин вызвал к себе командира отряда, меня и Сутягина. Вид у нас был совсем не бравый. Но мы окончательно сникли, когда капитан второго ранга оказал нам «почести». Едва сдерживая досаду, он прочитал знакомые с детства строчки из монолога царя Салтана:

- Ой вы, гости-господа, долго ль ездили? Куда? Ладно ль за морем, иль худо?..

«Гости-господа» молчали.

- Худо! — зло отрубил капитан второго ранга и приказал мне и Сутягину удалиться.

Я не знаю, о чем говорил Визгин с командиром отряда. Вскоре он получил другое назначение, и мы без сожаления расстались с ним. Ветераны отряда хорошо помнили имена офицеров, которые их растили, воспитывали, закаляли. О Добротине, Лебедеве и Инзарцеве мы часто рассказывали молодым. Их дела служили для нас примером.

Меня вызвали в штаб и сказали:

- Повторить! Так приказал адмирал флота Головко. Командовать операцией поручено вам. Задача - та же, срок подготовки - три дня. Обмозгуйте с Сутягиным все детали и доложите.

Я уже собирался уходить, но меня задержал вопрос:

- Неужели, Леонов, наши разведчики разучились брать «языков»?

2

«Как бы сейчас поступили на моем месте Добротин, Лебедев, Инзарцев?»

Их не было рядом, но я мысленно задавал им этот вопрос. Они были лучшими советчиками в эти ответственные для меня часы и

минуты, когда разрабатывалась новая, первая моя самостоятельная операция.

«Ошеломи врага внезапностью и дерзостью! Ввергни его в панику! И действуй по-суворовски, по-ушаковски! Делай то, что враг считает невозможным!» - так, вероятно, сказал бы мне майор Добротин, умевший сочетать расчетливость со смелой фантазией.

«Не надо бояться егерей — пусть они нас боятся! — говорил нам Лебедев в первые, самые тяжелые дни войны. — Пусть, подлые, дрожат за свою шкуру в самом глубоком своем тылу».

«Не спеши! - предупреждал меня Инзарцев. - Не блох ловишь - за «языками» охотишься. Главное — добраться до объекта. Это уже половина успеха.»

...Мы с Сутягиным склонились над картой, где сильно изогнутой линией изображен путь катеров в первом неудачном рейде к Иарангеру. Зачем катера так огибали? Неужели только из-за этого маяка?

Сутягин рассказывает:

— Да, здесь на острове Лилле Эккере у них маяк. Это рядом с побережьем полуострова. Огибая его, мы потеряли много времени. Маяк небольшой. Но почему, Виктор, он тебя интересует?

— Прямая дорога...

— На войне прямая — еще не самая короткая. Тут своя геометрия, друг мой.

— Слушай, Павел Григорьевич, а если сначала наведаться к маячпику? Ну, допустим...

— Понимаю! — В глазах Сутягина загорелись искорки. — «Язык» на маяке поможет взять других «языков». А что если...

И уж мы спорим, дополняем друг друга. Иногда увлекаемся до того, что расходимся в разные стороны, чтобы остыть, самостоятельно обдумать каждую деталь, а потом снова обсуждаем тот план операции, о котором командующий сказал свое короткое, но столь для нас радостное «добро».

В первую ночь я с шестью разведчиками высадился на побережье острова Лилле Эккере. Захватив маячника, мы доставили его к берегу, где нас ожидал катер. По дороге в базу Сутягин допросил маячника и, развернув карту, сказал:

— Пост квартируется на мысе Лангбунесс. Вот тут, недалеко от мыса, проходит автострада Варде — Вадсе. Маячник говорит, что в одиннадцать ночи движение по дороге прекращается.

Теперь ясно, почему в прошлый раз мы всю ночь пролежали в засаде, так и не дождавшись ни одной машины, ни одного пешехода. Назавтра три группы разведчиков, примерно половина отряда, снова отправляются в поход, чтобы с наступлением темноты уже подойти к берегу полуострова Варангер.

Катером командует Александр Осипович Шабалин, ныне дважды Герой Советского Союза. Он не раз доставлял нас на побережье, занятое противником, и снимал оттуда. Небольшого роста, удивительно хладнокровный и необычайно смелый, он в самые ответственные минуты высадки одним только своим видом действует на нас успокаивающе. Его присутствие на катере бодрит десантников. И сейчас, узнав о моем плане, Шабалин говорит так, как будто речь идет об обычном рейсе:

— Добро! Я этот берег знаю. Скалы. Швартоваться не будем. Прикажи надувать лодки, а я вас буду поджидать у самого берега.

Мы готовимся к высадке, спускаем на воду шлюпки. Волны захлестывают их, и насквозь промокшие гребцы с огромным усилием сохраняют равновесие.

Когда выбрались на сушу, я проверил людей и хотел уже дать направление каждой группе, но прибежал взволнованный Агафонов:

— Машины идут! Сверху видно...

Мы поднялись на сопку и увидели автоколонну. Светлый пунктир медленно приближался. Машины еще были далеко, а дорога — это было мне известно — проходила в двух километрах от нас.

— Вперед! На перехват машин!

Ноги вязнут в глубоком снегу, а надо бежать через сугробы, через сопки. На ходу отдаю приказ, как расположиться в засаде. Предупреждаю всех, что первыми открывают огонь разведчики Баринова.

Машины приближаются, но мы уже залегли вдоль обочины дороги.

Кругом так тихо, что слышен мерный рокот моторов автомашин. Вот промчался один крытый грузовик, другой, третий... А

сколько их уже прошло мимо группы Никандрова? Но к группе Баринова головная машина еще, должно быть, не подошла.

Вабиков шепчет:

- Что Баринов молчит? Может, начнем?

Я отрицательно качаю головой: нет, Макар, не будем спешить! Колонна еще движется, дорога идет в гору. Держи нервы в узде! А Наринов — тот сработает...

Сильный взрыв убедительно подтвердил, что группа Баринова ныла начеку. Вслед за первым на определенных интервалах дороги грохнули еще взрывы, и рассыпался треск автоматов. И тут мы стали свидетелями совершенно неожиданной для нас сцены: вся колонна остановилась, все фары погасли, а егеря выпрыгнули из кузовов, из кабин и... стали смотреть вверх. Егеря, оказывается, даже мысли не допускали о возможности нашего появления на этой коммуникации. Они были уверены, что колонну штурмуют наши самолеты.

Без единого выстрела захватили мы двух оторопевших егерей, и и приказал доставить их на катер.

Связной от Баринова доложил, что его группа подорвала первые две машины, взяла пленного. В это время тяжелый бой в хвосте колонны завязала группа Никандрова, и мы устремились к ней на помощь. Егеря залегли под машины и отстреливались, но несколько гранат утихомирили их.

Забрав документы из штабной машины (колонна, как потом выяснилось, принадлежала зенитному полку и направлялась на один из аэродромов), мы отошли к катерам, чтобы исчезнуть с полуострова Варангер еще до того, как противник узнает о случившемся.

Катерники горячо поздравляли нас. Только Александр Осипович был, как всегда, спокоен и, предложив мне сверить часы, сказал:

— Ровно два часа с момента высадки. Никогда так быстро не возвращался с операции. Веселая война!..

Теперь, по дороге в базу, когда опасность осталась позади, повсюду слышались смех, шутки, живой обмен впечатлениями.

Маяк на острове Лилле Эккере все еще сигналил нам. Наконец и он исчез.

3

Это была большая удача отряда, но нам как раз и нужна удача, которая вселила бы уверенность в успех дальних походов.

В зиму 1943/44 года мы совершили несколько походов к северным берегам Норвегии, из которых наиболее примечательными были два - на мыс Кальнесс и в Босс-фьорд.

В декабре 1943 года (к этому времени я уже был утвержден в должности командира отряда) Шабалин доставил нас в район нового объекта — мыса Кальнесс. Катер подошел близко к берегу, и мы увидели, как вода плещется у подошвы обледенелой скалы. Высаживаться здесь трудно, но зато сравнительно безопасно: здесь нет постов.

Я договорился с Шабалиным о сигналах, о предполагаемом месте посадки уже после выполнения задания и прямо с борта катера прыгнул на первую вырубленную ступеньку.

Надо мной, врубаясь в лед, разведчики медленно забирались на гору.

Больше часа штурмовали мы эту скалу, а когда выбрались на вершину, то перед нами зиял провал оврага. Обходить овраг — значило теперь терять драгоценное время. Володя Фатькин обвязал себя веревкой, один конец ее передал Лысенко и прыгнул вниз.

- Тут снегу много. Ныряйте! - услышали мы голос Фатькина.

Овраг был глубиной до шести метров. Падая, мы с головой зарывались в пушистый снег. Потом опять лезли наверх, снова штурмовали крутую сопку, кубарем скатывались по ее ледяному склону. Наконец увидели дорогу, близ которой стоял домик, охраняемый двумя часовыми.

Недалеко от дома торчали воткнутые в снег шесть пар лыж. Баринов и Манин тихо сняли немецких часовых, а я выставил секреты и сказал Агафонову:

- Сегодня рождество. Ты, Семен, любишь ходить в гости. А вот рады ли будут в этом норвежском доме таким гостям, как мы? Узнай-ка.

- Это можно...

Агафонов направился к дому, мы - за ним.

Открыв первую, наружную дверь, Семен постучал кулаком в другую, обитую войлоком, которая вела в комнаты. Никто не ответил.

Мы прислушались. За дверью раздавался нестройный хор голосом, кто-то надрывно кричал или пел.

— Ага?! — Агафонов присел от удивления. — Это они нас приглашают... Честное слово, приглашают! Уже сердятся, что мы опаздываем к рождественскому ужину.

— Действуй, Семен!

Агафонов налег плечом на дверь, и она со скрипом подалась.

Окутанные клубами пара, мы ввалились в дом.

В большой, хорошо обставленной комнате было светло, уютно и тепло. За сервированным столом, дирижируя бутылками, горланила пьяная компания егерей. В углу мерцала разноцветными лампочками нарядно украшенная елка. Рядом с ней стоял высокий, худой старик норвежец, должно быть, хозяин дома.

Мы были одеты в белые маскировочные халаты и обсыпаны с головы до ног снегом. Мы совсем не напоминали тех, кого имел в виду хозяин дома, когда крикнул:

— Сурте дьяволе!

Что за черт! Эти слова точно столбняком поразили гостей. Трое уронили бутылки и подняли руки. Трое стали приседать, видимо, намереваясь спрятаться под стол, но наведенные автоматы привели их в чувство.

— Хох! Хох! Давай, егерь, вылезай по одному! — командовал Агафонов. — Тащи, Фатькин, веревку...

Егерей обезоружили, связали им руки одной веревкой, а хозяин дома, который при этом не выказывал никакой робости, пригласил пас к столу.

Но что за магические два слова произнес старик при нашем появлении? Почему возглас хозяина дома заставил егерей еще до нашей команды поднять руки?

«Сурте дьяволе» по-норвежски означает «черные дьяволы». Впервые жители Варангера узнали о моряках — «черных дьяволах» после боя на Могильном. Кто-то из раненых егерей, лечившихся в госпитале на полуострове Варангер, рассказал сиделке о группе советских моряков, которая проникла на мыс Могильный и была там окружена двойным кольцом. Егеря были уверены, что моряков истребят или возьмут в плен. Но они целый день вели бой, а когда

пришла ночь — исчезли. Растворились в темноте, не оставив никакого следа.

Спустя некоторое время была разгромлена колонна на дороге Варде - Вадсе, и немцам не удалось установить, кто это сделал. Тут уж норвежцы сами стали распространять слух, что это действует группа русских «сурте дьяволе», исчезнувшая с мыса Могильного.

Егерей эти слухи раздражали и пугали.

Нам нельзя долго задерживаться, но хозяин решил опровергнуть мнение о том, что северные норвежцы - молчаливые, замкнутые люди, и стал нам рассказывать то, что представляет для разведчика некоторый интерес.

Слышали ли мы о легендарном Ларсене? О неуловимом Ларсене, вожаке норвежского отряда народного сопротивления? Не может быть, чтобы по ту сторону фронта не знали о знаменитом Ларсене с полуострова Варангер! Нет, сам хозяин с Ларсеном, конечно, незнаком - не удостоился такой чести. Но любой норвежец вам расскажет, как даже в штормовые ночи Ларсен поднимает парус на своем боте и уходит в море. Он вооружен только автоматом, пистолетом и гранатами. Гитлеровцы не могут поймать его и не знают, где находятся бойцы его отряда. А Ларсен знает все тропинки в горах и все ручейки, которые впадают в фьорды. Гитлеровцы говорят, что он заодно с русскими, и поэтому тоже прозвали его «черным дьяволом». Так что пусть русские не обижаются за эти слова. Везде, где есть дом рыбака, — а на побережье Варангера все рыбаки, — найдутся друзья Ларсена, друзья «сурте дьяволе».

— Тогда, может быть, друг Ларсена поможет «сурте дьяволе» выйти к морю, к ближнему причалу?

Старик пристально посмотрел на меня, немного помедлил и громко крикнул по-норвежски. Из соседней комнаты вышел средних лет мужчина, такой же высокий и узколицый, как старик.

— Это мой сын и мой гость. Он прятался в погребе. Он вас проводит.

Мы заметили, с какой ненавистью смотрят пленные на хозяина и особенно на его гостя. Старик с тревогой взглянул на сына, но тот был совершенно спокоен.

— Не волнуйтесь! — сказал я старику. — Если по дороге к морю с нами что-нибудь случится, то эти «языки», — я показал на пленных, — уже никогда не заговорят.

— Я вам верю. Сына высадите у загиба мыса Кальнесс. Там его друг ж и пет.

М ы предложили старику шоколад, консервы, галеты, но он наотрез отказался что-нибудь взять. По дороге к причалу он сказал:

— Когда вернусь домой, то устрою погром. Я ничего не пожапсю, даже то, что долгим трудом нажито. Скажу немцам, что ночью н дом нагрянули «черные дьяволы» и разорили мое хозяйство. ('частливой вам дороги!

...Катер Шабалина курсировал у мыса Кальнесс и сразу заметил наш сигнал. Александр Осипович признался, что и его наконец встревожило наше долгое отсутствие. Тем радостней была встреча.

В трюме катера вытрезвлялись шестеро гитлеровских офицеров ноенно-воздушных сил, которые, оказывается, вечером еще были в Киркенесе, ночью загуляли в Кальнессе, а утро встретят в нашей базе.

Вскоре мы узнали, что доставили штабу очень ценных, настоящих заполярных «языков». Они дали исчерпывающие сведения о дислокации противника и, кстати, сообщили о бое нашей подводной лодки у горловины Босс-фьорда.

Но сведения «языков» нуждаются в проверке, подтверждении. И мы стали готовиться к новому, еще более ответственному походу.

***

В северной части полуострова Варангер есть небольшой фьорд Маккаур-сан.

Если бы удалось проникнуть в этот фьорд, высадиться на берег и пойти строго на север, к выступу мыса, то мы оказались бы в тылу вражеской батареи, охраняющей вход в большой залив Босс-фьорд.

Что находится в глубине Босс-фьорда?

Это пока остается тайной. Есть все основания думать, что там базируются торпедные катера неприятеля. Горловина Босс-фьорда напоминает пасть зверя. Глаза зверя — его маяки, орудия на мысе — зубы зверя. Вот почему нас пока привлекал только маленький заливчик Маккаур-сан.

Мы выступили 22 февраля, в ночь на воскресенье. Завтра наша армия, авиация, флот будут праздновать двадцать шестую годовщи-

ну славных Вооруженных Сил. Шабалину и мне, катерникам и разведчикам, хочется в канун праздника порадовать Родину боевыми успехами.

Случилось так, что к фьорду Маккаур-сан нам не удалось подойти. Замигали огни постов наблюдений, оттуда запросили сигналы, и Шабалин повел катер курсом норд-ост. Уходим мористее, меняем направление, и вот, разрезая волны, катер идет к далекому незнакомому норвежскому берегу.

Разведчики отдыхают в кубрике. Я и Шабалин на ходовом мостике напряженно всматриваемся в темень полярной ночи. Наконец смутно забелел ледяной припай у берега, обозначились очертания гранитных скал, покрытых на склонах льдом, и вдруг блеснули два огонька — маяки мысов.

Мы приближались к самой горловине Босс-фьорда.

Шабалин отдал команду приглушить мотор, дать самый малый ход и посмотрел в мою сторону.

Я кивнул. Мы без слов поняли друг друга.

Катер неслышно вошел в залив.

Сразу прекратилась качка и унялся ветер. Кругом тихо, и в этой настороженной тишине два раза просигналили посты СНИС.

Мы им не ответили.

Батареи на мысах Босс-фьорда остались позади нас.

Знают ли отдыхающие в кубрике разведчики, где мы сейчас находимся? Может быть, по движению катера догадываются, что мы забрались в пасть зверя, и кое-кого тревожит исход этого рейда?

- Все в порядке, - спокойно говорит Шабалин. - Посты СНИС решили, что это их катер вернулся с задания. Прошел, не заметив сигналов. А как же иначе? Разве отважится советский катер заходить в Босс-фьорд, на верную гибель? Так они рассудили, и в этом, Виктор, наше преимущество. Сейчас дело за вами. Тихо сработаете — тихо уйдем. А начнется заваруха со стрельбой — сам понимаешь: пасть сомкнётся...

Я жму руку Шабалину и быстро спускаюсь в кубрик.

Мы высадились на пустынный берег.

Иван Лысенко и еще два матроса ушли в разведку, остальные залегли, замаскировались в камнях. Беспокоимся за катерников — им труднее маскироваться.

Прошло немного времени, и Лысенко привел норвежского рыоака из ближнего населенного пункта. Он подтвердил, что поселок Босс-фьорд находится в километре от нас, а крайний дом, подход к которому Лысенко уже успел обследовать, занимают два немецких моряка из экипажа катера. Рыбак видел этих моряков сегодня вечером. Они вернулись из плавания.

Я разбил отряд на две группы - захвата и прикрытия. Со второй остался мой помощник, лейтенант Кокорин.

Первыми ушли к поселку разведчики мичмана Никандрова.

- Только чтоб без шума! — строго предупреждаю их. — Оружие пускать в ход в самом крайнем случае.

Мичман молча кивнул и, построив группу, увел ее в горы.

Связываемся с Шабалиным. Он одобряет наш план и тихо следует к поселку, прижимая катер почти к самому берегу фьорда.

Без шума все же не обошлось, хотя разведчики в этом нисколько не были повинны. Группа Никандрова выволокла из дома связанных по рукам «языков». Они барахтались, упирались ногами в землю, но кричать не могли: кляпы во рту лишили их голоса. Завидев нас, «языки» присмирели и, уже не сопротивляясь, пошли вперед.

Мы спускались к берегу между двумя скалами и вдруг услышали внизу песню. Свернуть некуда, а отходить нет смысла. Остается только ждать приближения певцов.

Мы замерли на месте, прижавшись к скалам, готовые по первой тревоге открыть огонь. А песня, хоровая, протяжная, нарастала. Ее пели молодые голоса. Наконец мы увидели молодых норвежцев, парней и девушек, возвращавшихся, должно быть, с вечеринки.

Норвежцы нас заметили, когда подошли вплотную. Они остановились, нестройно оборвав песню, потом молча, приглушив шаги, прошли мимо, вглядываясь в каждого из нас. Мы были одеты в белые маскхалаты. Автоматы обмотаны марлей, гранаты спрятаны в белых сумках. Среди нас были только двое в черном: пленные немецкие моряки.

Эта немая сцена длилась две — три минуты.

Я ждал, когда норвежцы удалятся, чтобы продолжать движение. Но замыкавший группу высокий парень остановился недалеко от нас, повернулся, поднял сжатую в кулак руку и что-то громко сказал.

По тону мы поняли, что он нас приветствует. И тотчас же, в ответ ему, опять возникла песня, но уже не тягучая, как раньше, а бодрая, похожая на марш.

Это была песня борцов сопротивления.

Мы не раз слышали ее потом, уже восемь месяцев спустя, когда начался освободительный поход в Норвегию. Ее распевали на митингах и на собраниях. Я запомнил лишь последние строчки припева:

Свободные мысли
Не выследит Квислинг.
Мы к синим фьордам уходим...

Синие фьорды!.. При свете полярного солнца норвежцы, вероятно, видели их синими, голубыми, ласковыми. Но нам в ночных разведках они представлялись черными-черными...

Песня замерла в горах.

Мы спустились к берегу, и вскоре катер, разрезая черную гладь Босс-фьорда, пошел на север. С постов снова запросили сигналы. Мы опять не ответили и на полном ходу вырвались в открытое море.

Может быть, позади нас, в Босс-фьорде, уже началась боевая тревога? Но если бы даже посты на мысах открыли стрельбу, мы бы все равно ее не услышали в неистовом свисте ветра, который обрушился на катер, как только он покинул фьорд. Штормовое море взъярилось. Вскоре борта и палубы обледенели, и мы стали скалывать лед с катера, замедлившего ход.

Шли к своей базе долго, и до самого рассвета на палубе продолжался аврал.

Так встретили мы двадцать шестую годовщину Советской Армии.

Сдав «языков», разведчики получили заслуженный отдых. Но в тот день никому не хотелось расходиться по кубрикам. Я и Шабалин пошли на праздничный офицерский обед. Главный распорядитель за столом, тамада, поднял первый тост за разведчиков и их боевых друзей-катерников.

— Когда подводники топят вражеское судно, — сказал он, — мы преподносим им жареных поросят. Это стало традицией. Морских разведчиков положено угощать жареными языками. Но эти «сурте дьяволе» наловчились таскать столько «языков», что интенданты завопили: «Не можем, говорят, управиться! Замените языки другим блюдом!»

***

... «Сурте дьяволе» совершали рейды к берегам Норвегии до наступлении весны.

И норвежских походах мы не имели потерь — сказалось возросшее мнетерство морских разведчиков. Катера возвращались в базу с большим числом пассажиров, чем их было на борту, когда уходили в рейд, ink кик принимали еще захваченных «языков».

А I М ирал флота поблагодарил нас за боевые успехи и подчеркнул фи фактора, которые эти успехи обеспечили: скрытность, внезап- iitu'Ti., дерзость.

() гряд получил короткий отдых, вслед за которым должна была начаться серьезная подготовка к новым, еще более серьезным операциям.

Уже миновало лето 1944 года. Наши войска очищали от оккупанта Украину, Белоруссию, перешли рубежи СССР на границах с Румынией, 11ольшей. Мы знали: скоро последует сокрушительный удар по северной группировке фашистских войск. Жители Северной Норве- **11Ш** встречали первых советских морских разведчиков как вестников скорого освобождения от фашистской тирании.

До окончания круглосуточного полярного дня еще оставался значительный срок, и мне предоставили отпуск для поездки в Зарайск, к родителям, с которыми я не виделся более пяти лет.

11а время отпуска я сдал дела лейтенанту Кокорину. В политотделе мне сказали, что скоро в отряд пришлют нового заместителя командира но политической части.

ПЕРЕД РЕШАЮЩИМ УДАРОМ

1

Иван Гузненков, высокий, худой, в короткой, до колен, серой шипе п икс пехотинца, с солдатским вещевым мешком за спиной, шел к нам

в отряд и еще в дверях столкнулся со старшиной первой статьи Иваном Поляковым. Лучше бы Полякова в тот день не назначали в наряд...

— Куда прешь, пя-хо-та! - преградил старшина дорогу Гузненкову. — С курса сбился? Не видишь, кто тут располагается?

— Отставить! — резко скомандовал Гузненков и чуть щелкнул каблуками. — Как фамилия?

Поляков смерил долговязого пехотинца недоуменным взглядом, но так и не определил, с кем имеет дело: с офицером или рядовым? Полевые погоны на куцей шинели пришельца были закрыты широкими лямками заплечного мешка.

— Фамилия моя? - на всякий случай выжидательно спросил Поляков. — А зачем, служба, понадобилась тебе моя фамилия?

— Не тыкайте, старшина, докладывайте по форме!

— Вот как? Нет, это очень даже интересно...

Иван Поляков уже начинал опасаться, как бы не влипнуть в неприятную историю с этим странным пехотинцем. Но Поляков в тот день находился во внеочередном наряде и готов был на ком угодно сорвать свою злость. Полякову было скучно, и, наперекор здравому смыслу, верный своей дурной манере, он продолжал форсить. Сначала демонстративно небрежно прикоснулся двумя пальцами к блином сидевшей на голове бескозырке, а большим пальцем тут же ловко сдвинул бескозырку на правое ухо, вздыбив при этом свой чуб. Пружиня на ногах, Поляков стал вызывающе поводить широченными плечами, явно желая обратить внимание незнакомца на свой бледно-голубой, выцветший воротник, в разрезе которого чуть виднелась полосатая тельняшка.

Ох уж эти специально вываренные в содовой воде матросские воротники! Глядя на обладателя такого воротника, неискушенный человек может подумать: «Вот бывалый моряк! Не раз, должно быть, соленая морская волна обдавала такой воротник, а крепкий ветер сушил и трепал его. Вот почему некогда голубой, он стал почти белым». Поляков никак не предполагал, что стоявший сейчас перед ним пехотинец в кирзовых, с короткими голенищами сапогах, с мешком за плечами служил на флоте не меньше, чем любой разведчик нашего отряда. Вид травленого матросского воротника напоминал Гузненкову шалости и наивные проделки тех лет, когда он сам был «салажонком» — так иногда старый моряк называет юнца на флоте.

Л Поляков между тем продолжал рисоваться. Заложив руки за с пину, он иыпятил грудь, на которой блестел до яркости начищенный (•псион орден, и сквозь зубы процедил:

А н чем, собственно говоря?..

11о 1узненков не стал его слушать.

Ступайте, доложите командиру, что прибыл замполит отряда. | • п ганить! — тут же скомандовал он мгновенно преобразившемуся Поинкому, готовому сорваться с места, чтобы исполнить приказание. — Iti.i гак и не назвали себя. Не повторили приказа...

(Vroponевший Поляков тут только вспомнил, что должен прибыть моими замполит. Поляков стоял перед Гузненковым навытяжку и дол-|п мигал глазами, пока не обрел дар речи.

Я... да я, товарищ, не знаю, как вас по званию... А командира нашего пег — он в отпуске. Замещает лейтенант Кокорин. Докладывает • Iаршина первой статьи Поляков, — уже совсем не бойко закончил он.

Первой статьи? М-да...

I узпенков прошел вперед, а Поляков последовал за ним, озабоченно качая головой и поправляя на ходу поясной ремень и бескозырку.

И канцелярии за письменным столом склонился над пишущей машинкой еще один старшина первой статьи — маленький, светлоиомосый, даже чуть рыжеватый, с орденом Красной Звезды на фнапелевке.

Бабиков, встать! — гаркнул в дверях Поляков.

11среступив вслед за Гузненковым порог, Поляков уже как следует, но форме, обратился к Гузненкову:

Товарищ замполит, разрешите позвать лейтенанта Кокорина!

1узненков испытующе посмотрел на Полякова. Трудно было определить: продолжает ли тот форсить или старается исправить свою оимошность.

Идите.

I узненков скинул с плеч вещмешок, осмотрел канцелярию, потом подошел ко все еще стоявшему по стойке «смирно» Бабикову и про-п|пул руку:

Давайте знакомиться. Лейтенант Гузненков. Сидите, пожалуй-|'in, занимайтесь своим делом.

Я уже кончил.

— Тогда побеседуем, - сказал Гузненков усаживаясь. Бабиков тоже сел. — Орден Красной Звезды за Могильный получили?

— Так точно! — опять вскочил с места Бабиков.

— Да сидите, пожалуйста, - мягко улыбнулся Гузненков. Ему нравилось поведение Бабикова. — Слышал о боях на Могильном, знаю, как вы там отличались. Кстати, парторга Тарашнина там ранило?

— При атаке. На самом мысу Тарашнина не было. У нас тогда комиссар Дубровский, сам легко раненный, из-под огня егерей вытащил нашего парторга и понес его на руках к морю.

— Вот как? — отозвался Гузненков, заметив про себя, что Бабиков, очевидно тоже кстати, вспомнил прежнего комиссара отряда офицера флота Дубровского. - Скажите, Бабиков, что вам из Усть-Цыльмы пишут? Вы ведь там до призыва учителем работали?

— Так точно! - Бабиков был настолько удивлен, что его белесые брови полезли наверх. — Учителем... Только разрешите спросить, товарищ лейтенант, откуда вы это знаете?

Гузненков многозначительно улыбнулся:

— Мне, старшина, многое положено знать. По должности...

Так состоялась встреча нового замполита с Поляковым и Бабиковым.

Не только их, но замещавшего меня лейтенанта Кокорина, старшину отряда Чекмачева, парторга и комсорга — всех поразила осведомленность нового замполита в делах отряда. Перед тем как получить направление в отряд, Гузненков заочно познакомился с личным составом и боевыми характеристиками разведчиков, с историей отряда- В разведотделе и в политотделе он получил исчерпывающую информацию о том, что в отряде хорошо, что плохо и на какие стороны нашей жизни следует обратить внимание. С Гузненковым долго беседовал член Военного совета флота.

— Работа предстоит интересная и нелегкая, - предупредил Гузненкова контр-адмирал. - В отряде вы встретите людей, у которых от наград да от восторженных похвал закружилась голова. И уж кое-кто из разведчиков любит подчеркнуть свою исключительность, свое особое положение на флоте. А раз оно особое, то нельзя ли пренебречь обязательной для всех дисциплиной? Комендант мне пожаловался: «Разведчики балуют... Известное дело: сорвиголовы!» Нельзя допустить, чтобы к доброй репутации отряда примешивалась другая. Разведчики — не сорвиголовы... Вы меня поняли?

- Ясна задача, товарищ контр-адмирал!

- Задача ясная, а решать ее надо с умом. Что ни говорите, а народ там, действительно, несколько своеобразный. Да еще условия боевой жизни накладывают на людей определенный отпечаток. Признаться, я и сам питаю слабость к разведчикам. Славные, боевые ребята! Но старая слава новую любит. Сейчас, как никогда раньше, надо крепить боеготовность морских разведчиков Северного флота. Большие дела ждут их.

И уже прощаясь, контр-адмирал сказал Гузненкову:

- Успех работы будет решать ваш авторитет. У разведчиков надо завоевать авторитет не только словом и не столько словом — делом! Имейте это всегда в виду. А начните с обычного знакомства. Расскажите, где служили-воевали, в каких рейдах по тылам врага сами участвовали. Разведчики - народ дошлый, поймут, почему штаб послал к ним офицера морской пехоты Гузненкова. Желаю вам успеха, товарищ лейтенант!

После короткой стычки с Поляковым лейтенант Гузненков вспомнил свой разговор с контр-адмиралом и его напутствие.

Еще до похода на мыс Могильный из отряда ушли такие признанные следопыты, как Мотовилин, Лосев, Харабрин, а сразу после рейда на Могильный - Радышевцев. Харабрин так и не вернулся к нам после окончания офицерских курсов. Мотовилина перевели в другое подразделение. А Лосев воспользовался тем, что на Севере комплектовались экипажи катеров для боевых действий на юге, и подал рапорт о зачислении его в такой экипаж.

На проводы Лосева собрались все ветераны-разведчики. По такому случаю старшина расщедрился и выдал «авансом» из своего неприкосновенного запаса необходимую для проводов норму вина.

Как всегда при таких расставаниях, было шумно. Перебивая друг друга, вспоминали совместные бои и походы, живых и погибших. Глядя на уезжающих, и я вспомнил, как в мастерскую, где в первые дни войны работали я и Саша Сенчук, пришли три Николая и Алексей, как Мотовилин учил нас, еще не обстрелянных разведчиков, азбуке военного дела.

- До сих пор не могу забыть Сашу Сенчука, - сказал я Радышевцеву.

- А Рябова и Даманова? Лосев! Коля Лосев! Помнишь ты своих тезок? — кричал Радышевцев Лосеву.

Лосев опустил голову, потом тряхнул ею, точно пытался отогнать какую-то невеселую думу. Он вышел из-за стола, снял со стены гитару и поднял руку, требуя внимания.

— Помню ли я своих тезок? — глухо спросил он Радышевцева. - Ну слушай, Алексей! Всем слушать...

Медленно перебирая пальцами по струнам, Лосев заиграл знакомый мотив и вдруг запел никогда до этого не слышанную нами песню о себе и своих друзьях:

Жили-служили три друга,
Пой песню, пой!
Рябов, Даманов и Лосев,
Не разольешь их водой.

Певец был явно не в ладах с рифмой и ритмом. Но это нисколько его не смущало. Он вел бесхитростный и правдивый рассказ:

Звали их всех Николаями,
Пой песню, пой!
Первый погиб в первом бою,
А через год — другой...

Лицо Николая Лосева исказилось болью. Будто только сейчас он ощутил горечь давних потерь и скорого расставания со своими товарищами. Всем хотелось его остановить, но никто не решался прервать певца.

Третий прощается с вами, друзья...

— Брось, Коля! - крикнул Степан Мотовилин и вырвал из рук Лосева гитару. - Ребята скоро в бой пойдут. Тебя на большие дела провожают, а ты?..

— А я хочу, Степан, чтобы никто никогда не забывал наше братство. Верно я говорю?

— Верно! — поддержал его Радышевцев.

Веселье возобновилось.

Проводили Лосева до пирса. Мотобот, принявший его на борт, ушел в Мурманск, а мы, неожиданно притихшие, возвращались домой. И тут Радышевцев сказал нам:

— Мне тоже скоро придется с вами распрощаться. Я торпедист, дело свое не забыл.

— Алеша, с чего это вдруг? Какая муха тебя укусила?

Но Радышевцев, видимо, не хотел на эту тему распространяться:

— Душа не лежит. А без души — какая служба в разведке?

Через несколько дней мы проводили Радышевцева, а вскоре еще один случай всполошил разведчиков: Черняев, ловкий, разбитной моряк, продал на толкучке часы из трофейного имущества отряда.

Я узнал о проступке Черняева перед первым походом к Варангерфьорду. И хотя Черняев был включен в группу десантников и уже собрался в дорогу, я, скрепя сердце, применил к нему ту степень наказания, которая намного тяжелее, чем наряд вне очереди или лишение увольнительного отпуска в город. Разведчики считали ее равносильной списанию на берег.

— Старший матрос Черняев! - объявил я перед строем, когда группа десантников уже готова была следовать к пирсу, где нас ждал катер.

Черняев шагнул вперед.

— За присвоение трофейного имущества лишаю вас права участвовать в операции. Сдайте старшине рюкзак, оружие, боеприпасы.

Мы ушли в поход, а Черняев, зная, что его проступок не останется безнаказанным, стал жаловаться оставшимся разведчикам на свою судьбу и на то, что вообще «к нашему брату» придираются по пустякам. Он встретил сочувствие со стороны таких разведчиков, как Поляков и Вызов.

— Ну, продал часы, черт бы их побрал! — возмущался Черняев, обращаясь к своим дружкам в присутствии других разведчиков. — Ну, малость выпил! Так мы ведь, братцы, жизнью рискуем! На волосок от смерти ходим. Неужели на базе не можем чуток повеселиться?

— Ерунда, конечно! - соглашался с ним Вызов. — Что наша жизнь? Как в той арии: «Сегодня ты, а завтра я...»

Ухарь Поляков похлопывал Черняева по плечу:

— Не кручинься, Чернявка! Гляди орлом! А что нам, разведчикам-орлам? День работам — два гулям! Так было, так всегда будет!

Многие считали эти разговоры пустой болтовней и не давали отпора «орлам». Вскоре мы за это крепко поплатились.

Находясь по увольнительным запискам в городе, Вызов, Поляков п Черняев выпили для храбрости и недалеко от здания Дома офицеров мтеяли спор с какими-то гражданскими лицами. Вызвали комендант-1-кпй патруль. К Дому офицеров в это время подходила еще одна группа разведчиков. Еще издали, завидев высокого Лысенко, Вызов вырвапся из рук патрулей и крикнул:

— Ваня, полундра!

Не разобравшись в чем дело, Лысенко кинулся на выручку Вызова и тоже оказался задержанным комендантским патрулем.

Никто не жалел гулевую «тройку» - она себя достаточно скомпрометировала. Переживали за Лысенко, который оказался случайно замешанным в этой некрасивой истории. Разведчики собирались даже коллективно похлопотать за него перед командованием, но Лысенко запротестовал:

— Без адвокатов обойдемся...

— Неправда! — возражали ему. — Это касается чести отряда.

— Вперед умнее буду! - упорствовал Лысенко. — Только бы не списали на берег в компании с этой троицей.

— Так и мы не хотим, чтобы тебя путали с этой компанией!

— Разберутся! — отмахивался Лысенко.

Я вызвал для беседы провинившихся разведчиков. Три «дружка» в один голос каялись, намекали на свои прошлые боевые заслуги, обещали исправиться. Лысенко не каялся. Глядя прямо мне в глаза, Лысенко глухо басил:

— Сгоряча не разобрался, что к чему. Это верно. Кабы знал, что это бушует наша знаменитая тройка, - тогда другое дело. Я моряк, и выручать моряка в любых случаях жизни должен. А они, черти, пьяные... Это я уже в комендатуре понял. После драки кулаками не машут. Вот и вся моя вина.

Я слушал эту довольно несвязную речь и понимал состояние Лысенко.

— Больше ничего не скажете? О себе? О товарищах?

— Все сказано. А некоторые товарищи думают, что я должен был пройти стороной. Это неверно...

Мне, как и всем разведчикам, очень хотелось, чтобы Лысенко остался в отряде, и я сейчас думал о том, как расценит проступок разведчиков контр-адмирал, к которому я должен пойти вечером с докладом.

— Тяжелая у вас рука, Лысенко! — Я смотрю на огромные кулаки разведчика и стараюсь придать суровый тон своему голосу. - Такими кулачищами по егерским черепам молотить, а вы... Сгоряча, говорите? Разведчику сгоряча не положено действовать. Идите!

11азавтра пришел приказ члена Военного совета об увольнении из **о I** ряда недисциплинированных разведчиков. Лысенко в этом списке **не оыло.** Он, правда, получил строгое взыскание.

...Знакомясь с личным составом отряда, Гузненков напомнил Лы**(емко** о его давнишнем проступке, и разведчик удивился этому.

Между прочим, Лысенко, имейте в виду, что за вас поручился югда бывший замполит и нынешний командир отряда.

Я этого никогда не забуду, товарищ лейтенант! — ответил Лысенко.

2

Авторитет Гузненкова заметно возрос после того, как развед**чики** узнали, что новый замполит был среди героических защитни**м>|1** Ханко и с последним отрядом морских пехотинцев ушел с полуострова. А однажды, когда речь зашла о боях в тылу врага, Гузненков уточнил один пункт на хребте Муста-Тунтури. Тут же выяснилось, что он облазил этот хребет, брал на нем «языков», еще бу**дучи** младшим политруком, а потом — политруком отдельного шкода разведки в бригаде морской пехоты. Разведчики убедились, **что** в отряд прислали обстрелянного, побывавшего в разных переделках командира.

Начались учебные походы. Новый замполит, как рядовой развед**чик,** совершал марши с полной выкладкой. На привалах все отдыхали, а легкий на ноги Гузненков обходил группы разведчиков — где проведет беседу, где поможет выпустить боевой листок. Даже неутомимый **в** походах Семен Агафонов удивлялся:

— До чего мы, поморы-охотники, привыкли бродить по этим тундрам и скалам, но за лейтенантом нам не угнаться. А может, он тоже нашенский? Из поморов?

Оказалось, что Гузненков родился и вырос на Смоленщине.

Начались занятия по тактике, топографии, саперному и мин**по**-подрывному делу. И тут новый замполит показал себя опытным командиром. Стали соревноваться по скалолазанию, борьбе самбо **и** это дело замполиту знакомо. Он стрелял метко, а однажды вызвался руководить кружком фотолюбителей: мы и фотодело на досуге изучали.

Разведчики гордились новым замполитом:

— Силен лейтенант! На все руки мастак.

Кое-кто скептически замечал:

— Скоро начнутся рейды... Посмотрим, как в деле себя покажет...

Были и недовольные новым замполитом, вернее — не им, а порядками, которые он стал насаждать. Строже стало с увольнениями в город. Старшина должен был отчитываться за каждый выданный паек, а он привык жить «с запасцем» на тот случай, если в отряд к хлебосольным разведчикам заявится какой-нибудь представитель или гость. Теперь любой разведчик знал, что плохо заправленная койка или брошенный в кубрике окурок может навлечь на него неприятность — новый замполит взыщет.

Об этих отрядных новостях я узнал из писем, которые мне присылали в Зарайск.

Я одобрял действия нового замполита, и в то же время меня донимала какая-то беспричинная тревога. Потом я разобрался в этом чувстве, похожем на ревность к человеку, который распоряжается во вверенном тебе отряде, завоевывает любовь и популярность в глазах дорогих тебе людей. Я ругал себя за это мелкое и недостойное чувство. И все же против своего намерения сухо и подчеркнуто официально познакомился с Гузненковым на пирсе базы, где он меня встречал.

Гузненков, очевидно, представлял себе встречу иначе. Он спросил меня, когда смогу его принять, и ушел.

Мы встретились в тот же день в канцелярии отряда.

Я думал, что разговор начнется с отчета Гузненкова о том, чем был отряд этот месяц занят и что он, новый замполит, успел сделать. Тут мне, вероятно, представится возможность высказать по каждому поводу свое одобрение или порицание.

Но как только Гузненков закрыл за собой дверь и мы встретились взглядами, он, как старый знакомый, широко улыбнулся, сел против меня, всем своим видом показывая, насколько рад, что мы остались вдвоем.

— Вот вы и приехали! А я тут, — он беспомощно развел руками, — кручусь-верчусь, присматриваюсь да примериваюсь. По-настоящему к работе еще не приступал. Есть мысли, соображения, но даже плана работы еще не составил.

Почему? — спросил я с некоторой строгостью, наивно полагая, •пи за это и стоит пожурить моего заместителя: вмешивался, должно (и.пь, и разные дела, а непосредственную политработу упустил.

План составить недолго. Но цена какая ему будет? — в свою очерни, спросил Гузненков. — В ленинской комнате имеется галерея героев. Ч то должен молодой разведчик знать о каждом из героев отряда? Опять *с беседы бывалых. Кого и о чем? Тут нужно ваше слово, ваш совет. Мы с коммунистами решили провести открытое партийное собрание на и-му «Честь отряда — моя честь». Бабиков это предложил, другие поддержи п и, некоторые разведчики забыли о добрых традициях отряда. Но ведь in- только об этом должна быть речь на собрании? Так ведь?

Я согласился с Гузненковым.

- Вот видите! — обрадовался он. - И собрание я отложил до вашеKI приезда. Мне легко написать в плане: воспитание на боевых традициях. Могу об этом речь произнести. В общем и в целом, — он опять размел руками. — А кому это нужно? План должен быть подчинен предстоящей боевой задаче. План должен опираться на людей, на акI ни. А я опять-таки в общем информирован. Вот и жду, что скажет мне командир.

И получилось так, что вместо официального знакомства да еще какого-то ожидаемого отчета между нами завязалась непринужденная неседа, причем Гузненкову удалось «развязать» мой язык. Я рассказыиал ему о погибших разведчиках - кто из них чем отличился, потом говорили о предстоящих задачах.

Мы расстались уже за полночь. Укладываясь спать, я подумал о том, что экскурсия в прошлое оказалась и для меня весьма полезной. Л И ван Иванович — так я уже называл Гузненкова в конце нашей бесе- - будет хорошим товарищем и боевым спутником в горячих делах, которые скоро, очень скоро начнутся на нашем участке фронта.

3

По всему чувствовалось, что скоро грянет решающий бой.

Мы, разведчики, хорошо знали, что творится в стане врага. Егеря нервничали в ожидании нашего наступления. На север, в распоряжение 20-й Лапландской армии, прибыли специальные инженерные ча-

сти. Они занялись усовершенствованием и без того мощной обороны. Газета лапландцев «Варт им Норден» требовала, чтобы командиры горных частей пресекали всякие слухи о русских разведчиках, которые якобы, когда им только вздумается, проникают через линию фронта. «Наши рубежи неприступны, - хвастала «Варт им Норден». - Через наш фронт ничто живое не проскользнет!»

Враг еще искуснее и хитрее стал минировать участки побережья, где возможна высадка десанта, горные проходы, лощины и овраги. Теперь на подступах к своим опорным пунктам егеря стали применять ракеты сигнального действия. Стоит, допустим, разведчику неосторожным движением коснуться замаскированной проволоки — и полярная ночь озаряется множеством ракет, которые, даже упав на землю, чадят красным дымом. Саперы горных дивизий построили в гранитных скалах побережья зимние казематы. Опорные пункты представляли теперь многоярусную систему долговременных огневых точек, покрытых стальными колпаками и соединенных траншеями.

Но никакие укрепления не в силах были поднять боевой дух «героев Крита и Нарвика». Они с тревогой ждали приближения четвертой военной зимы, никак не предполагая, что здесь, в Заполярье, наступление начнется еще до морозов. Предупреждая о возможном зимнем наступлении советских войск и подбадривая своих егерей, командир одной из горных дивизий писал в своем приказе:

«Русским мы предоставим возможность нахлынуть на наши укрепленные позиции... Когда противник истечет кровью после безуспешных атак на наши опорные пункты, мы уничтожим его контрударом...»

Лапландцы очень надеялись на свои опорные пункты, среди которых особенно выделялся мощный, оборудованный артиллерийскими установками опорный пункт на мысе Крестовом.

А мы в это время перебазировались на полуостров Рыбачий и уже облюбовали сопку, по своим контурам напоминавшую опорный пункт мыса Крестового.

Около двух недель мы по ночам «штурмовали» эту сопку, взаимодействуя тремя группами, которыми командовали я, лейтенанты Змеев и Гузненков. В условиях, максимально приближенных к боевой действительности, мы обучали разведчиков маскировке, наблюдению и оповещению. Тренировали людей в рукопашных схват-

М I Х , скалолазании, хождении по азимуту. Все занятия проводили **ничью,** практикуя внезапные засады и проверяя каждого разведчика н дозоре.

Короткий день, если не считать отдыха, был занят партийно-политической и культурно-массовой работой, которая с приходом Гузненкова стала конкретной, действенной. В ленинской комнате часто проводились беседы. В назидание молодым ветераны рассказывали о минувших боях. К нам в гости на вечера-встречи боевого содружества приходили пехотинцы и артиллеристы, катерники и летчики. Здесь выступали наши плясуны, певцы, музыканты. Побывали у нас и шефы делегация рабочих из Новосибирска.

Накануне открытого партийного собрания, где обсуждался вопрос «Честь отряда - моя честь!», пришел приказ: быть готовым к боеиому походу. После небольшого доклада бывалые разведчики говорили о верности традициям, а молодые - о своем горячем стремлении (ч.1ть достойными преемниками и продолжателями этих традиций. Я хорошо запомнил выступление Владимира Фатькина. Развернув полученное из дому письмо, Фатькин сказал:

— Мы присягали Родине выполнить свой воинский долг. Это паша святая клятва. Вот послушайте, что мне мать пишет из Спасска, Рязанской области: «Дорогой Володя, передаю большой материнский привет твоим боевым товарищам, о которых ты много хорошего рассказал в своем письме. Я недавно получила от командования фотографию отличившихся в боях разведчиков. Очень рада была увидеть тебя на этой фотографии. Так ты, Володечка, в разведке служишь? А от матери утаил! Не скрою, сынок, очень волнуюсь за тебя, за твоих друзей. Все вы такие молодые, красивые, веселые! Сыночки мои! Пусть там, на далеком Севере, в тяжелую минуту не дрогнет ваше сердце и не ослабнет рука. И еще, дорогой...» Ну, тут уж дальше личное... Так как же мне, товарищи, - воскликнул Фатькин, — после такого письма не дорожить честью и боевой славой нашего отряда!..

Тарашнин сообщил, что матросы Смирнов и Рябчинский подали заявления с просьбой принять их в партию. Манин назвал фамилии молодых разведчиков, которым комсомольская организация дала рекомендацию для вступления в ряды партии.

Попросил слова никогда раньше не выступавший на собраниях Иван Лысенко. Он прошел своей валкой походкой к столу президиума, повернулся лицом к собранию и, должно быть с непривычки, смутился.

— Я беспартийный моряк, - сказал Лысенко. — Не то, чтобы робел вступить в партию - не из робких, но считал и считаю, что еще не подготовил себя для такого шага в жизни. Было время, когда наш командир и коммунисты отряда за меня поручились. И вот я нахожусь сейчас здесь, среди своих друзей — морских разведчиков. И за все это вам, товарищи коммунисты, большое спасибо. А насчет вашего доверия, то, может, еще будет такой час, когда подойду к нашим командирам, к товарищам Леонову и Гузненкову, и попрошу у них рекомендации в партию. И они мне не откажут.

Пришел вестовой из штаба. Меня вызывали к генерал-майору Дубовцеву.

Я знал, зачем меня вызывают. Недавно адмирал Головко поставил перед отрядом задачу, к выполнению которой мы все эти дни готовились. Адмирал предупредил меня, что отряд морских разведчиков в составе восьмидесяти человек и еще один отряд морских пехотинцев будут находиться в подчинении генерал-майора Дубовцева.

— Будьте готовы выступить сегодня ночью, — приказал мне генерал. — Надеюсь, что скоро встретимся вот здесь, - генерал показал на карте обведенный красным карандашом порт в тылу неприятеля — он находился совсем близко, в каких-нибудь десяти километрах от Печенги. - Встретимся, Леонов, если отряд выполнит задачу. - Генерал показал карандашом на две линии, которыми были накрест перечеркнуты батареи егерей на мысе Крестовом: — Для наших десантных катеров эти батареи опаснее всех других. И они должны умолкнуть, чтобы не мешать морскому десанту достигнуть конечного пункта, — карандаш генерала своим острием опять нацелился на вражеский порт. — Вот где ключ от Печенги! К порту первым пойдет катер вашего друга Шабалина. Сколько раз он высаживал вас в тылу неприятеля и снимал с вражеских берегов? Теперь вы должны ему помочь. Коротко и ясно объясните разведчикам задачу. Скажите им, что об этом десанте знают в Москве. Вам ясна задача?

— Ясна, товарищ генерал!

— Желаю удачи.

***

Мы знали о разных операциях многих десантных отрядов советских поиск. Захватывая вражеские базы, непрерывно разведывая глуоокую оборону неприятеля, разрушая его коммуникации и уничтожая cm живую силу, советские десантники с честью выполняли свою опасную и грудную работу. Нельзя при этом не отметить, что, когда армии IИI пера вели наступление, фланги наших сухопутных фронтов не подиергались ударам с моря. На Крайнем Севере, как известно, линия фронта почти не претерпела изменений.

К осени 1944 года наш отряд накопил богатый опыт боевых действий на побережье Баренцева моря. В отряде сохранился основной костяк разведчиков, который этот опыт создавал и непрерывно совершенствовал. Штаб флота знал о способностях отряда решать самые ответственные задачи. И в то же время все - от командующего до рядового разведчика — учитывали, что десант на мыс Крестовый по своей сложности и трудности во много раз превосходит все наши прежние рейды.

...Началась вторая неделя октября. Войска Карельского фронта в районе озера Чапр перешли в наступление на сильно укрепленные позиции неприятеля. Сокрушив вражескую оборону на горных перевалах Большого и Малого Кариквайвишь, форсировав Титовку и овладев Луостари, наши войска вышли на дорогу к Печенге — к морю. К этому времени уже высадились первые морские десанты на побережье Мотовского залива и разгорелись бои на самом северном участке сухопутного фронта.

В ночь на десятое октября морская пехота начала штурм хребта Муста-Тунтури. В ту же ночь мы были готовы к рейду в глубокий тыл врага — к мысу Крестовому, к воротам в порт Лиинхамари.

Лиинхамари — аванпост Печенги, его главная военная база. Здесь находятся большие склады неприятеля с вооружением и продовольствием. Сюда доставляют никель, чтобы увезти его в Германию. Отсюда начинаются шоссейные дороги в норвежский порт Киркенес и центральный район Финляндии.

Порт Лиинхамари находится в глубине Дёвкиной заводи, на правом ее берегу. Чтобы проникнуть в заводь, надо сначала пройти часть

Петсамского залива, Петсамо-вуоно, длиной три - четыре мили, который катерники прозвали «коридором смерти» - он насквозь простреливается береговыми батареями с мысов залива.

Самый мощный опорный пункт, бастион егерей, охраняющий дальние подступы к Лиинхамари, находится на скалистом мысе Крестовом. Здесь, опоясанные дотами, ощетинились своими стволами две четырехорудийные батареи - 88-миллиметровая зенитная и противокатерная и 155-миллиметровая тяжелая.

Батареи на Крестовом решено атаковать с тыла. А для этого с места высадки нам надо пройти по тылам неприятеля большой - тридцатикилометровый - путь. Он лежит через топкие болота и тундру, через холмы и почти отвесные скалы. Нам приказано пройти этот путь, штурмом взять опорный пункт егерей на мысе Крестовом, захватить батареи и уничтожить вражеский гарнизон, если он откажется капитулировать.

Мы должны открыть дорогу к Лиинхамари десантным катерам, которые поведет наш друг - Герой Советского Союза Александр Шабалин.

***

...У генерал-майора Дубовцева я познакомился с командиром отряда морских пехотинцев капитаном Барченко, получил все указания и когда вернулся в отряд, то еще застал в ленинской комнате многих разведчиков. Они не расходились с собрания, ожидая моего возвращения.

Все заранее подготовлено к походу, и сборы были недолгими. Спорили со старшиной, отказываясь от положенного запаса продуктов: «Две банки с консервами? Еще одна пачка галет? Нет, старшина! Лучше я вместо сгущенного молока возьму лишний диск к автомату, лишнюю гранату».

И вот в куртках и болотных сапогах, а кто - в специальных комбинезонах, заправленных в шерстяные чулки, и в ботинках, покрыв головы непромокаемыми шлемами катерников, разведчики выстроились на причале. Провожать нас прибыл член Военного совета. Докладываю контр-адмиралу о готовности к посадке. Контр-адмирал медленно обходит строй разведчиков, старается в темноте разглядеть

и1*дого и каждому жмет руку. Голос его в ночной тишине звучит мужественно:

И добрый путь, морские разведчики! Когда окажетесь там, на I им иерегу, - он поворачивает голову к морю, - то услышите гул канонами. 11ачалось, друзья! Идет великое наступление. А вы знаете, на кате цело идете... Военный совет надеется, что вы еще выше поднимете ри i iivio славу североморцев. Попутного ветра вам, дорогие товарищи!

11ичалась посадка на катер, которым управляет снимавший нас I мыса Могильного Борис Лях.

Мимо командира катера шествуют хорошо знакомые ему разведчики: Баринов, Агафонов, Барышев, Бабиков.

Ой, жарко будет егерям на Крестовом! - говорит мне Лях, по- iitpmi руки.

Катер отходит от пирса, и берег мгновенно исчезает во мраке in синей ночи.

ЛИЦОМ К ЛИЦУ

1

11 орд-вест гонит навстречу катеру крупную волну. Над головой соопраются тучи. Они обложили все небо, еще больше сгущая мрак полярной ночи.

Далеко впереди появляются и исчезают лучи прожекторов, обозначай землю. А берега не видно. Рассекая волны, катер идет туда, где мечутся прожекторные лучи и откуда, пока едва слышно, доносится канонада.

11а земле идет бой. Морская пехота штурмует Муста-Тунтури - тот 111МЫЙ хребет, который к утру должен быть уже далеко позади нас.

Я стараюсь думать о предстоящем марше и бое, а в голову назойливо лезут совсем несерьезные для такого момента мысли. Почему-то вспомнил телеграмму, которую сегодня вечером Макар Бабиков отправил своей невесте Любе. Девушка работает в одном из тыловых под-

разделений флота. Случайно встретил Макара на узле связи - оба завернули туда по дороге к причалу. Последние две недели никто из разведчиков не получал увольнительной, а вернувшись с полуострова Рыбачий, мы сразу стали готовиться к рейду. Макар, конечно, скучает по своей Любушке. И вот у телеграфного окошка Макар показал мне аккуратно заполненный бланк с одной строчкой — условным «кодом» влюбленных: «Жди меня!»

«Жди меня»... Два года назад мы были первыми читателями этого, тогда еще не напечатанного, стихотворения. Поэт Константин Симонов ходил с нами в поход на мыс Пикшуев. Мы в тот раз избежали стычки с егерями. Обнаружили тайный склад боеприпасов, уничтожили его и повернули к морю, к катеру. Но из следующего рейда некоторые хорошо знакомые поэту разведчики не вернулись в базу. Мы тревожились за их судьбу, но верили в их возвращение, ждали. Может быть, под впечатлениями похода на Пикшуев поэт и написал стихотворение, ставшее столь популярным среди фронтовиков? Подаренный майору Добротину листок со стихом пошел по рукам. Мы переписывали и заучивали это стихотворение, посылали его своим любимым.

Жди меня, и я вернусь...

Ветер крепчает, зло хлещет в лицо снежной крупой, солеными брызгами и угрожающе воет. Гигантские кинжалы прожекторов скрещиваются и разбегаются, бессильные распороть занавес неба. А тучи наслаиваются все ниже и ниже, виснут над головой.

Все явственней доносится гул боя.

По палубе катера забегали матросы. Вот они поднимают сходни. Значит, скоро покинем палубу. Катер уйдет... Катер Ляха уже не придет за нами, потому что на этот раз десант морских разведчиков пройдет от одного берега моря к другому, от губы к мысу, не для того, чтобы вернуться в базу. Овладев Крестовым, мы вольемся к общий поток наступления. Будут новые рейды, новые смертельные схватки. И все же, как писал поэт, - жди меня! Я вернусь, всем смертям назло!..

Нет, надо думать о другом! В первую очередь — о связи между тремя группами, о наблюдении, оповещении. Правильно ли я поступил, разбив отряд на три группы? Гузненков — хороший товарищ, но каков он в бою?

— Подходим, — говорит мне Лях.

II кромешной тьме ночи берега не видать. Катер замедляет ход, . нитрит.

Ні кубрика один за другим поднимаются на палубу разведчики. Они um юроженно смотрят в сторону берега и ждут, когда сбросят длинные, • iiiiniani.no сделанные для высадки сходни. Мы слышим, как сходни мшеиаются в воду. Катерники сбегают вниз, поднимают их концы. Сами ни ионе н студеной воде, прокладывают нам сухую дорожку на берег.

Хорошие у тебя ребята! — говорю Ляху. - Поблагодари их...

Лях дольше обычного задерживает мою руку в своей. Командир I-**in** ера знает, куда и зачем мы идем. Вчера Лях пошутил: «И почему, Пик юр, тебе дают такие веселые маршруты: Могильный? Крестоiii.ih''" «Так ведь на катере Ляха обязательно к черту на рога попанеип.!» ответил я шуткой.

1еперь Борис Лях молчит. То, что он хочет сказать, заменяет дол|ос и крепкое рукопожатие.

Кланяйся Шабалину, — говорю я Ляху на прощанье. — Скажи, •но встретимся с ним там...

Конечно встретитесь! Я за тебя спокоен. Знаешь, что означает 1 ново «Виктор», «Виктория»?

Нет! После расскажешь. Когда встретимся...

И довольный такой невинной ложью и наивной приметой (если **ее 11.** повод для встречи, то встреча состоится), сбегаю по сходне и прыI **inn** на скользкие прибрежные камни.

Заработал мотор уходящего катера. Я не оборачиваюсь и спешу к разведчикам. На всякий случай они занимают оборону.

('удя по времени, отряд Барченко уже начал обход сопок и скал.

I lain путь к мысу Крестовому короче и труднее.

2

II полночь штурмуем крутую сопку.

Стоя на плечах Семена Агафонова и прислонившись к скале, парторг отряда Аркадий Тарашнин вырубает в почти отвесной гранитnoil стене ступеньки. Его примеру следуют другие. С помощью таких **civiieiieK** и каната взбираемся на вершину сопки и видим новые, еще оонес крутые горы.

Тяжела дорога к «ключу от Лиинхамари»!

Ветер немного стих, но повалил густой снег.

Мы вышли к равнине, которая ведет к следующему пункту маршрута. Покрытая ровным слоем снега, эта равнина очень опасна. Новичку может показаться, что сейчас идти будет легче. Но впереди идущий Фатькин поднимает руку, и цепь разведчиков замирает. Фатькин обвязывает себя одним концом каната, другой конец передает Андрею Пшеничных, потом ложится на снег и ползет. Он ползет медленно, прощупывая руками каждый метр, чтобы обнаружить замаскированные под снегом расщелины.

Фатькин прокладывает для нас на горном плато надежную тропу.

Чуть светлеет, когда мы штурмуем еще одну вершину. Бой, разгоревшийся ночью на хребте Муста-Тунтури, приближается. Лучи прожекторов со стороны Лиинхамари все еще шарят по скалам. Я останавливаюсь, пропускаю мимо цепочку разведчиков. Они идут широким шагом, тяжело передвигая натруженные за ночь ноги. Надо дать людям отдых, пусть хоть немного поспят, тем более что двигаться днем небезопасно.

А снег все валит, заметая наши следы.

Устроили привал у подножия горы, и через полчаса фигуры прикорнувших разведчиков превратились в белые холмики. Все спят. Бодрствуют только мой связной Борис Гугуев и радист Дмитрий Кажаев. Я закрываю глаза и, уже засыпая, слышу, как радист повторяет позывные штаба, потом переключается на прием:

— Юпитер, Юпитер, как слышите меня? Я вас слышу хорошо...

Мгновенно вскакиваю. Радист, прижав ладони к наушникам, выразительно смотрит на меня и при этом согласно кивает головой:

- Юпитер, я вас понял! Я вас понял, - внятно повторяет Кажаев. - Земля тут рядом. Земля - рядом со мной. Сейчас ей все будет передано. Как меня поняли? Прием...

Командующий сообщил нам, что хребет Муста-Тунтури очищен от неприятеля, что с юга пехотные части Карельского фронта вышли на дорогу к Петсамо. Командующий требовал ускорить движение.

Я приказал поднять людей. Ожили, зашевелились снежные холмики. Гузненков, Тарашнин, Манин, агитаторы групп рассказали разведчикам об успехах наступающих войск, о предстоящем дневном марше, подбадривали уставших.

И снова в путь.

(мсркалось, когда мы увидели впереди очертания мыса Крестовый.

Гак пот он какой, этот скалистый, черной стеной нависший над морем мыс! Высоко забрались егеря со своими пушками. Оттуда им вимеп залив Петсамо-вуоно и море и, если погода ясная, — наш по-и **VI к** троп Рыбачий, на который они нацелились стволами своих пушек, lain ра п это время наши десантные катера начнут свой рейд в Лиинхамари мимо мыса Крестового. Но впереди еще ночь, долгая, осенняя нпиярпая ночь.

Завидев мыс, разведчики прибавили шаг.

Мы штурмуем последнюю, самую крутую скалу в тылу огневых **ми** щий мыса Крестового.

Уже ночь опустилась на землю, а мы лезем все выше и выше, пока **мг** забираемся на усыпанную валунами площадку. Расходимся тремя **I** руинами, чтобы взять в полукольцо первую батарею.

Вторая батарея находится внизу, у самого уреза воды.

1йхо вокруг. Порой кажется, что на Крестовом никого нет, а если и **ft I ь** там батареи, то артиллеристы, спокойные за свой тыл, крепко спят.

Ьесшумно ползем меж больших и малых камней, подбираясь все ониже к площадке мыса.

Ящерицей извивается на земле ползущий впереди связной Борис I Vi уев.

И вдруг, задев рукой тонкую проволоку, Гугуев шарахнулся назад. По уже было поздно. Задребезжал один колокольчик, из разных мест ню пишись ему другие. Еще вокруг стоял звон, а в небо уже взметну-**И11С1.** серии разноцветных ракет и слепящий глаза свет прижал нас к земмс. Мы увидели прямо перед собой забор колючей проволоки. За запором виднелся глубоко вкопанный в землю барак. Фигура часового, охранявшего вход в барак-землянку, возвышалась над крышей. И еще мы заметили две пушки с задранными вверх стволами, которые теперь медленно опускались в нашу сторону, и часового, бегущего от забора к ояраку. И все это в двадцати — сорока метрах от нас.

Часовой не добежал до пушки — Гугуев срезал его очередью из автмата. Но второй часовой успел юркнуть в помещение.

- Вперед! — скомандовал я.

- Вперед, североморцы! — подхватил мой клич Иван Гузненков.

Взвод Баринова ближе других к заграждению. Сорвав с себя стеганую куртку, Павел Барышев кинул ее на колючую проволоку и перевалил через ограду. Высокий Гузненков с ходу перемахнул через проволоку, упал, отполз и тут же открыл огонь по дверям барака.

Разведчики стали стаскивать с себя куртки, плащ-палатки, приближаясь к колючей проволоке. А Иван Лысенко подбежал к железной крестовине, на которой висела проволока, нагнулся, сильным рывком взвалил крестовину на плечи, медленно поднялся во весь рост и, широко расставив ноги, надрывно крикнул:

— Вперед, братва! Ныряй!

— Молодец, Лысенко!

Я проскочил в образовавшуюся под забором брешь.

Обгоняя меня, к бараку и пушкам, к блиндажам и землянкам бежали разведчики.

Семен Агафонов забрался на крышу блиндажа близ пушки. «Зачем это он?» — недоумевал я. Из блиндажа выскочили два офицера. Первого Агафонов пристрелил (потом выяснилось, что это был командир батареи), а второго, обер-лейтенанта, оглушил ударом приклада автомата. Спрыгнув, Агафонов догнал Андрея Пшеничных, и они стали прокладывать себе гранатами дорогу к пушке.

Агафонов и Пшеничных еще вели рукопашный бой с орудийным расчетом, а Гузненков с двумя разводчиками, Колосовым и Рябчинским, уже поворачивали пушку в сторону Лиинхамари.

Егеря из барака выскакивали навстречу бегущим к ним разведчикам и на ходу открывали огонь.

Раненный в грудь Иван Лысенко упал на колени, но крестовину не сбросил. Под проволокой, которую держал Лысенко, все еще проползали разведчики. Когда позади Лысенко уже никого не осталось, он закачался и с тяжелым вздохом, лицом вперед, рухнул на землю, придавленный крестовиной.

3

— Прикрой Гузненкова! Отрезай егерям дорогу из барака к пушкам! - приказал я Баринову, а сам повел группу разведчиков на подавление двух дотов, откуда неумолчно строчили пулеметы. Прицельным огнем

п I автоматов и винтовок по амбразурам дотов мы ослепляли пулеметчи-I пи и короткими перебежками сближались для броска гранат.

Л разведчики из отделения Баринова в это время вели тяжелый |н>|| с егерями, которые отчаянно пробивались к своим огневым позициям. У самых дверей барака упал тяжело раненный матрос Смирнов. Ирач отряда лейтенант Луппов подполз к Смирнову и взвалил его на ичечи. Из окна барака ударил пулемет, и наш доктор остался недвижIKI нежать с убитым матросом на спине.

К окнам барака подбежали Фатькин и Соболев, Колосов и Каламиский. Они швырнули в помещение гранаты. В предсмертных кри-I ,\ч и стонах егерей заглох пулемет.

Не задерживайся! — крикнул Анатолий Баринов и уже поднялся, чтобы повести разведчиков на захват третьей пушки, но в это время увидел большую группу егерей. Это шло подкрепление из орудийных расчетов второй батареи.

Егеря заходили к нам в тыл.

- Берегись! — услышали мы позади крик.

Я обернулся и увидел ринувшихся в атаку разведчиков Баринова.

Егеря дрогнули, залегли, но не отступили, а открыли сильный огонь.

Прибежал связной от Бабикова, заменившего раненого Баринова, и сообщил, что егеря напирают. Я поспешил на выручку.

Егеря отступили к своей батарее, но командира взвода и самого молодого в отряде разведчика мы уже не застали в живых. Главстаршина Анатолий Баринов и матрос Володя Фатькин пали смертью храпрых. Ранило Колосова и Калаганского.

Потеряв управление боем, артиллеристы метались из блиндажа в плипдаж, из землянки в землянку. Их было много. Несмотря на большие потери, которые нес неприятель, очаги сопротивления возникали го в одном, то в другом месте.

- Захватили вторую пушку! — доложил мне связной Змеева. — А' тейтенант ранен. И Тарашнина ранило в руку. И еще...

- Ну, говори!

- Саша Манин погиб... Комсорг наш...

...Стрельба затихла. К рассвету сопротивление последних очагов ныло подавлено. Первая батарея на вершине скалы была в наших руках.

Но мы знали, что тяжелые испытания еще впереди.

С противоположного берега по мысу ударили пушки и минометы. Открыла огонь дальнобойная артиллерия с Лиинхамари. Мы лежали, прижавшись к земле, а над нами, в туче снежной пыли, носились осколки камней и снарядов.

Я приказал вытащить замки из пушек и отползти к ближайшему хребту, откуда можно контролировать разгромленную батарею.

Когда артобстрел прекратился и над высокой скалой мыса Крестового осела пыль, мы увидели плес Девкиной заводи.

В залив, огибая мыс, зашли два вражеских катера и три шлюпки.

- Вот для кого они артподготовку вели! - сказал мне Гузненков. - Сейчас будут высаживать десант.

— Этого следовало ожидать. Десант против десанта! — обратился я к разведчикам. Такого боя у нас еще не было.

— Жмутся к берегу... Эх, жаль, из автоматов их не достанешь.

Разбив отряд на несколько штурмовых групп, я приказал командирам:

- Атаковать десант! Не дать егерям высадиться, не дать им зацепиться за берег!

4

Первый вражеский десант не знал, какими силами мы располагаем. Один катер уже успел высадить два отделения солдат, но, атакованный нами, тут же отошел. Гугуев, Агафонов и Пшеничных, находившиеся в засаде, начисто истребили высадившихся гитлеровцев.

Тогда противник изменил тактику. Его десантные суда шли теперь по заливу широким фронтом, вынуждая нас растягивать оборону и создавать большое количество мелких штурмовых групп.

Сражение разгоралось на протяжении трех — четырех километров. Успех боя зависел от инициативы и самостоятельных действий отдельных групп. Ими командовали смелые и опытные командиры — Никандров, Бабиков, Агафонов. Раненые Змеев и Тарашнин не покинули строй. На наиболее опасных направлениях бывали Змеев, Гузненков или я.

Вторая попытка егерей высадить десант также окончилась для них безрезультатно.

Тогда они применили хитрый маневр и обманули нас.

Из порта Лиинхамари вышел еще один десант и взял курс в глубь ми и на, удаляясь от мыса. Кто-то из молодых разведчиков крикнул:

- Эй, вояки, отдают концы! Кишка тонка, чтобы десант против мссапта!

- Не радуйся...

Мичман Никандров, глядя на уходящие катера, озабоченно качал юнопой, потом подошел ко мне и сказал:

- Я так думаю, товарищ лейтенант, что немцы будут высаживаться нал мне. Обогнут сопку и по той же скале попытаются забраться на мыс.

- То есть пройдут по нашему маршруту? — спросил Гузненков. — >io возможно...

Мнения разделились:

- Духу не хватит!

- Как сказать? На то они и горные егеря, чтоб по скалам лазить.

- Пусть попробуют...

Прошло не более получаса, как наблюдавший за морем Бабиков положил, что в залив входят еще два катера. Новый десант круто повернул к берегу, нам навстречу.

Что замышляет противник? Неужели это только демонстрация высадки, отвлекающая нас от основного удара? Я приказал Бабикову организовать оборону на склоне сопки, примыкающей к воде, и на всякий случай оставил около себя в резерве двадцать разведчиков.

Гузненков ушел со взводом Бабикова. Я сел писать радиограмму.

Отряд нуждался в боезапасах и продуктах. Штаб обещал сбросить нам с самолетов патроны и харчи, а в случае нужды — оказать огневую поддержку с воздуха. События складывались так, что нам может скоро понадобиться такая поддержка.

Только передал я радиограмму Кажаеву, как увидел бегущего матроса Мальцева, часового, охранявшего раненых, которые лежали в камнях, недалеко от обрыва скалы. Мальцев был ранен в шею. Совершенно обессиленный, он упал у моих ног и прохрипел:

- Там... лезут... немцы!..

- Где?!

Мальцев показал в сторону скалы.

- Вернуть группу Бабикова?

— Поздно! За мной!

Мы бежали мимо раненых, которые уже догадывались, какая опасность им утрожает. Мы спешили к тем камням, в которых маскировались минувшей ночью и откуда уже постреливали егеря, оседлавшие высоту. Полусогнувшись, прячась за камни, потом ползком сближались с егерями, не видя друг друга, пока в тесном лабиринте камней и валунов не столкнулись лицом к лицу.

Вспыхнул и разгорелся необычный, редкий по своей напряженности и внезапности бой. Воинственные крики и отчаянные предсмертные вопли, треск автоматных очередей и лязг стволов. Меж камней мелькают фигуры разведчиков и егерей. Удары прикладом и короткие взмахи кинжалов. Это была та смертельная схватка, когда в ход идет и кулак, и холодное оружие, и подвернувшийся под руку булыжник. Бешеные рывки и обхваты, удары ногой в живот и подножки...

Считанные метры отделяли егерей от обрыва крутой скалы, на которую они забрались. Мы знали: на эту же скалу шаг за шагом, ступенька за ступенькой, поднимаются другие егеря. Те, кто наверху, ждали помощи. Отступать им некуда, и они дрались с неистовой яростью людей, у которых один только шанс — удержаться в камнях на краю обрыва.

Но с еще большим ожесточением пробивались мы к обрыву. Позади нас — раненые товарищи. Еще дальше - группа Бабикова ведет бой на побережье. Все погибнут, вся операция сорвется, если не сбросим в пропасть первую группу егерей, взобравшихся на скалу.

Быстрее других расчищал себе дорогу Андрей Пшеничных. Худой, жилистый, сильный и верткий, он прыгал, падал, исчезал и тут же появлялся в другом месте. Я увидел Андрея совсем близко, притаившимся за большим камнем. По другую сторону камня два егеря ожидали его появления. Короткий выпад вперед, затем обманное движение, и вот уже свалился один егерь, сшибленный ударом приклада. Но, падая, он подсек Андрея, и тот растянулся на скользком камне. К нему тотчас же устремился другой егерь. Я вскинул автомат, но дал очередь вверх, увидев позади егеря Тарашнина и Гугуева. Тарашнин правой, здоровой, рукой размахивал автоматом. Навстречу им полетели гранаты. Тарашнин и Гугуев залегли.

- Держись, Андрей! - крикнул я, бросаясь на помощь к Пшеничных.

Два штыка преградили мне путь. Нырком шарахнулся в сторону, и один штык, скользнув по голове, сорвал шлем.

Андрей, берегись! Эх!..

Рослый егерь уже занес винтовку над распластанным на земле разведчиком. Я не видел, как Андрей птицей мотнулся в сторону, но успышал лязг приклада о камень. Винтовка вывалилась из рук егеря, п он нагнулся, чтобы поднять ее. В это мгновенье я прыгнул через камень и ударом приклада автомата оглушил егеря.

- Эй, сзади! - крикнул Пшеничных.

Я обернулся и дал очередь из автомата. Преследовавший меня егерь не успел выстрелить.

- Как там ребята? — спросил, вставая, Андрей и только теперь неспокойно оглянулся по сторонам.

Мы вырвались далеко вперед.

- Я тут! Тут я! — кричал пробивающийся к нам маленький Павел Барышев.

Его не видно за большими камнями. Потом подбежали Тарашнин п 1угуев, показался Никандров со своей группой.

Мы теснили врагов. Когда позади них уже чернел обрыв скалы, они бросились в последнюю контратаку. Мы ее дружно отбили. Еще один решительный бросок вперед — и уцелевшие егеря с отчаянными воплями скатились вниз.

Все восхищаются Андреем Пшеничных и поздравляют его. Андрея сравнивают с лучшим мастером рукопашного боя Семеном Агафоновым, который находится сейчас в группе Бабикова. А герой боя, когда ему уже ничто не угрожает, мелко дрожит, смотрит на меня испугаиными глазами и виновато улыбается:

- Как это я споткнулся? Ух, подлые! Смерть смотрела мне в глаза, да командир спас. Честное слово, братки!..

- Ладно, Пшеничных, успокойтесь! Дрались вы замечательно. А поскользнуться тут недолго.

5

Мы приводим себя в порядок. Наши потери — четверо легко- и двое тяжелораненых. Оставляем охранение у обрыва скалы и спешим к Гузненкову и Бабикову. Но еще по дороге к ним мы слышим нарастающую стрельбу справа и слева от сопки, которую обороняют наши разведчики.

Пока мы вели бой у обрыва скалы, егеря успели высадить еще два небольших десанта близ сопки и потеснили группу Бабикова. Они и нас вынудили залечь, а потом — откатиться назад.

Снова позади нас раненые, а еще дальше... Если враг удержит берег и подбросит подкрепление, то нас ожидает участь тех, кого мы недавно сбросили в пропасть...

Плотным огнем прижимаем к земле высадившийся десант и одновременно ведем обстрел катера, приближающегося к берегу. Но в залив входят еще несколько шлюпок.

Положение обостряется.

Я с тревогой думаю о боезапасах — их осталось не много. В пылу боя я забыл о радиограмме. О ней напомнил гул появившихся над мысом краснозвездных штурмовиков.

— К нам! — закричал Гугуев и замахал здоровой рукой. — Выручайте, летчики-молодчики!

Три «ила» сделали первый заход и стали пикировать на катер и шлюпки, которые теперь быстро уходили с залива. Летчики по радио запросили ориентиры. Мы обозначили ракетами наше местоположение, потом нацелили самолеты на позиции врага. Нам сбросили на парашютах патроны и продукты. Пока не прилетело другое звено штурмовиков, первые три самолета кружили над мысом, непрерывно поливая огнем егерей, и не давали им возможности подняться для атаки.

Летчики помогли нам продержаться до темноты.

Ночью враг подбросил подкрепление. Мы отбили несколько атак и все же вынуждены были отойти на другую сопку, которую занимали морские пехотинцы из отряда Барченко. Сам Барченко с передовой группой проник через побережье ко второй батарее и сковал ее действия. Мы поддерживали с этой группой связь.

— Товарищ лейтенант, уходят! — услышал я голос взбирающегося на сопку связного Каштанова. — Немцы по берегу таскают какой-то груз к причалу.

Я повел отряд к морю. Мы догнали отступавших егерей и с ходу обрушились на колонну, которая шла вдоль берега и была уже близко от причала. Колонна рассыпалась, оставив на берегу ящики с грузом. Егеря тут же контратаковали нас. Опять разгорелись короткие, яростные схватки. С причала на помощь разгромленной колонне бе-

жали новые группы егерей. Отстреливаясь, мы начали отход на свою сопку. А егеря все прибывали. Теперь они упорно лезли вверх, несмотря на потери, и, видимо, решили покончить с нашим десантом.

Я крикнул, что было сил:

— Скоро придет помощь! Держаться!

— Держаться! Держаться! Держаться! - гремело по гребню сопки.

И в это время в Лиинхамари и на высотах противоположного берега залива вспыхнули прожекторы. Мы увидели егерей совсем близко от себя, и в ход пошли последние гранаты. Освещенные своими прожекторами, враги откатились. А лучи прожекторов, выхватывая из I см ноты зубцы скал и гребни гор, устремились к заливу и - никогда не забыть мне этой минуты! — светлой лентой легли на плес, по которому оыстро шли маленькие корабли.

Это были наши десантные катера. Один, другой, третий...

Они шли маневрируя и стреляли из пушек и пулеметов по правому берегу Девкиной заводи.

Вот они уже приближаются к мысу Крестовому. Мыс безмолвствует! Бьют орудия из Лиинхамари, бьют наугад. Идет дуэль между пушками с правого берега залива и пушками катеров. Мыс Крестовый молчит!.. Замки от орудий первой батареи в наших руках, а орудийные расчеты второй батареи отбиваются сейчас от наседающих на них пехотинцев из отрядов капитана Барченко.

— Ура! - Это поднялся во весь рост Гузненков, приветствуя заходящие в залив катера.

— У-рра-а! — прокатилось по гребню сопки.

И, уже не ожидая команды, разведчики ринулись в бой. Даже раненые, которые могли двигаться и стрелять, присоединились к нам.

Морально надломленные, объятые паническим страхом егеря прогнули и, не выдержав нашего натиска, побежали к морю. Но бежать далеко некуда. К утру бой шел уже на узкой полоске побережья. Сопротивлялись только самые отчаянные гитлеровцы из гарнизона Крестового. Они не сдавались в плен, даже израсходовав все патроны.

Семен Агафонов вел бой с двумя гитлеровцами. Сразив одного, ('емен загонял в воду другого и кричал:

— Да сдавайся же ты, сукин сын! Убью ведь! Хенде хох! Ну?..

Гитлеровец выпустил из рук винтовку, поднял левую руку, присел, а правой схватил булыжник, замахнулся и упал, сраженный короткой очередью автомата.

Агафонов подошел к берегу залива, присел на корточки и ополоснул руки.

— Ну вот! Кажется, все...

Гузненков со своей группой уже находился на первой батарее. Разведчики вставили замки в орудия, зарядили пушки и дали залп по порту Лиинхамари. Наводчики мы были неважные, но снарядов много, и нам удалось наконец зажечь какой-то бензобак у причала и деревянный склад.

Пылают пожары в Лиинхамари, на подступах к которому уже находится высаженная с катеров морская пехота. Идет бой на восточном берегу залива, откуда начали обход порта. Только на мысе Крестовом тихо. Вторая батарея капитулировала, и пленных собирают в одно место. Семьдесят уцелевших и бросивших оружие егерей сидят, охраняемые одним легко раненным разведчиком.

Вскоре к Крестовому подошел торпедный катер Шабалина.

— Вот мы и встретились, - спокойно сказал мне Александр Осипович, и только блеск в глазах выдавал его радость. — Спасибо, братки! Я прижимался к левому берегу, надеялся на вас. Ох, если бы пушки с Крестового заговорили! Кормили бы мы сейчас рыбку... Однако вспоминать теперь некогда.

Шабалин передал мне приказ генерал-майора Дубовцева: идти на помощь морской пехоте, штурмующей Лиинхамари.

В Лиинхамари уже находился адмирал Головко. По его приказу мы выделили патрули для наблюдения за порядком, посты для охраны наиболее важных объектов. Я попросил у адмирала разрешения вернуться на Крестовый для похорон погибших разведчиков.

— Отряд дрался геройски! - сказал адмирал. — Всех до единого представьте к награде. Не скупитесь! А вас мы представляем к званию Героя...

— Благодарю, товарищ адмирал! Только... как же Агафонов и Пшеничных? Они первыми прорвались к батарее и захватили ее. А как потом дрались! Все разведчики отряда считают их героями.

- Ну, если все, - адмирал чуть улыбнулся, - тогда ошибки не бу-||(ч'. Пишите реляции.

Вернулся я на Крестовый уже к концу дня и рассказал о беседе с адмиралом. Оказалось, что адмирал уже встречался с ранеными разведчиками, расспрашивал их о боях на Крестовом.

- После разговора с адмиралом, — сказал мне Гузненков, — Колоти и Калаганский до того осмелели, что сразу попросили у командующего поощрения.

Я насторожился. Это не похоже на молодых, очень скромных разведчиков, раненных в последней схватке. Гузненков меня ve покоил:

- Мы, говорят они командующему, ранены легко. А потому прикажите, товарищ адмирал, не отправлять нас в далекий тыл. В базе, у моря, рядом с отрядом, мы быстро поправимся. И адмирал обещал за них похлопотать.

6

Нас ждали новые боевые задания.

Здесь, на Крестовом, осталось только сделать два дела: эвакуировать пленных, которые уже похоронили всех убитых егерей - их оказалось свыше ста человек, — и похоронить своих товарищей.

Гузненков ведет меня в долину, где построены все разведчики, чтобы отдать последнюю дань товарищам, павшим в бою на мысе Крестовом. Вот они, друзья наши, лежат в один ряд у большой свежевыкопанной могилы. Мертвые лица обращены на северо-запад, где высится угрюмая скала Крестового.

Первым лежал богатырь отряда Иван Лысенко. Русый чуб выбился из-под шлема, большие руки скрещены на широкой груди. Много свинца, должно быть, приняла эта грудь, пока перестало биться неукротимое и живучее матросское сердце. Сурово сомкнут рот... А ведь ждал Лысенко того близкого часа, когда сможет с чистой совестью попросить у меня и Гузненкова рекомендацию в партию. Не дождался... Но погиб как коммунист! Иван Лысенко заслужил это звание, как заслужил и самой высокой награды Родины. Когда под огнем врага он взвалил на себя крестовину проволочного

загражденияя, то знал, на какой смертельный риск идет, чтобы спасти много других жизней.

Рядом с Лысенко лежал ветеран отряда, наш «старейшина» - главстаршина Анатолий Баринов. В базе жена и двое детей Баринова ждут возвращения мужа и отца. Маленький сынишка Баринова, тоже Толя, часто приходил к нам в гости. Разведчики называли его сынком отряда... Пшеничных говорил Баринову: «С нами, Анатолий, ничего худого не случится, потому что дома ждут нас семьи». И вот Андрей Пшеничных стоит в строю и, не отрывая взгляда, смотрит на Анатолия Баринова. Худое, рябоватое лицо Андрея потемнело и будто сведено судорогой. Глаза красные, воспаленные и, кажется, появись в этих глазах слеза, она закипела бы и испарилась... Я теперь понимаю, откуда у Андрея Пшеничных взялась неистовая ярость в рукопашных схватках с егерями...

Как погибли вместе, так и лежат рядком доктор отряда лейтенант медицинской службы Алексей Ильич Луппов и старший матрос Павел Смирнов. А за ними Владимир Фатькин... Эх, Володя, до чего ты и мертвый красив! В твоем матросском рундучке хранится последнее материнское письмо, которое прочел ты нам на собрании. Легче принять еще один тяжелый бой, чем ответить матери Володи Фатькина...

А последним в ряду лежит комсорг отряда старшина второй статьи Манин. Перед рейдом на Крестовый Манину вручили орден за первый поход к Варангер-фьорду. «Манину Александру Васильевичу» было напечатано в указе о награждении. Мичман Никандров беззлобно подтрунивал над Маниным: «Ну какой ты Александр Васильевич? Ты - Сашка! Сашка Манин, наш комсорг! А в газете, должно быть, опечатка». — «Со мною, мичман, опечатки в жизни не бывает, — степенно возразил Манин. — Когда Сашка, а когда и Александр Васильевич!»

...Проходят пять, десять минут, а мы все стоим над свежевыкопанной могилой. Нет силы отдать приказ на погребение. Но гул далекого боя зовет вперед. Если бы мертвые могли заговорить, они бы сейчас нас поторопили.

Мы обмениваемся взглядами с Иваном Ивановичем. Гузненков понимает мое состояние и сам произносит короткую речь.

Чмрижай!

Подпиты вверх стволы автоматов и винтовок, они нацелены на вершину мыса Крестового, где, уткнувшись вниз стволами своих пу-**1игк,** поит разгромленная батарея.

Мимо идут пленные егеря. Враги видят десять убитых советских |щ ІВІ'/І'ІІІКОВ, и они помнят, сколько похоронили своих.

Гсери срывают с голов картузы, прижимают руки к бедрам и строевым шагом проходят мимо могилы.

Огонь!

І ремит салют.

11<ч>о озаряется вспышками ракет, и мерцающий их свет последним раз ложится на лица погибших.

Живые берут в горячие ладони горсти холодной, влажной земли.

Паша! - слышу я сдавленный голос Ивана Гузненкова. - Рус-І ми, печеигская земля...

7

Удар следовал за ударом. С суши, с моря и с воздуха.

Рушилась вся оборона неприятеля в Заполярье.

<)владен Печенгой, советские войска устремились к норвежскому nopiv Киркенес. Уже форсирована последняя водная преграда к Кирмчн'гу Бьек-фьорд. Отовсюду поступают донесения о бесчинствах ипперовцсв в Северной Норвегии. Озлобленные бессилием остановии. наступление советских войск, гитлеровцы взрывают мосты, жгут мштлпшме пункты, угоняют на запад мирное население и увозят в ||'рмапию награбленное добро.

Командующий приказал нашему отряду высадиться на побережье Миршн ер-фьорда, выйти на основную коммуникацию противника и принять все меры для спасения имущества норвежцев.

И ног мы снова на полуострове Варангер, в знакомых местах, куда циннии осенью прошлого года и где знают о «сурте дьяволе».

Мы спешим к порту - базе неприятеля. В попутных селениях нор-И(<*ш.| радушно встречают и провожают нас. Впереди — пятьдесят кило-М► І рои но горной дороге. Мы идем форсированным маршем, но быстрее мш мсчтея по всему побережью Варангер-фьорда радостная молва:

- Русерне ком хит! (Русские пришли!)

У доброй молвы быстрые крылья. И вот уже навстречу и следом за нами с гор спускаются скрывавшиеся от гитлеровцев норвежцы. С котомками и связками домашнего скарба идут они к своим очагам. По дороге движется несметная толпа людей, и в Киберге, к которому мы сейчас приближаемся, уже носятся слухи о многотысячной колонне советских войск. У страха глаза велики, и егеря поспешно ретировались из Киберга.

- Русерне ком хит! - кричат мальчишки, бегущие нам навстречу с окраин Киберга.

- Русерне ком хит! - приветствуют нас рыбаки, снимая свои широкополые шляпы.

- Русерне! - удивленно и радостно улыбаются нам женщины, зовут в дом, чтобы угостить тем немногим, что еще имеется в их разоренных жилищах.

Население Киберга, небольшого рыбацкого поселка, живет впроголодь. На складах, полчаса назад охранявшихся гитлеровцами, имеется мука и мясо, крупы и рыбные консервы, но норвежцы не решаются подойти к складам. Оккупанты могли их заминировать или отравить продукты. Кроме того, это воинские склады, а значит - трофеи победителей.

- Русские сами решат, как поступить с этими складами, - так сказал жителям Киберга самый старый и самый уважаемый среди них рыбак.

Мы открыли склады. Врачи, наш и норвежский, убедились в полной пригодности продуктов. Павел Сутягин — он был с нами в этом походе — предложил жителям Киберга взять все, в чем они нуждаются. Когда он сказал об этом старому рыбаку, тот, робея и смущаясь, повторил предложение Сутягина, чтобы убедиться - так ли это? Правильно ли он понял русского офицера? Нет, он не ослышался. Русские только просят, чтобы все было в порядке и по справедливости.

И тогда старик обратился к собравшимся кибержцам:

- Смотрите и слушайте! Гитлеровцы нас грабили. Русские возвращают нам наше добро. Они только просят, чтобы все было по справедливости. Чтобы каждая семья получила положенную ей долю.

Жители ответили ему гулом одобрения и криками приветствий. V миг и Киберге небольшой привал. Норвежцы обращаются к нам с одMIill it той же фразой:

Ни онскер ельпе дем.

Что это значит? — спрашиваем мы Сутягина.

Они говорят: мы желаем вам помочь. Молодые спрашивают: н и і . і ли нам проводники в горах? Они знают здесь каждую тропинк v Рыбаки предлагают боты, если пойдем морем. Где эти боты? Рыба¥ it vi пали их от гитлеровцев по заливчикам, попрятали в камнях. Но I **11** in г только нам пожелать... Нет, Виктор, хороший здесь народ! Они п'нч п. любят свой поселок. Знаешь, как они его называют? Маленькой Мпгкиой - Лилле Москва...

Мы решаем оставить в Киберге для охраны нашего тыла ni'tiojii.iiiyio группу разведчиков во главе с Макаром Бабиковым, и штильным на ботах норвежцев двигаться дальше, к нашему конечному пункту. Рыбаки отправляются готовить суда к выходу в море. IUIII.ко старый рыбак остался с нами и что-то таинственное шепчет < v гиги ну. Павел Григорьевич согласно кивает головой, потом подчинит ко мне и передает «секрет» старика:

Он говорит, что их лоцманы знают минные поля немцев, и со**мг** густ изять их с собой.

Такой совет представляется мне заманчивым, но я жду возвращении разведчиков, которых выслал вперед. Вскоре они вернулись и соiioi пил и, что противник покидает порт и отступает на запад.

М ы тронулись в путь.

I) новом, уже большом населенном пункте мы помогли норвежцам создать добровольную дружину для наведения порядка на пристани и причалах, для охраны имущества жителей, ушедших в горы. На (исдующий день в город вернулись почти все бежавшие от гитлеровцев *птсли. Нас благодарили, рассказывали о пережитом, расспрашивали о Москве, Советском Союзе.

11рибыла с Киберга группа Макара Бабикова.

Имеете с норвежцами праздновали мы двадцать седьмую годовщину Великой Октябрьской социалистической революции. В канун при |дпика получили по радио известие о присвоении мне, Семену Лшфоиову и Андрею Пшеничных звания Героя Советского Союза.

Все разведчики, участвовавшие в боях на Крестовом, были награждены орденами.

...Прошел месяц, самый памятный месяц нашего пребывания на севере. Мы начали его с ожесточенных схваток лицом к лицу с ненавистными врагами. Мы заканчивали его в дружеских встречах и беседах лицом к лицу с нашими норвежскими друзьями-рыбаками, портовыми рабочими и их семьями.

На проводы отряда собралось к причалу все население поселка и базы. Стихийно возник митинг. Мы снова услышали песню патриотов Норвегии, бойцов Сопротивления, которая первый раз прозвучала год назад в горах Босс-фьорда:

Свободные мысли
Не выследит Квислинг...

Нас горячо поздравляли с победой в Заполярье и желали счастливого возвращения на Родину.

- Передайте благодарность вашему правительству, вашему командованию, всем доблестным советским воинам.

- Желаем вам скорой и окончательной победы над врагом!

Павел Григорьевич едва успевал передавать норвежцам наши пожелания:

- Живите счастливо, как положено жить норвежцу на своей родной земле. Не забывайте черных дней оккупации. Помните о нашей встрече. Боритесь за мир и счастье во всем мире.

- Мы вас не забудем! - кричат норвежцы, выучившие наизусть эти четыре русских слова.

- Не за-бу-дем! - скандируют парни и девушки.

Над причалом взвивается государственный флаг Норвегии.

Люди машут нам руками, шляпами, долго-долго стоят на берегу, пока не исчезают в морском тумане.

Наш катер, набирая скорость, взял курс к родным берегам.

8

Утихли бои на севере.

Мы испытываем странное, непривычное для нас чувство. Война еще не закончилась, а противника перед нами нет.

Ьольшие сражения развертываются в Восточной Пруссии. Фронт приближается к Будапешту и Берлину, потом к Вене и Пра- I г 1'идио принесло весть о встрече наших и союзных войск на Эль- ос чпачит, и там больше нет фронта...

Л мы псе еще находимся в базе, где почти четыре года назад за- I ниш мае война.

По-разному складывались судьбы фронтовиков, и в разных к|ш»1х-странах встречали они майский день Великой Победы.

Кикой-нибудь сибиряк, который неделю поездом добирался до iiiiiu-ll сражения, вспоминал, вероятно, в этот день тяжелую фронтону»» дорогу от Москвы до Сталинграда и от Сталинграда до Берлина. Л сколько коренных жителей Севера, ставших солдатами, побывали ш последний год войны в теплых краях на Балканах? Позади них in Iплпсь пройденная с боями Украина и Молдавия, Румыния и Бол- Kipini, города и села Югославии... Только мы, североморцы, ни разу не сменили свою базу - ту, что лежала на пути врага к Мурманску.

Наступил май 1945 года, а над нами то же небо, в котором мы мерный раз увидели вражеские самолеты, не зная, что в их люках смертоносный груз. Мы собрались в День Победы на митинг, любу- нгl. ясным майским небом. И то же море плещется у родных бере- I D H , И земля под нами та же - суровая и прекрасная, холодная и бо- I IIIIDI неисчерпаемой энергией полярная земля. Так и не ступила на нес нога егеря из хваленых дивизий «Эдельвейс». Не осквернили ее • герои» Нарвика и Крита, хотя отсюда до старой границы, где был сосредоточен мощный наступательный кулак двадцатой Лапландской армии Гитлера, - считанные десятки километров. Что ж, этим можно гордиться!

Я горжусь тем, что в годы войны командовал вами, отважные • енероморцы! Самый молодой флот нашей Родины - Северный — с честью и славой выполнил свой долг перед Родиной.

Так говорил на митинге адмирал Головко.

От имени морских разведчиков на митинге выступил Макар ЬиЬиков. Он волновался, когда начал речь. И все мы, вместе с Макпром, переживали волнение, когда он первое свое слово посвятил печной памяти павших в боях, памяти тех, кто отдал свою жизнь за тржсстио нашего великого и правого дела.

...После Праздника Победы миновал месяц.

Некоторые разведчики увольнялись в запас. Трогательно расставались мы со Змеевым, с Тарашниным и другими нашими товарищами. Клялись в дружбе и верности рожденному в боях матросскому братству.

Потом началась полоса мирной учебы. Оставшиеся в строю гадали: что же будет дальше с отрядом? Созданный в первый месяц войны и только для войны, наш отряд, конечно, должен быть расформирован. Между тем, хотя нас осталось мало, командование все еще держит нас в резерве.

Наконец был получен приказ собираться в дальнюю, очень дальнюю дорогу.

На прощание адмирал сказал мне:

— Скоро вас будут называть уже не североморцами, а тихоокеанцами. Вас там встретят как героев. По заслугам встретят! Но где бы вы ни были, дорожите боевой славой североморцев. Так дорожите, чтобы, коль доведется услышать о вас - а я в это верю, - мы с гордостью могли бы сказать: наши орлы! Те, что с Рыбачьего! Герои Пикшуева и Могильного, Крестового и норвежских походов!

— Товарищ адмирал! Разве можем мы?.. — я запнулся от избытка чувств. — Разве такое когда-нибудь...

— Понимаю, Леонов! - тепло улыбнулся адмирал. - Такое не забудется! Воинской славой, добытой дорогой ценой, нельзя не дорожить. Счастливый путь, друзья, и новой вам славы!

...Разведчики знали, куда и зачем они едут. На Тихом океане получим пополнение. Пока нас немного, зато каждый из добровольно согласившихся остаться в отряде испытан, проверен и закален в боях. Едет с нами мичман Александр Никандров, ветеран отряда - он вместе со мной начал службу разведчика летом сорок первого года. Едут Герои Советского Союза Андрей Пшеничных и Семен Агафонов. С нами - старший лейтенант Гузненков (после Крестового ему и мне присвоили звание старшего лейтенанта). Среди добровольцев - Борис Гугуев, Павел Барышев, Макар Ба-

пиков и уже отличившиеся на Крестовом «новички» Павел Колоти, Михаил Калаганский, Виктор Карпов, Сергей Бывалов и иругие разведчики, вернувшиеся в отряд из госпиталей. Это - пист отряда североморцев.

М летний июньский полдень покидаем мы Север.

Поедем через Москву, где погостим несколько дней. В пути in третимся с родными и знакомыми. У всех праздничное настроение. На новеньких кителях и фланелевках ярко поблескивают боеш.и' ордена и медали.

- Прощай, север! - с необычной для него грустью говорит ве-| еш.чак Борис Гугуев, когда мы уже сели в вагон. - Миша! - он кругII повернулся к Калаганскому. - Вытаскивай аккордеон!

Калаганский не спеша кладет на колени аккордеон - наш фофей после боев на Крестовом. То-то сейчас начнется песняппяс! Но Миша Калаганский вдруг опускает голову. Чего он ждет? <» чем думает? Наконец Миша встает и медленно, с аккордеоном и руках, подходит к окну. Протяжно гудит паровоз, и нам кажет-1'и, что этот гудок отозвался для нас прощальным эхом в горах и ни далеких мысах.

Тихо трогается поезд, и мы слышим мотив любимой песни - нишей, североморской, под которую уж никак плясать нельзя. Но шпснка дана, и Борис Гугуев тоже подходит к окну и затягивает і поим тенорком:

Прощайте, скалистые горы,
На подвиг Отчизна зовет...

Мир царит во всех странах Европы, а нас Отчизна зовет на ноиме бои, на новые подвиги.

Песня воскрешает в памяти походы и рейды в далекие тылы приіа. Зримо предстают очертания родных берегов, и клокочущее море, и туманы - все, с чем мы, может быть, навсегда расстаемся.

А волны и стонут, и плачут,
И плещут о борт корабля...
Растаял в далеком тумане Рыбачий,
Родимая наша земля.

ПОСЛЕДНИЕ ПОХОДЫ

1

Быстро пролетели дни нашего пребывания в Москве, и вот мы уже опять в пути: по самой длинной на земном шаре железнодорожной магистрали едем во Владивосток.

Русский остров. Здесь много солнца и зелени. Мы, северяне, так по ним соскучились! И здесь есть сопки, но не голые и каменистые, как в Заполярье, а покрытые густым лесом. Миша Калаганский утверждает, что в этих краях растут гранатовые деревья, китайские камелии, японские магнолии. А в дремучей тайге рыщут тигры и барсы. Калаганскому не верят, хотя он ссылается на такой авторитетный источник, как география.

— Миша, не смеши меня! И не пугай маленьких... Тигры здесь были, но разбежались, узнав, что на Русский остров едет знаменитый разведчик заполярный Мишка Калаганский...

Это говорит Павел Барышев, который рад любому поводу поспорить и побалагурить. На сей раз у него есть основания для спора. В самом деле, при чем тут география, если он, Павел Барышев, уже облазил окрестности и никаких камелий не видел? И с барсами, слава богу, не встречался...

— А вот что здесь, братцы, есть! — Барышев аппетитно щелкает языком и озорно подмигивает нам. — Виноград! Честное слово, дикий виноград! И грецкий орех величиной с добрый кулак. Этого я сам отведал.

— Ой, Пашка, врешь! — недоверчиво качает головой онежский помор Семен Агафонов, который еще ни разу не видел растущий виноград или грецкий орех.

Мы понимаем, что Павел несколько преувеличил размер орехов, но не сомневаемся, что орешник он нашел.

После четырех лет войны на севере нам все здесь в диковинку.

Тихоокеанцы уже знают о боевых делах отряда североморских разведчиков и часто приглашают нас в гости. Почти каждый день поступают заявки на «встречу с героями». Но тут выясняется, что некоторые отважные следопыты и лихие добытчики «языков» чувствуют себя

риокими и беспомощными в роли рассказчиков. Семен Агафонов, например, категорически потребовал, чтобы его освободили от публичных иыступлений.

Пусть Барышев за всех держит речь. Паша это любит и умеет... I hi расскажет!

Но моряки хотят и тебя послушать, — уговаривают Семена.

А что я им, артист какой? Мне легче взять «языка», чем свой ритм зать.

...У нас сейчас два взвода. Первым командует мичман Александр II икаидров, а вторым, где много новичков, - главный старшина Макнр Ьабиков. Семен Агафонов назначен помощником к Бабикову и ревностно занимается с молодыми разведчиками. Агафонов учит их показом. Новичок, которому Герой Советского Союза, сам Семен Агафопон, говорит: «Делай, как я!» — глубоко убежден, что переползать и ни маскироваться надо так, как замкомвзвода. И вообще наши ноипчки стараются во всем походить на бывалых разведчиков.

Взводы тренировались в высадке десанта, когда было получено изиесгие о начале военных действий против японских агрессоров. Мы тотчас же вернулись в базу и прочли принятое по радио заявление нашего министра иностранных дел. Каждому советскому человеку, и особенно мегеранам войны, ясна цель нашего правительства: приблизить наступинеиие мира, освободить народы от дальнейших жертв и страданий.

Когда выступим? Скоро ли наш черед? В отряде царил тот активный боевой дух, который политработники называют наступательным порывом.

Уже сухопутные войска прорвали вражескую оборону и ведут наегуиление в Маньчжурии, ушли в боевые походы многие корабли, и мы нее еще ждем. Нетерпение нарастает. Разведчики ропщут: «Попанем к шапочному разбору». Они уверены, что я и замполит что-то утиинаем. А мы ничего пока не знаем. Гузненков на вопросы разведчиком многозначительно отмалчивается. Беседуя со мной, он сравнивает и гряд со стрелой лука. Чем больше натянут лук, тем сильней и стреми-**1С1**||.пей будет полет стрелы.

Утром 11 августа получили приказ, и отряд, погрузившись на два штатных катера, взял курс к северному побережью Кореи — к порту К >ки в Японском море.

Даль, подернутая утренним туманом, скрывала от нашего взора гористое побережье Северной Кореи. Показался дым. За этим дымом — Юки. Покидая порт, японцы подожгли склады у причалов и жилые дома.

Мы высадились на берег. Улицы Юки пустынны.

- Араса! Араса! - услышали мы вначале приветственные крики и лишь потом увидели корейцев, которые выбегали из своих дворов нам навстречу. Переводчик объяснил нам, что «араса» означает «русский». «Русерне!» - вспомнил я радушные возгласы норвежцев, когда они первый раз увидели нас на своем берегу.

Неприятель так поспешно бежал из города, что в панике забыл эвакуировать из госпиталя своих раненых и больных. Я попросил корейцев ухаживать за ранеными до прихода наших частей. Старый кореец, которому переводчик передал мою просьбу, сказал, чуть склонив голову на грудь:

- Вы зашли в пустой город, потому что японцы угнали население. Пожары — тоже их рук дело. Русский офицер просит, чтобы мы ухаживали за ранеными японскими солдатами - это для нас закон. Но пусть русские знают, что в городе остались переодетые японцы. Под рубахами корейских крестьян они прячут пистолеты и гранаты. Они будут стрелять вам в спину. Вас мало, будьте осторожны.

Вскоре выяснилось, что нас уже много. С гор спускалась колонна советской мотопехоты. Головная машина остановилась около госпиталя, и усатый сержант крикнул морякам:

- Здоровы булы! Это что ж такое получается! Жмем на всю железку, чтобы первыми быть в Юках, а вы уже тут...

- Не горюй, пехота! - ликовал Павел Барышев. - Держись в кильватере за моряками, не пропадешь!

- Молод ты, морячок, меня учить! - обиделся усач-пехотинец. - Я от самого Сталинграда до Берлина, от немецкой Шпреи до Японского моря ни разу с курса не сбился. Даром что без компаса! А ты - кильватер... Скажешь!

- Ну извини, папаша, — стушевался Павел.

По радио получен приказ: отряду следовать в порт Расин. Но и там японцев не оказалось.

- Чудная война! - удивлялся Семен Агафонов, когда мы возвращались на Русский остров. - В двух портах побывали, а японцев в бою

•ик и не видели. С егерями в открытую дрались. А кто такие «сыны **синица»?** Как воюют хваленые самураи? Хотел бы я знать...

- Еще узнаем! - возразил ему Макар Бабиков. — Самураи еще сейм покажут.

А назавтра грянуло одно из наиболее ожесточенных в истории отряда сражений — бой за Сейсин.

2

Сейсин расположен на берегу широкой бухты, с трех сторон окаймленной грядами зеленых сопок. Это крупный город Северной Кореи с населением, превышающим двести тысяч человек.

В планах японских агрессоров Сейсин как военная база и плацдарм для наступления на Советское Приморье занимал особое место. Японцы расширили сейсинские порты — военный и торговый. Через Сейсин шло снабжение Квантунской армии в Маньчжурии. Проходящие через Сейсин железная и автомобильная дороги связывали север Кореи с югом и центром страны.

Военный совет Тихоокеанского флота приказал нашему отряду и роге автоматчиков морской пехоты во главе с офицером Иваном Яроцким разведать бухту, захватить и удержать причалы, по которым через Сейсин отступают части Квантунской армии. Нам выделили десять катеров. Пять катеров возьмут на борты десантников, а пить прикроют высадку. Около двухсот морских разведчиков и пехотинцев совершают первый бросок. За нами последует головной отряд — пулеметная рота и батальон морской пехоты майора Бираболько. Мы должны обеспечить беспрепятственный вход в tiyxry главных сил.

Член Военного совета Тихоокеанского флота предупредил нас, что Сейсинская операция является сложной и ответственной. Защищай свои коммуникации в Сейсине, японцы будут яростно сопротив- **НМТ1.СЯ.** Если нам удастся внезапно захватить плацдарм, японцы припожат все усилия, чтобы его ликвидировать.

- Близ Сейсина квартируются подразделения императорской дииtt ши, — сказал нам командующий, - отборные самураи охраняют порты, мосты, вокзал. Но верим в успех этой операции, знаем — сме-

лости и дерзости, стойкости и мужества советским морякам не занимать. Потому и посылаем вас.

Я, Яроцкий и командиры из дивизиона торпедных катеров - участников первого броска поблагодарили командующего за доверие и разошлись по своим подразделениям.

Был уже поздний час. Разведчики спали, не зная, что задолго до рассвета их поднимут, а утро они уже встретят в горячих схватках уличных боев.

Подъем, короткое партийное собрание, потом такие же короткие собрания взводов перед посадкой на катера — и мы покидаем Русский остров.

Спускаюсь в кубрик головного катера. Разведчики бодрствуют, вполголоса поют свою любимую «североморскую». Слышу басок Агафонова: «Нелегкой походкой матросской идем мы навстречу врагам»... Который уже раз идем? И каков он, наш новый враг?

Я твердо уверен в каждом разведчике-десантнике, даже в новичках, для которых это первый рейд и первый бой. А вот ветеран отряда старший матрос Зубков удивил меня. Зубков попросил не назначать его на должность командира отделения во взвод к Никандрову, ссылаясь на неуживчивый характер мичмана. Для меня это было неожиданностью: Никандров и Зубков на севере ладили. Когда о просьбе Зубкова узнал Никандров, он укоризненно покачал головой, но промолчал. И только от Бабикова я узнал о небольшой перепалке, которая произошла между мичманом и старшим матросом за несколько дней до боевого похода.

Зубков завел как-то разговор о том, что чертовски обидно будет, если убьют или ранят в канун победы.

- В каких только переделках мы не бывали! - сказал он Никандрову и Бабикову. - Помните Пикшуев и Могильный, норвежские походы и Крестовый? Ничего - обошлось! И вдруг, перед самым Праздником Победы, какой-нибудь поганый самурай пырнет тебя штыком или покалечит пулей? А то и убьет...

Мичману такие рассуждения перед боем не понравились.

- Ступай к командиру отряда и скажи ему об этом, — сказал Никандров Зубкову. - Честно признайся, что робеешь. А не можешь, тогда я сам попрошу старшего лейтенанта, чтобы тебя списали на берег.

- Что вы! — испугался Зубков. — Я ведь так только... по-дружески поделился.

Притворившись обиженным, Зубков отошел в сторону.

Случай с Зубковым нас огорчил. И на войне говорят о жизни и смерти. По-человечески понятна мечта молодого бойца: «Эх, как бы пожить бы до свадьбы-женитьбы!» Но если такой боец в ожидании ишгжой победы только и думает о том, как бы уцелеть, — ему нельзя поручить ответственное дело.

Хорошо, что не назначил Зубкова командиром отделения. И в то же время досадно, что так случилось.

3

...Светает медленно. Над тихой гладью моря носятся белогрудые чайки. Они улетели далеко от берегов — значит день обещает быть ясным и море спокойным. Утренняя дымка тумана рассеивается, но впереди, над бухтой, к которой мы приближаемся, еще висит молочная пелена тумана. Пока видны лишь зеленые вершины сопок, но вот обозначился излом вспененного прибоем берега и наконец показались причалы торгового порта.

Трескучая дробь японского пулемета прорезала утреннюю тишину. Комендоры первого катера подавили огневую точку на причале, но с ближней сопки мыса Колокольцева ухнула японская пушка. Раз, другой, третий...

Наши катера на полном ходу ворвались в порт и высадили десант. 11ушки с мыса Колокольцева еще стреляют по уходящим в море катерам, а мы мелкими группами просачиваемся в прибрежные кварталы.

Никто пока не оказывает нам сопротивления.

С небольшого холмика виден Сейсин, изрезанный каналами с двумя магистралями — железнодорожной и автомобильной. Несмотря на ранний час, на улицах Сейсина оживленно. Клубится пар от невидимого за домами паровоза, мчатся по шоссе автомобили. И железнодорожный состав, и автомобили направляются в одну сторону, на юг, туда, где возвышается большая насыпь между мостами через канал. А ia насыпью виднеются корпуса металлургического завода.

- Мосты! - услышал я позади голос Гузненкова.

Да, мосты. Они сейчас станут объектами боя. Насыпь между ними — хороший рубеж для обороны. Договариваюсь с Яроцким, чтобы он прикрывал наш тыл и правый фланг.

- Видите мосты? - я повернулся к Никандрову и Бабикову. - Тебе, мичман, — железнодорожный мост, главстаршине — автомобильный. Если не удастся захватить мост — взорвать полотно и дорогу. Машины и поезд надо остановить!

Взвод Никандрова, смяв охрану моста, вырвался на железнодорожную насыпь. Японские солдаты разбежались по кукурузным посадкам вдоль железной дороги и открыли огонь из винтовок.

Тяжело второму взводу, который пробивается к автомобильной магистрали. Гарнизон Сейсина поднят по тревоге, и разведчики Бабикова ведут необычные для них уличные бои. Японские снайперы стреляют с чердаков, из окон домов. Самураи из отряда смертников, переодетые в гражданское платье (разведчики принимали их за местных жителей и потому не трогали), бьют нам в спину.

Бои, неожиданные и скоротечные, возникают в разных местах. Управлять ими трудно.

Прибежал вестовой Гузненкова (замполит находился по взводе Никандрова) и доложил, что вооруженные японцы проникли в торговый порт. Враг, очевидно, намеревается отрезать нас от берега, и Гузненков послал на очистку причалов группу разведчиков под командованием главстаршины Тяросова. Разведчики с этой задачей справились и сейчас охраняют порт. Там же находятся раненые.

Не успели мы ликвидировать одну опасность, как возникла другая. Со стороны металлургического завода, к шоссе, двигалась большая колонна неприятеля. Автоматчики Яроцкого обстреляли колонну и не дали японцам приблизиться к насыпи. Но автомобильный мост еще не захвачен разведчиками Бабикова - они ведут бой на шоссе и громят автоколонну. А со стороны моста взвод японцев с отчаянной дерзостью контратакует нас, прокладывая себе дорогу гранатами.

Спешу на помощь Бабикову. Он ранен. Осколок гранаты рассек ему бровь. Бабиков подполз ко мне, поднял обмотанную бинтом голову и доложил, что его разведчики залегли у самой насыпи, так как дальше двигаться невозможно. В это время по ту сторону моста перестрелка усилилась. Автоматчики Яроцкого с трудом сдерживали японце», ожидая, пока мы захватим мост.

- Главстаршина Бабиков, вам ясна задача?

По моему тону главстаршина понял, что я недоволен действиями его взвода.

- Может, в обход насыпи? - нерешительно спросил он, думая только о помощи автоматчикам Яроцкого и забыв про мост.

Это меня разозлило:

- Я не считаю вас раненым. Выполняйте приказ!

Макар побледнел, чуть слышно сказал «Есть», отстегнул противотанковую гранату и побежал в сторону насыпи.

Зарываясь в песок, Бабиков и еще два моряка подползли к мосту, метнули противотанковые гранаты. Мы ринулись вперед, почти в упор расстреливая охранявших мост японцев. Часть разведчиков осталась у моста, чтобы встретить новую автоколонну японцев, остальных я послал на выручку автоматчиков Яроцкого.

Мы соединились с Яроцким, захватили всю насыпь между двумя мостами, и только теперь я увидел, как поредел второй взвод.

Японцы отступили к металлургическому заводу.

Коммуникации в Сейсине перерезаны. Сейчас можно заняться разведкой центральных кварталов города.

Основные силы неприятеля находятся в военном порту, но следует ожидать атак с тыла, со стороны металлургического завода. Сейчас полдень, а передовой отряд - пулеметная рота и батальон морских пехотинцев - будет высаживаться только ночью. У нас много раненых и ограниченный запас боеприпасов. Посоветовавшись с Яроцким, решаю продолжать разведку, избегая больших боев.

Чем ближе к центру, тем улицы шире, и наконец мы вышли на площадь. У здания театра толпился народ. Группа юношей побежала мам навстречу. Смуглый коренастый кореец держал развернутое красное знамя. Молодые корейцы спрашивали нас, можно ли им водрузить 'то знамя над зданием театра? Мы, конечно, разрешили, и через несколько минут коренастый кореец со знаменем уже взбирался по лесенке к самому шпилю купола театра.

- Мун! - кричали ему снизу. - Скорей, Мун, пока японец не стреляет!

Где-то поблизости началась перестрелка. Несколько пуль прошили купол театра. А Мун забирался все выше, пока не достиг цели.

Наши патрули завязали бой с приближающимися к площади японцами. Корейцы разбежались. Только Мун остался с нами. С гордо поднятой головой смотрел он на знамя, потом подбежал к переводчику отряда и о чем-то горячо заговорил.

- Чего он хочет? - спросил я переводчика.

- Мун хочет быть моим помощником, - сказал переводчик. - Мун знает город и разговаривает по-японски. Не мешало бы иметь его рядом как проводника.

- Под вашу ответственность! — согласился я.

Красный флаг над зданием театра привел японцев в ярость. С мыса Колокольцева начался артиллерийский налет по центру города. Когда он прекратился, самураи пошли в наступление. Снова разгорелись уличные бои.

Группа разведчиков из взвода Никандрова контратаковала японцев. Сразив часового у ворот дома, мичман Никандров и старший матрос Оляшев забежали во двор и столкнулись с двумя японскими офицерами. «Руки вверх!» — скомандовал им мичман. Японский офицер побагровел, выхватил саблю и кинулся на Никандрова. Несдобровать бы мичману, но удар сабли пришелся по стволу русского автомата. Владимир Оляшев выручил мичмана, ударом приклада сбив с ног японца. Другой офицер тут же поднял руки.

От японцев, атаковавших нас со стороны военного порта, мы были защищены обводным каналом — он проходил по центру города. Насыпь позади нас обороняли автоматчики. Но с рассветом неожиданно вспыхнул бой у побережья бухты. Я послал туда в разведку несколько моряков во главе с Агафоновым. Через час Семен вернулся, и мы узнали, что наступающий день сулит нам новые, еще более серьезные испытания.

Гарнизон Сейсина получил подкрепление. Японцы прочно удерживали почти все побережье бухты, военный порт и металлургический завод. Агафонов видел два вражеских катера и несколько шлюпок - они пересекли залив, направляясь к торговому порту, где находилась небольшая группа главстаршины Тяросова и раненые. Дорога к торговому порту уже была перерезана.

Положение осложнялось тем, что нашей пулеметной роте так и не удалось выполнить свою задачу. Японцы обнаружили десант и не дали пулеметчикам высадиться на берег Бой японцев с десантниками мы и слышали на рассвете. Но еще до этого, в полночь, пехотинцы майора Бараболько высадились недалеко от военного порта и заняли оборону на одной из сопок. Радиограмма Бараболько нас иодООдрила.

И такой обстановке пассивность, медлительность, выжидание могли принести к гибели людей и к срыву всей операции. Если враг численно iMiriino превосходит нас, то тем важнее не упускать инициативу боя. Мы прорвались к сопке, занятой морскими пехотинцами, и я попрогии Бараболько усилить наш отряд ротой автоматчиков. Получив ее, я попел десантников на очищение прибрежных кварталов. Дошлидо нации и уже вместе с автоматчиками Яроцкого стремительно контратамшили неприятеля и захватили металлургический завод. Неприятель с Пнижних сопок подбросил свежие силы и окружил завод. Теперь сопка v поемного порта, на которой обороняются две роты Бараболько, и меипмургический завод окружены японцами. О группе Тяросова в торюном порту мы ничего не знаем.

Получена радиограмма адмирала Юмашева: пробиваться в военный порт, близ которого пехотинцы Бараболько, приняв на себя I шитый удар, отбиваются от наседающих на них со всех сторон нионцев. С группой Тяросова по-прежнему нет связи. Кратчайший путь к поенному порту лежит через прибрежные кварталы. Впереди уличные бои, и меня опять беспокоит ограниченный запас нитронов. Но приказ есть приказ, и я дал команду подготовиться к прорыву.

Ранило Яроцкого. Японская пуля угодила в гранату, которой он тмнхнулся. Макар Бабиков после полученного ранения заметно обессилел. Но Яроцкий и Бабиков продолжают командовать своими поири^делениями. Тяжело ранило старшего матроса Максимова, и Владимир Оляшев от рубежа к рубежу таскает его на спине. У радиостанпни остался один Кажаев - Миша Калаганский взялся за автомат и пошел в цепь.

('олнце в зените, изнуряющая жара томит моряков, а напряжение Пои не спадает. Спасибо Муну - он позаботился о еде и воде. Рискуя

жизнью, сейсинцы и их проводник Мун доставляют нам в ведрах воду, в котелках — рисовую кашу и даже фрукты. Кореянки заботливо перевязывают раненых товарищей.

Контратака не облегчила наше положение. Японцев много, их сопротивление усилилось, и нам даже не удалось приблизиться к торговому порту. Ведем бой, тяжелый и неравный, еще не зная, что оставленный на башне металлургического завода Семен Агафонов уже приметил в море два наших корабля.

В Сейсинскую бухту вошли фрегат и тральщик.

В руках у Агафонова были два лоскутка красной материи, и он просемафорил кораблям:

«Окружены японцами. Будем пробиваться к военному порту вдоль берега. Поддержите нас огнем».

Первые разрывы снарядов, выпущенных нашими кораблями, определили рубеж, к которому мы устремились в атаку. Мы шли следом за огневым валом. Комендоры с фрегата и тральщика славно потрудились, прокладывая нам путь. Корабли поочередно разворачивались то одним, то другим бортом и непрерывно стреляли. Стволы орудий, как нам потом рассказывали комендоры, накалились до того, что их поливали водой из пожарных шлангов.

Самураев, засевших в подвалах прибрежных домов, приходится выкуривать гранатами и безостановочно двигаться за огневым валом фрегата и тральщика. Когда причалы торгового порта остались позади, Гузненков и Агафонов побежали разыскивать группу Тяросова. Они знали дом, в подвале которого находились разведчики Тяросова и раненые.

В подвале никого не оказалось. К дверям была приколота бумажка: «Передать в политуправление Тихоокеанского флота».

Гузненков прочел написанное на другой стороне листа:

«Дорогие товарищи! Мы, моряки из отряда Леонова, шесть здоровых и восемнадцать раненых, уходим в бой с приближающимся к Торговому порту японским десантом. Мы их не пустим на берег. Пока живы, ни один самурай не ступит ногой на причал. Клянемся в этом!

По поручению всех защитников торгового причала — главстаршина Тяросов, матросы Ермаков, Кальченко, Кедяров, Баев, Грищенко».

Гузненков и Агафонов кинулись к причалам, но никого там не застали. По обрывкам бинтов да по кучкам стреляных гильз можно бы-

НІ > **011** ределить, что здесь происходило. И в прибрежном квартале не бы- III никаких следов пребывания группы Тяросова.

I у шенков и Агафонов тревожно переглянулись, не зная, что предпринят!, дальше. В это время они увидели бегущего к ним Тяросова.

Что случилось? Где народ? — спросил Гузненков Тяросова.

Все в порядке. Соединились с отрядом, и командир послал меня НІ нами. Товарищ старший лейтенант, а вы в подвал не заходили?

Заходил. И письмо ваше читал. Вот оно...

Видите, как получилось? - Тяросов смутился. — Мы решили причал не покидать. Смертным боем дрались и отогнали японцев. А индн услышали позади бой, ушли вас искать и про письмо забыли.

Я этот документ сохраню! — Гузненков спрятал письмо защитнпкои торгового порта.

Уже к концу дня мы ворвались в военный порт, захватили причалы и прибрежные ярусы. Когда стемнело, Гузненков с двумя моряками пропрннии. к сопке, где десантники Бараболько все еще вели ожесточенный по|I. I >араболько решил с сопки не уходить. Он по-прежнему сковывал осноипие силы неприятеля и помогал нам обороняться в военном порту.

11еред рассветом японцы с необычайной яростью атаковали нас и шхнатили верхний ярус. С криками «банзай» они шли вперед, намерение і. сбросить нас в море. По цепи разведчиков пронесся тот же клич, ч ю десять месяцев назад на мысе Крестовом:

Держаться! Держаться!

И мы держались до тех пор, пока не услышали залпы орудий вошедших в Сейсинский порт кораблей. А вскоре началась высадка бри- **ШД1.1** морской пехоты генерал-майора Трушина.

Исход Сейсинской операции был предрешен.

...Никто из нас, конечно, не думал, что двухдневными боями в < г Пси не завершилась летопись отряда морских разведчиков во второй мировой войне. Я присел на ящик у стенки причала, чтобы закурить, и IVI же задремал. Сквозь сон слышал, как кто-то рядом спорит, и, открыв глаза, увидел командира фрегата Михайлина.

И встал, протер глаза, расчесал пальцами взлохмаченные волосы и **і мпнл:**

Не узнаете, капитан-лейтенант? Мы тут немножко, правда, закоптились... Давайте пакет.

Пока я читал приказ о возвращении в базу, Михайлин все время смотрел на меня так, будто сомневался, передал ли он пакет по назначению.

— Что вы, капитан?

— Да нет, ничего! Теперь-то я вас узнал. Мы вас на фрегате помоем, накормим, спать уложим. А на Русском острове уже знают о ваших славных делах.

Через час мы покидали Сейсин.

Вместе с Гузненковым я обошел кубрики, в которых разведчики спали мертвецким сном, потом вышел на палубу.

— Видишь? — Гузненков показал на Сейсин.

С палубы фрегата хорошо был виден город, над которым возвышался купол театра.

На шпиле купола трепетал красный флаг, поднятый корейцем Муном.

***

Япония безоговорочно капитулировала.

Эта весть застала нас в порту Гензан, где мы взяли в плен большое количество японских солдат и офицеров.

Возвращаясь на Русский остров, мы получили приветственную телеграмму командования Тихоокеанского флота. Все разведчики отряда награждены орденами за Сейсинскую операцию. Мичману Александру Никандрову и главстаршине Макару Бабикову присвоено звание Героя Советского Союза. Правительство удостоило меня этого звания дважды.

***

Вот уже позади остались берега Кореи, которую называют Страной утренней свежести, Страной утреннего спокойствия.

Сейчас утро. Свежо, тихо и спокойно. Солнце поднялось над морским горизонтом. Отсюда оно будет совершать свой обычный путь, пока не скроется за другим океаном. В этот день на всей земле не будет взрывов бомб и снарядов и не слышно будет треска выстрелов.

Мы стояли на палубе и в благоговейном молчании встречали новый день - день торжества победы и мира.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Через девять с половиной лет после окончания второй мировой ш>ll n hi в одном из номеров ленинградской гостиницы «Октябрьская» произошла встреча, которой мне хочется закончить воспоминания **0** морских разведчиках одного отряда.

Номер гостиницы предоставили делегату, приехавшему на совеишиие работников сельского хозяйства северо-западных районов **1** ipiiin**.1.** Этим делегатом был Макар Андреевич Бабиков, Герой Советскою Союза, секретарь обкома комсомола и депутат Верховного Сове-Ⅲ ашономной республики Коми.

Макар позвонил в Морскую академию имени Ворошилова, где я **учимся,** и после коротких взаимных приветствий мы условились о не грече. Хорошо бы, сказал я Макару, повидаться и с другими фронто-шᵸ м и друзьями-ленинградцами: с бывшим комиссаром отряда, ныне кипитипом первого ранга Дубровским, с капитаном второго ранга Су-**мм** иным, со старшим лейтенантом Колосовым...

Пашка Колосов! — услышал я восторженный возглас Макара. — I IniiiKa - старший лейтенант? Как же, Виктор Николаевич, его разыекмть?

- Очень просто! Позвонить в механический институт на вечернее отделение, где Колосов учится. И еще бы позвонить в Кронштадт, где служит мичман Барышев.

- Пашка Барышев! Это будет замечательно! — опять перебил меня Макар.

- А ты знаешь, что в Ленинграде живет Алексей Радышевцев? Он рмоотает в слесарных мастерских, но где точно - не знаю.

- Разыщем Алешу! Через адресный стол! А еще с кем можно негретиться?

Я вспомнил близко и далеко отсюда живущих людей. Полковник и отставке Леонид Васильевич Добротин находится в Москве, там же учится Гузненков. На Севере служат Александр Никандров и Андрей Пшеничных, на Черном море - Николай Аркадьевич Инзарцев, Се-**мем** Агафонов. И совсем далеко, в Хабаровске, — Миша Калаганский... () большом слете фронтовых друзей можно сейчас лишь мечтать. Мы решили собраться пока небольшой компанией.

И вот за круглым столом в номере гостиницы «Октябрьская» сидят Дубровский, Сутягин, Бабиков, Барышев, Радышевцев, Колосов и я. И нет конца вопросам-расспросам, радостным восклицаниям.

Время наложило свой отпечаток на облик каждого из нас. Бывший комиссар отряда, старший политрук был, помнится, белокурым, а теперь перед нами сидит заметно пополневший, с посеребренной головой капитан первого ранга Василий Михайлович Дубровский. Все так же подвижен и горяч Сутягин — это его молодит. Колосов держится степенно, старается выглядеть старше своих лет. А ведь это тот самый сероглазый юнец Паша Колосов, которого я опасался брать в разведку... Радышевцев и Барышев верны себе. Первый говорит мало, с расстановкой, сдерживая обуревающие его чувства, и не сводит глаз с бывшего писаря: Радышевцев радуется успехам Макара Бабикова, который после войны окончил высшую партийную школу и занимает ответственный пост. Мичман Барышев сыплет скороговоркой — он все такой же шутник.

Вспомнить друзьям есть что! И доброй памяти погибших, и живых... Кто-то занялся перечислением профессий бывших разведчиков. Есть, оказывается, среди нас офицеры и партийные работники, учителя и инженеры, кандидаты технических наук и слесари. Есть мастера спорта и даже чемпион страны по лыжам. Это — из тех, о ком мы знаем. Со многими порвана связь. Как хотелось бы, чтобы они откликнулись и дали о себе знать!

Я~рассказал друзьям, что Военное издательство планирует выпуск такой книги, и попросил всех поделиться своими воспоминаниями с автором литературной записи. Пользуюсь случаем, чтобы выразить им, а также Л.В.Добротину и И.И.Гузненкову свою благодарность, Многие разведчики - бывшие мои командиры, равные по званию, и подчиненные — помогали нам писать эту книгу.

Это тоже было проявлением фронтовой дружбы, той дружбы, которая сопутствовала нам в ожесточенных схватках лицом к лицу с врагом, той дружбы, которая нужна в бою и в мирном труде.

Мы распрощались до новых встреч.

Мы пожелали друг другу здоровья и во всех наших делах, как водится у моряков, попутного ветра!

Уроки мужества вт Виктора ЛЕПИВва

«...Советские воины совершали дерзкие налеты в тыл, ходили в глубокую разведку, проводили местные операции по улучшению линии фронта...

Гитлеровцы продолжали подбрасывать на Север подкрепления и по суше, и по воздуху, и морем. На полуострове Варангер в горах обосновалась в тылу противника разведгруппа отряда особого назначения Северного флота. Три смельчака во главе с В.Лянде регулярно сообщали своему командованию о движении вражеских транспортов по Варангер-фьорду. Из сообщений пересылаемых и нам, явствовало, что район между Петсамо и Киркенессом быстро наполняется войсками...

Обширные безжизненные пространства, покрытые дикими скалами, девственными лесами и топкими болотами. Через эти «ничейные» земли разведывательные подразделения проникали в тыл, нападали на вражеские коммуникации, штабы и узлы связи, взрывали склады и собирали информацию...»

К.А.Мерецков. На службе народу. Страницы воспоминаний. — М.: Воениздат, 1969.

ВСТУПЛЕНИЕ*

Леонид Леонов писал: «Подвиг, как и талант, сокращает путь к цели». С этим нельзя не согласиться. Героический поступок, деятельность одного или нескольких людей являются действенным примером и для остальных членов общества в борьбе за определенную цель.

И, как в каждой борьбе, здесь были жертвы, но, даже умирая, человек знал, что он умирает за светлое будущее грядущих поколений. Это подвиг! Значит, справедливо изречение, что человек рожден для подвига. Вот почему не случайно так много мечтают о подвигах молодые люди.

Великий русский писатель-сатирик М.Салтыков-Щедрин говорил: «Одно остается небезрассудным и неизменным — это жажда познания. В этой жажде трепещет живое человеческое сердце, скрывается пытливый и никогда не успокаивающийся человеческий разум».

Жажда подвига! Это хорошо или плохо? Безусловно, хорошо, если эта жажда питается желанием принести пользу Родине, обществу и исходит из реальной оценки своих возможностей. И очень плохо, если эта жажда подвига вызвана только эгоистическим желанием отличиться.

В борьбе за героя нашего времени важное место принадлежит ветеранам войны и труда. Встречаясь с молодежью, они рассказывают юношам и девушкам о поведении человека в сложных ситуациях боя или труда, о психологии подвига, о том, что высший подвиг — это образцовое выполнение своего воинского или трудового долга, это повседневное, беззаветное служение Родине.

Горячая жажда смелых дел и поступков всегда была присуща нашей молодежи. Но одного желания следовать примеру героев недостаточно для того, чтобы в минуту суровых испытаний действительно оказаться достойным их преемником. Это понимают молодые ребята, поэтому они ищут встреч с ветеранами, вникают в сущность их рассказов, ждут откровенных разговоров.

Для нас, фронтовиков-ветеранов, война не стала историей. Мы помним все: и огонь отгремевших битв, и сожженные города и села, и павших на полях сражений друзей, и титанический труд работников тыла, и радость добытых побед... Мы не только помним, но и хотим, чтобы и молодое поколение поняло, во имя чего и как боролись их от-

* *Отрывки* из книг В.Н.Леонова «Уроки мужества», «Готовься к подвигу сегодня», «Готовься к подвигу».

цы и деды. И мы с большой радостью встречаемся с молодежью. Каждая встреча с молодыми — это как бы свидание с опаленной огнем собственной юностью, которая делает нас моложе, бодрее, активнее. Это своеобразные уроки мужества. Мы знаем, как тяжело бывает порой идти тропою подвига, знаем, что в смертельных схватках с врагом погибает прежде всего тот, кто не сумел воспитать в себе мужество. И поэтому мы хотим, чтобы молодые люди преодолевали все трудности, побеждали и жили светлой, радостной жизнью.

Подвиг — это не удел избранных, это обязанность каждого человека. Но если мы согласимся с тем, что каждый обязан совершить подвиг, то, вероятно, необходимо правильно понимать его суть.

ЧТО ТАКОЕ ПОДВИГ?

Подвиг! Многие, очень многие люди видят в нем смысл своей жизни. Думаю, не ошибусь, сказав, что почти каждый честный молодой человек мечтает о подвиге. Пусть не всегда он думает о каком-то особом смелом поступке, самой судьбой предугаданном для него, но, по крайней мере, страстно мечтает стать известным Родине, народу в труде, искусстве, спорте и особенно в ратных делах. Известным тем, что своим трудом оставил людям память о себе.

Когда слышу фразу: «Вот это настоящий мужчина», - я вспоминаю своих сверстников, двадцати—тридцатилетних парней. Все это люди ну абсолютно ничем не выдающиеся, удивительно простые, доступные, невозмутимые, темпераментные в живом и непосредственном восприятии жизни. Но ничего в них не было и нет такого особенного, не учтенного, что ли... Все это люди родные, близкие тебе, быть может, и незнакомые, с которыми судьба свела впервые. Но это — настоящие мужчины. Потому что они видят, понимают смысл жизни и подчиняют себя ему всецело, потому что они упрямо подставляют грудь встречному ветру и идут себе, идут, как бы ни было им трудно, к великой жизненной цели, не разменяваясь по мелочам, не поддаваясь сомнительным соблазнам, затуманивающим великую перспективу службы людям, службы Родине.

Именно с такими я шел в суровый бой. И никогда не ошибался в них. Там, где на человека можно положиться, где он не подведет, даже (тли придется поступиться своим благополучием, а то и самой жизнью по имя Родины, во имя высоких целей, - там и начинается мужчина.

Мужчина и подвиг - понятия, на мой взгляд, неразделимые. ioji.ko настоящий мужчина, сильный и мужественный, крепкий духом и телом, вооруженный знаниями и мастерством, вдохновленный любовью к Родине, к людям, способен на подвиг.

Тропа подвига, еще раз подчеркну, крута, извилиста, трудна и камениста. Она требует не только знаний и физических сил, она требует, чтобы человек был психологически настроен на победоносную борьбу е любыми трудностями и опасностями. И нашу молодежь привлекает **11** а тропа! Она рвется на нее, жаждет испытать себя на прочность.

В годы Великой Отечественной войны я служил в разведывательном отряде Северного флота. Был рядовым разведчиком, старшиной группы, пнем возглавил отряд. В нашу задачу входило ведение разведки в тылу противника в интересах флота и фронта, с которым он взаимодействовал. (крытно высаживаясь на побережье, занятом врагом, с кораблей, чаще всего торпедных катеров и морских охотников, мы пробирались к нужному объекту и дерзко нападали на врага, застигая его врасплох. Добыв «языка», то есть пленного, и ценные штабные документы, отряд по всем правилам ведения разведки отходил на свои корабли. Пленные и документы использовались штабами фронта и флота для планирования операций.

Каждый такой поход был трудным и опасным. Чтобы выполнить поставленную задачу, разведчику требовались высокие морально-боевые качества, незаурядное боевое мастерство, воля, выдержка, дисциплина, умение повиноваться, высокое чувство ответственности за порученное дело, дружбы, товарищества, взаимопомощи. Воинское мастерство, отвага и бесстрашие в сочетании с любовью к Родине делали разведчика неуловимым для врага.

Нередко наш отряд шел в огонь первым, чтобы обеспечить высадку на сушу крупных сил морской пехоты. Мы внезапно нападали на штабы, батареи, важные тыловые объекты врага и уничтожали их в дерзкой схватке.

Конечно, на примерах из времен минувшей войны можно ярче показать психологию человека в очень сложной и опасной ситуации.

Однако иногда это приводит к неправильному пониманию сути подвига, и молодые люди начинают думать, что для подвига обязательно нужна схватка на поле брани, где герой, презирая смерть, смело бросается вперед на врага.

Я убежден, что любой подвиг, даже подвиг мирных дней, обязательно связан со смелостью, с мужеством, отвагой. Но можно ли считать каждый смелый поступок подвигом, если он совершен даже в бою?

Однажды группа разведчиков оказалась в очень тяжелом положении. Мы выполнили боевую задачу в тылу врага, но были отрезаны от материка на мысе Могильном значительными силами противника. Против горстки разведчиков враг бросил и пехоту, и артиллерию, и минометы. Вся эта мощь была нацелена на маленький клочок земли, который мы занимали. Нам пришлось вести многочасовой оборонительный бой, и если нам удалось тогда продержаться, то только благодаря мужеству и боевой спайке разведчиков.

В самом начале боя опасность с оконечности мыса нам не грозила. Я оставил там разведчика Зиновия Рыжечкина с задачей наблюдать за морем и в случае появления наших кораблей наладить с ними связь и просить о помощи.

Но в разгар боя к мысу подошли не наши корабли, а немецкие, и высадившийся десант пытался атаковать нас со стороны моря.

На перешейке шел бой. Разведчики отбивали одну за другой атаки егерей и оказать помощь Зиновию не могли. С автоматом, трофейной винтовкой и большим запасом гранат Рыжечкин мужественно отражал все попытки врага нанести нам удар в спину. Он продержался около часа. Несумев сломить сопротивление одного человека, враги открыли минометный огонь, выпустив более 50 мин. Разведчик был весь изранен, однако продолжал сражаться.

Мужественный воин держался до тех пор, пока его не сменил другой разведчик — Михаил Курносенко. Лишь тогда, истекая кровью, он стал отползать в укрытие. Страшно было смотреть на раны товарища. Превозмогая боль, он сказал нам:

- Здорово, гады, отделали меня, ну да и я в долгу не остался: побил их порядком, так что и умереть не страшно.

Зиновий Рыжечкин умер у нас на руках.

Отважный разведчик сдержал клятву, данную Родине.

К исходу дня наше положение стало очень тяжелым. Боезапас подходил к концу. Фашисты, понимая, что ночью мы попытаемся вырваться из окружения, предприняли еще одну яростную атаку. Про- I и I) наших позиций они установили два пулемета и стали поливать настильным огнем маленькую площадку, которую мы занимали, лишая возможности поднять голову.

Наступил критический момент боя. И тут один из разведчиков, Николай Жданов, не выдержал и взорвал себя гранатой. Это были уже признаки паники.

Значит, нужно было немедленно действовать, чтобы вселить в остальных надежду в возможность вырваться.

Словом, нужна была контратака. Но как поднять людей в штыки, когда почти нет боезапаса, а пулеметы врага поливают беспрерывным огнем? Мы нашли единственно верное решение. Пока один пулеметчик бил, а другой заряжал новую ленту, я подозвал к себе разведчика ('смена Агафонова и сказал:

— Оба пулемета надо захватить. Не уничтожить, а захватить! Понял?

— Есть, захватить! — как-то торжественно выпалил Агафонов, пытаясь тут же рвануться на фашистов.

Но я остановил его.

— Подождите. Я постараюсь заставить их замолчать хотя бы на несколько секунд, вот тогда и не зевайте!

В моем автомате осталось примерно полдиска патронов, и, выждав, когда вражеская очередь, пройдя над нами, чуть отклонилась в сторону, я вскочил и выпустил все пули по пулеметчикам. Семен ринулся вперед, я, хромая на раненую ногу, едва поспевал за ним. Когда Агафонов был уже у камня, один пулеметчик полоснул по нему, Агафонов взревел и прыгнул на камень, а потом свалился на пулеметчиков... «Погиб Семен», - с горечью подумал я, но, когда подбежал к камню с пулеметами, увидел, что мой друг катается по земле в объятиях трех здоровенных фашистов, четвертый был убит. Вдвоем мы быстренько «успокоили» их и захватили пулеметы. Используя их как таран, стали пробиваться через перешеек.

За нами потянулись и остальные разведчики.

Но почти одновременно с началом наших действий два разведчика, Шерстобитов и Кардэ, вдруг неожиданно для всех открыли огонь по группе врагов, которая особой опасности для нас не представляла, а израсходовав остатки своего боезапаса, поднялись и с пением: «Врагу не сдается наш гордый «Варяг», — пошли в атаку. В неравной схватке они погибли, а мы пробились.

Стемнело, и мы считали себя уже в безопасности, как в небольшой долине, которую еще предстояло преодолеть, гитлеровцы вновь окружили нас. Освещая местность ракетами, они открыли прицельный пулеметный огонь с высот, окружавших долину. И мы вновь были прижаты к земле.

И тогда разведчик Юрий Михеев попросил приготовить ему связку гранат — необходимо было уничтожить блиндаж, расположенный на склоне высоты. Мы отдали товарищу всю «карманную артиллерию» - последние три гранаты, связали их, и он пополз к блиндажу. Враги заметили разведчика и сосредоточили на нем сильный пулеметный огонь. Юрий был ранен, но продолжал ползти. До блиндажа оставалось не больше 20 метров, когда он уже не мог двигаться вперед. Тогда, собрав последние силы, Юрий поднялся под пулеметным огнем и бросил связку гранат. Блиндаж был взорван. Когда мы подбежали туда, отважный разведчик лежал, сраженный пулеметной очередью, которая настигла его в момент броска.

Так, благодаря его героическому поступку, остальные сумели вырваться из окружения и скрыться в скалах, а через сутки были сняты с побережья катером-охотником, которым командовал Борис Лях, впоследствии Герой Советского Союза.

Как видите, много смелых поступков в одном бою, но не все их можно признать подвигами. Поступки Михеева и Рыжечкина все разведчики признали как настоящие боевые подвиги, их образы потом всегда являлись для нас примером мужества и отваги, а вот по-своему смелый поступок Шерстобитова и Кардэ никто подвигом не назвал, потому что их действия не способствовали решению основной задачи. Если бы ценой своей жизни они решили исход боя в нашу пользу, пожалуй, к их смелости можно было отнестись по-иному. Но у нас стояла вполне определенная задача — любой ценой доставить в свой штаб захваченные у противника документы, чтобы потом наше командование сумело использовать их в дальнейших боевых операциях.

Вот ради этой задачи и шел неравный бой группы разведчиков на мысе Могильном в течение всего дня, а Шерстобитов и Кардэ не только не способствовали решению главной задачи, но два здоровых, не раненных человека, попусту отдав свои жизни, усложнили нам задачу прорыва из окружения.

Этот пример наглядно показывает подлинную суть подвига, но все это происходило в жестокой схватке с врагами, где было и самопожертвование.

Но обязательна ли для подвига кровопролитная схватка с врагом?

В начале 1944 года в Северную Норвегию были заброшены три разведчика нашего отряда - Владимир Лянде, Анатолий Игнатов и Михаил Костин. Погода была ветреная, и приземлились они не совсем удачно. Командир группы Лянде сильно повредил ногу, идти сразу не смог. Пока ему оказывали первую помощь, появился вражеский самолет и сбросил осветительную бомбу. Место выброски разведчиков было обнаружено. Вскоре разведчики заметили, что на сопках стали появляться группы лыжников — район выброски окружали. Уйти в другой район, где побольше скал с трещинами и расселинами, где как-то можно было укрыться, разведчики не успели. Тогда они приняли очень рискованное, но, пожалуй, единственно правильное решение. Они нашли в этой холмистой местности совершенно ровную площадку и закопались там в снегу. За остаток ночи следы замело, а с рассветом разведчики увидели, что егеря ведут в этом районе тщательный поиск, осматривая каждый камень, каждый кустик, но на ровной площадке искать никто не догадался. Однако днем погода улучшилась, снег перестал идти, следы уже не заметало, и разведчикам пришлось лежать в своем убежище еще трое суток. Лишь когда вновь задула пурга, повалил снег, им удалось выбраться из укрытия и перебраться в другой район. В их задачу входило наблюдать за действиями противника и особенно за переходами кораблей. Тем не менее положение разведчиков было очень тяжелым. Они ис сумели вовремя подобрать грузовые парашюты, и все снаряжение утащило ветром в скалы. Но разведчик, прыгая с парашютом в тыл врага, берет с собой все необходимое на первый случай: обязательно оружие с минимальным количеством боезапаса, рацию с комплектом питания, снегоступы и продовольствие. Однако парашюты, которыми мы пользовались в годы войны, были рассчитаны на груз только в 80 кило-

граммов, поэтому приходилось экономить, особенно на продовольствии. Мы брали лишь по пять плиток шоколада, по пачке печенья и по банке сгущенного молока. Вот с таким мизерным запасом и действовали эти разведчики длительное время. Потом у них кончилось продовольствие, но после нескольких дней голода им повезло, когда на двадцатые сутки одному из разведчиков удалось убить лису. Они долго питались мороженым мясом, делая из него строганину. Продолжая работать, они были все время в движении. Против них враги использовали поисковые группы с собаками, аэросани и самолеты, специальные службы пеленговали работу рации, и, как только разведчики отправляли радиограмму, тот район немедленно окружали, и разведчикам приходилось снова уходить за десятки километров. Положение было очень тяжелое, но героям удалось продержаться на полуострове Варангер целых девять месяцев! Девять месяцев — и никто ни разу не заходил в населенный пункт, никто ни разу не выпил хотя бы глоток горячей воды, но рация их работала постоянно, наводя наши ударные силы на объекты врага. Только по их наведению было потоплено в море больше пятидесяти транспортов и боевых кораблей, сбито в воздухе и уничтожено на аэродромах десятки самолетов, разгромлено на дорогах и на базах много живой силы и техники врага. Лишь когда отпала необходимость пребывания этой группы в данном районе, по решению Военного совета Северного флота разведчики были сняты с побережья Северной Норвегии торпедными катерами и благополучно доставлены на свою базу, совершив настоящий боевой подвиг. И совершен он без единого выстрела!

Это не просто удача. Это тщательно подготовленная дерзкая и умная вылазка. Конечно, и в разведке иногда приходится вопреки желанию вступать в бой, как правило, с превосходящими силами противника, и тогда нужна особая четкость в действиях каждого разведчика. Но самой трудной задачей является захват «языка» тихо, бесшумно, не привлекая к себе внимания врага. Можно долго находиться в его тылу, маскируясь под противника или на местности. Это легче. Можно уничтожить важный объект, предварительно убрав охрану. Все-таки проще. Но взять человека живым, когда он имеет оружие и сам стремится уничтожить тебя, а ты обязан щадить его, чтобы это был «язык», а не труп, — куда труднее и опаснее. Но такие задачи были, как правило, делом обычным. Хотя и завершались каждая по-своему.

(>/111ижды разведчикам из морской пехоты было приказано добыть •тыки*. Они удачно проникли в тыл врага и даже вскоре нашли **11111.ГК** г ()днако потребовалось предварительно убрать охрану объекта. ho командир поручил небольшой группе. Все шло нормально. Охрану сними, верно, не совсем аккуратно, только противник почему-то ||нчин v пока не поднимал. По строгим законам разведки те, кто убиртч часовых, пропускают вперед группу захвата, а сами ее прикрываНII (>дпако эгоистичное желание отличиться, прославиться толкнуло **1** имопадсинмых людей на грубейшее нарушение. Та же самая группа решительно порвалась в землянку, пытаясь самостоятельно захватить ичеииых. Разумеется, встретила сопротивление. В ход пошли гранаты. I In ооъекте началась тревога. Пришлось спешно отходить, главная занii'iii взять «языка» — осталась невыполненной и уже не могла быть ныноанепа: кто-то из врагов с перепугу запрячется так, что его не найиеип,, и кто-то будет оказывать сопротивление — живым такого не (пишешь. Л сопротивление станет нарастать, как снежная лавина.

Ill к из-за безрассудства отдельных «смельчаков» длительно готоинишиИсм поиск сорвался. Хуже того, разведчиков окружили, и комнндир был вынужден вызвать огонь своей артиллерии на себя. Чудом • писана, лишь несколько человек...

Нот нам и смелость! Как тут не вспомнить суворовские слова о **Iим,** что истинно храбр не тот, кто по произволу своему лезет в огонь, н шг, кто повинуется.

БЕРЕТ ЛИ СМЕЛОСТЬ ГОРОДА?

11одпиг и смелость неразделимы. Но как понимать смелость? Быиг г тик. Идет по улице молодой здоровый парень, грудь вперед, и все I HI **ю11дис1.** перед ним, он никого и ничего не боится, и находятся лю-**IUI,** которые думают: «Вот это орел, ничего не боится, такому в руки оружие, и он обязательно станет героем». А рядом ходит скромный, за(чепчипый паренек, и о нем никто не скажет, что он смелый.

('мслых людей, которые не боятся ничего на свете, нет и быть не мо*ег 11ичсго не бояться может только человек ненормальный, до созна-

ния которого не доходит, какой опасности он подвергается, а нормальный человек всегда будет бояться, и прежде всего бояться своей гибели. Другое дело, как он будет вести себя в критический момент. Страх (читай: инстинкт самосохранения) - это не порок, а защитная реакция организма на грозящую опасностью ситуацию, поэтому человек, лишенный чувства страха, может погибнуть в самой элементарной обстановке.

Мне много раз приходилось ходить в тыл врага. И каждый раз, когда я пересекал линию фронта или на катере подходил к вражескому берегу, чувство страха сжимало сердце, но я его побеждал.

Когда мы говорим о смелости человека и оцениваем ее с учетом его боевых успехов, я всегда вспоминаю один случай из жизни нашего отряда. Во время войны к нам на Северный флот приехала делегация из Новосибирска. Шефы побывали в разных частях, вручили морякам подарки. Появились они и в нашем отряде. Руководитель делегации, немного смущаясь, сказал:

- Вам, как наиболее смелым людям на флоте, мы и подарки подобрали соответственно...

Я перебил его:

- Если так, то вы ошиблись адресом. Вам бы к летчикам - там орлы! А у нас особо смелых нет, так, трудяги фронтовые, как все...

- Не скромничайте, ребята у вас не робкого десятка, - не сдавался руководитель шефов. - Вон сколько орденов у каждого!

- Что есть, то есть... Просто хорошо выполняем задачи — вот и награды.

Тут одна молоденькая девушка разочарованно протянула:

- А нам сказали, что здесь самые смелые ребята, которым сам черт не сват — только взглянуть на них, и то во сне приснятся.

Я засмеялся и ответил шутливо:

- Это точно, приснятся. Красавцы на подбор. Но все-таки и им порой страшно. Это когда они не могут устрашить врага. Правда, такое редко случается.

У меня были все основания сделать такое заключение. Когда Агафонов вступил в единоборство с двумя вражескими пулеметами и одолел их, его спрашивали недоуменно: как он решился броситься на кинжальный огонь в упор. Наверное, разумнее было бы присесть у камня, а потом бросить в пулеметчиков гранату. Агафонов отвечал так:

А я все рассчитал наперед. Как только поднялся этот фриц, ви- • V. руки у него дрожат. Ну, думаю, шалишь, такими руками в меня не iмiшичiп.! Вот и прыгнул.

11о самым близким друзьям признавался:

Когда старшина сказал, что пулеметы нужно взять, у меня все I «кносi> внутри, как будто кто-то мохнатой лапой схватил за сердце и ниши Мысль мелькнула: на этом, Семен, твоя боевая карьера кончишт, Я понял самое главное - другого выхода нет, значит, так нужно. tiniMiiT, надежда только на меня. Вот тут и похолодело на душе: вдруг но/пк'ду... Как тогда на меня, мертвого, смотреть будут? И вдруг вижу, руки у фрица дрожат... Вот я и не упустил свой шанс.

1ерой Советского Союза старшина второй статьи Семен Агафонов интересный человек. О нем рассказывали легенды, считали, пожанyll, самым смелым человеком на флоте. Он и не опровергал этого. Но омппжды Семен обиделся на меня - это когда я рассказал шефам о его несIOI.Iкповенной храбрости. Оказывается, что страх в бою переживал и он, ('смен Агафонов, человек, способный, кажется, на все, на любой мер 1 к п и поступок в бою с врагами.

Чиал я и другого храбреца. До войны, служа на Северном флоте, мы встретились с Андреем Жирновым. Связывал нас спорт, особенно пыжи. Жирнов бегал на них лучше и всегда опекал меня. Он умел как им - то особым чутьем определять изменения погоды в течение дня и, I ответственно, точно подбирать смазку. Рецептами своими делился in мной, и я был ему благодарен за это.

(' началом войны был создан наш разведывательно-диверсионный HI рид. Формировали его в основном из спортсменов флота. Добровольно пришел в отряд и Жирнов. До войны на флоте он считался отчаянно смелым. Сильный, ловкий, всегда подтянутый, даже картинный, он чип ил по городу с явной уверенностью в своем физическом превосход- с|не над товарищами, и многие его откровенно побаивались. Если он повалился где-то и ему мешали там показать свою удаль, он обычно кричал: «А ну, разойдись, салажня, Жирнов идет!». Разумеется, ему все ус I упали. Служил он уже по пятому году. Сила, ловкость всегда впечатннюг, находились моряки, которые стремились подражать Жирнову.

И отряде он сразу выделился лихой удалью и бесстрашием. Первый ионод в тыл врага был вроде тренировочного - разведчикам нужно бы-

ло получше понять, что же это такое - поход в тыл. Учились мы скрытному передвижению, маскировке, связи между группами и другим приемам действий в настоящей боевой обстановке. С гитлеровцами отряд не встретился, однако разведчики подобрали некоторое количество трофейного оружия. Жирнов, как наиболее сильный и выносливый из товарищей, навешал на себя три автомата, винтовку, с полдюжины гранат и был страшно доволен тем, что и здесь он обошел товарищей.

Через несколько дней в тыл ушла группа в составе двадцати разведчиков под командованием старшего лейтенанта Лебедева уже с боевым заданием: разгромить опорный пункт врага вблизи линии фронта и, удерживая его, оттянуть на себя часть сил противника. Для меня это был первый поход, и я, естественно, старался быть рядом с Жирновым, присматривался к нему, учился.

Командир группы решил атаковать врага с трех направлений. Получилось так, что мы с Жирновым оказались в разных группах. Увидел я его бегущим с сопки. Он кричал нам охрипшим голосом, что все кончено и нужно поскорее отходить. Когда же мы разобрались, то оказалось, что далеко не все кончено. Задачу мы выполнили и отошли, хотя и с потерями, организованно. Тогда я не обратил внимания на убогий вид Жирнова - было не до него. Но перед следующим походом он вдруг заявил, что упал и сломал ключицу...

Предстоит новый поход - объявляется приступ аппендицита. И так повелось: мы уходим в тыл врага, а Жирнов остается на базе. Наконец командир отряда, несмотря на освобождение врачей, приказал ему собираться и идти в поход. И вот тут мы увидели, что Жирнов самый настоящий трус. Еще пули свистят высоко над головой, а он уже ползает в грязи - ищет, куда бы запрятать свою голову. И ни уговоры товарищей, ни приказания командира не могли заставить его подняться, тем более принять участие в бою. Жирнов был отдан под суд за трусость. Так закончилась боевая карьера «самого смелого» матроса Северного флота.

Здесь же, в бригаде подводных лодок, уже отслужив свой срок службы, работал слесарем-паропроводчиком в матросской столовой другой Андрей - Андрей Пшеничных. Работа у него была тяжелая, семья большая, зарплата маленькая, и ходил он всегда засаленный, замызганный, о нем никто не мог подумать, что он способен на какие-либо подвиги. Но было у Пшеничных одно хорошее качество - доброта. К нему в ма-

\ ичнкую нсегда заходили спортсмены бригады лодок то лыжи просмо-
iiitii., то крепление отремонтировать, и Андрей не только разрешал шин. книц ься инструментом, но и сам всегда готов был оказать помощь. IIt'piiHino, это и явилось основной причиной зачисления его в наш от-|шн 1огда отряд процентов на сорок состоял из подводников и коман-Ш тип им флагманский физрук бригады лодок Николай Инзарцев.

II отряде очень скоро убедились, что Андрей Пшеничных страшно Пник'н прыгать с парашютом. Однажды на своем аэродроме во время цн'пнронок Андрей не мог прыгнуть, летчик уговорил его выбраться к I киоипы на крыло и убеждал, что страх пройдет, а когда Андрей дей-I I имюлыю вылез из кабины и взглянул вниз, то с перепугу просто за-Ш и in л и попытался вновь забраться в кабину, но летчик заложил такой pi'iKitli вираж, что Пшеничных не удержался и полетел вниз. Когда Андрей приземлился и ему для закрепления «успеха» приказали повто-ри п. прыжок, он категорически отказался, заявив:

Лучше отдайте меня под суд за трусость, но прыгать больше не tWnv, у меня голова кружится от одного вида самолета.

11о поскольку Андрей действовал в походах сносно, его оставили и ифнде.

11римерно через год нужно было забросить десять разведчиков в Семерную Норвегию. Я стал отбирать людей — тогда я был уже командиром * приди. Неожиданно ко мне в кабинет зашел Андрей и стал требовать, ч lofti.i я включил его в эту группу. Я, помня его тренировочный прыжок, П1К1ГШЛ. Но он сутки не давал мне покоя, просил, умолял, доказывал... и и согласился. Я записал Андрея запасным, на всякий случай. Он прыгнул, но, прыгая, нарушил порядок прыжков. Как запасной, Андрей должен Пыл прыгать последним, а он, как только прозвучала команда «приготони п.ся» и открылась бортовая дверь, первым оторвался от самолета.

Когда на земле мы встретились с Андреем и я стал ругать его за это пнрушсние, он ответил:

Я боялся, потому и нарушил порядок.

То, что ты дрожал, это ясно, — ответил я, — но это не дает тебе прими нарушать дисциплину.

Да нет, - возразил Андрей, - я боялся не прыжка, а того, что записной: пустят десять человек и скажут — довольно, ну а если уж прыг-H V H , то не поймаешь.

Тогда я не поверил его словам. Если он боялся прыгать днем на ровное аэродромное поле, то прыгать ночью, когда ничего не видно, на территорию оккупированной врагом Северной Норвегии, где сплошные скалы, камни, озера, где кругом рыщут егеря, - это куда страшнее. Однако он прыгнул. Значит, истинная смелость заключается в том, чтобы найти в себе силу преодолеть чувство страха и заставить себя делать то, что необходимо сделать для решения поставленной задачи. Такая сила была у Андрея Пшеничных, поэтому он и прыгнул, поэтому ему за неоднократные походы в тыл врага и отличные боевые действия в 1944 году было присвоено звание Героя Советского Союза, кроме того, он награжден двумя орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны и другими наградами. А у Жирнова такой силы не было, и его боевая карьера закончилась очень печально... И конечно, не врожденная смелость дает возможность человеку совершать подвиги, а воля, умение управлять собой, своими действиями.

Фронтовой корреспондент газеты «Правда» Герой Советского Союза С.Борзенко рассказывал, что во время Керченско-Феодосийской операции одному подразделению моряков была поставлена задача высадиться с первым броском десанта и разгромить батарею врага. Подразделение высадилось и начало решительно действовать. Враг растерялся. Моряки добрались до батареи. Но впереди были минное поле и проволочное заграждение, прорвать которое они сразу не смогли. Понимая, что каждая минута промедления уменьшает шансы на успех операции, командир встал во весь рост, поднимая людей в атаку. И тут же погиб. Был сражен пулей и парторг. Вдруг вскочила девушка, санитарка подразделения Галя Петрова, и бросилась на минное поле.

- Братишки, - крикнула она, пританцовывая, - здесь и мин-то нет!

Единым порывом было смято проволочное заграждение и пройдено минное поле. Задачу моряки выполнили.

Сергей Борзенко решил найти отважную санитарку и пошел искать ее. Вдруг из-за укрытия донесся плач. Заглянув туда, он увидел рыдающую девушку.

- Галя, вы что, ранены? — спросил Борзенко.

- Нет, - ответила она, - я так перепугалась, что никак не могу унять слезы.

— Так как же вы могли, перепугавшись, выбежать на минное поле? Л теперь, совершив подвиг, плачете, как девчонка?

— А что было делать? Ведь я комсомолка и знала, что моряков надо поднять в атаку, а командир и парторг погибли. Я верила, что мужское самолюбие не позволит остаться морякам на месте, когда девушка одна может погибнуть у них на глазах.

Гале было присвоено звание Героя Советского Союза.

Эта девушка сумела выдержать громадную психологическую, моральную и физическую нагрузку. Нервы у нее сдали, лишь когда миновала опасность. Но я видел мужчин, которые совершали подобные поступки и потом улыбались. Однако в момент свершения подвига они переживали то же, что и Галя.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ СУТЬ воли

Меня кое-кто считает незаурядным человеком, поскольку я из рядоиых разведчиков вырос в командира отряда, дважды удостоен звания Героя Советского Союза, а отряд, которым я командовал, стал гвардейским. 11а это я отвечаю: талантов особых у меня нет, как нет и какой-то исключительной смелости. Мне просто повезло. Но повезло не в том смысле, что мне легко обошлась война. Враги не раз калечили меня, пока я сам не научился их бить. Повезло в другом. Я прошел хорошую школу воспитания, где закалил свою волю, и в войну вступил уже подготовленным человеком. А волю я свою закалял в коллективе московского завода «Калибр», н 'жипаже подводной лодки Щ-402, где я плавал до войны мотористом. 11аконец, хорош был коллектив нашего разведотряда.

Заслуги всех этих коллективов и кровь моих товарищей по оружию есть в тех звездах, которые я ношу на своей груди.

Воля является основным качеством, дающим возможность человеку четко выполнять стоящие перед ним задачи, совершать подвиги. В учебниках психологии обычно о воле пишут так: «Воля - это способность чеиоиска управлять собой, своими поступками, мыслями, переживаниями мни достижения сознательно поставленной задачи, даже перед лицом (мергельной опасности, во имя каких-либо побуждающих мотивов».

Эти «побуждающие мотивы» всегда приводят меня в замешательство, и я не могу согласиться с таким окончанием формулировки.

Побуждающие мотивы обычно разделяют на две категории: на отношение к себе и отношение к окружающим. Из отношения к себе выделяется желание отличиться перед товарищами, желание заслужить похвалу командира, начальника.

Но когда человек хочет отличиться перед товарищами, заслужить похвалу начальника, он как раз действует в одиночку Он не поможет товарищу в затруднительной ситуации, не поделится с ним своими достижениями, а увидев его ошибки, не подскажет, как избежать их, а если и сделает это, то только на глазах у начальника. Такой человек радуется, если товарищи ошибаются, тогда ему легче отличиться, легче показать себя.

В самом начале войны часть нашего отряда действовала в тылу врага мелкими группами, собирая сведения о дислокации войск и авиации, расположении артиллерии и т.п. Проникали эти группы на территорию противника через сухопутную линию фронта в районе Зимней Мотки. Группы действовали успешно, и кое-кто из разведчиков был отмечен наградами.

Одной из таких групп командовал молодой моряк Федор Н. Все походы этой группы проходили успешно, и вскоре Н. был награжден орденом. Его очень хвалили, ставили в пример другим, молодой разведчик имел солидный авторитет, особенно у начальства.

Однажды другая группа разведчиков ушла в тыл врага. Добравшись до Зимней Мотки, группа, как это и было запланировано, остановилась на суточный привал для уточнения обстановки на линии фронта. Там разведчики встретились с группой Федора Н., которая возвращалась из тыла врага. Группу сопровождал до линии фронта заместитель начальника разведки флота. Н. доложил ему о своих боевых успехах, и во время товарищеского ужина, поднимая тост за успехи группы, заместитель начальника капитан-лейтенант Изайчик заявил:

- Я ставлю в пример всем действия группы Федора Н. Они в каждом походе наносят ощутимые удары врагу: взрывают мосты, склады и другие объекты. Кроме того, они приносят точные сведения о расположении объектов врага, и по их данным наши отважные летчики уничтожают эти объекты. Нужно учиться всем так работать.

Н группе Н. в основном были норвежские патриоты — молодые мирим, которые покинули свою страну в период ее оккупации гитлероиск ими войсками. Они плохо знали русский язык и никак не могли понять, за что их так хвалят, жмут руки, обнимают. А когда поняли, то просто возмутились. Один из них заявил:

Когда мы попадаем в тыл врага, то выбираем обычно лес погуще п устраиваем там лагерь. Командир иногда в сопровождении одно- **111** человека куда-то уходит, а больше сидит и раскрашивает карту. Дней мере **I** иять-десять заявляет, что все сделано, можно возвращаться, и мы ип тращаемся. Никаких диверсий мы не совершали.

Федора Н. здесь же судили за предательство. По данным этой **I** руины действительно летали наши летчики и бросали бомбы в голые **i** инки. Ну а если бы качалось наступление, то, используя эти липовые минные, мы поставили бы свои войска в очень тяжелое положение. >н> настоящая измена Родине, а причиной измены послужило желание отличиться перед товарищами, желание заслужить похвалу командиpii без особого риска для себя.

Другой мотив - отношение к окружающим. Здесь выделяется люпоиь к своим близким, семье, своим детям. Мотив тоже порочный.

Пынает так. Живет человек, имеющий большой запас знаний, опыта, человек, который мог бы принести громадную пользу Родине, окажись он там, где смог бы эти знания применить с пользой для всех. А человек этот сидит не на своем месте и занимается не своим делом. Потому что его близкие родственники уезжать с насиженного места желания не имеют. Сам же он, связанный любовью к родным, не может решиться на волевой поступок.

Нот все, что можно сказать о побуждающих мотивах.

Воля — это такое качество, которое не очень просто воспитать. Прайда, иногда слышишь, что волю можно натренировать. Боишься, например, щекотки - заставляй щекотать себя, будешь волевым; ленишься умываться - обливайся холодной водой, будешь волевым. 11ет, гак волю натренировать нельзя. Воля растет у человека иногда помимо его прямого желания стать волевым, но вместе с ростом ряда иругих качеств, от которых она прямо зависит. И эти другие качества можно измерить, определить у человека, а волю, как и смелость, определить трудно.

В нашем отряде жила неписаная традиция - «не выполнил задания - не возвращайся». Она прижилась не сразу. Только тогда, когда мы сумели воспитать у разведчиков высокие моральные и боевые качества, эта замечательная традиция волевых людей прочно вошла в наш боевой опыт.

Когда приходил в отряд новый человек, его с первых дней учили всем нашим премудростям, начиная с рассказов о славных уже сложившихся традициях. Вся обстановка заставляла молодого разведчика отобрать для себя из нашего опыта все самое лучшее, самое надежное, обязывала его точно соблюдать все наши традиции, весь отработанный порядок действий.

Помню, как пришел к нам молодой краснофлотец Александр Каштанов. Мы критически отнеслись к нему, не понимая, зачем понадобилось брать его в отряд. Маленький ростом, далеко не богатырского сложения и вообще какой-то застенчивый... Но поражали глаза его. Они просто кричали: возьмите, я не подведу! Казалось, откажи ему - и он тут же расплачется, как ребенок. Но раз взяли - значит взяли... Он начал готовиться к походам, изучать и отрабатывать все, что необходимо знать и уметь разведчику в глубоком вражеском тылу.

Как и в каждой части, у моряков существовало неписаное правило: чтобы человек стал полноправным членом боевой семьи, он должен помимо той подготовки, что предусмотрена планом, выдержать еще и испытания, придуманные товарищами. На склоне одной сопки положили бочку, на нее - пару дощечек. Получилось что-то вроде трамплина. Сказали Каштанову: пока не научишься прыгать через эту бочку, в поход не пойдешь. Так уж заведено в отряде. Мастера таких трюков тут же продемонстрировали, как это делается. Каштанов ежедневно кувыркался на этой бочке, упорно карабкался к цели и добился своего! А вскоре стал одним из лучших мастеров скоростного спуска на лыжах с гор.

В отряде категорически запрещалось в обмундировании и снаряжении использовать разные шнурочки - все должно было застегиваться на крючки, кнопки, пряжки: если человек попадет в воду, он сможет мгновенно освободиться от лишнего груза. «Пока свое обмундирование и снаряжение не приведешь в порядок, в поход не пойдешь», - сказали ему. Каштанов столько нашил на себя разных крючков и застежек, что получил прозвище Король пряжек, - постарался наш острослов старшина второй статьи Павел Барышев. Этот шутник однажды

in срьез напугал Каштанова, мол, ты столько нашил на себя металла, •но если попадешь в воду, то сразу пойдешь ко дну. И что же! Алексей 1имой в полном снаряжении бросился в залив, чтобы испытать, в самом ли деле ему грозит такая опасность.

Все эти шутки могут кому-то показаться совершенно излишними. **II.»** разведчики вот так своеобразно желали прежде всего добра товарищу **но** оружию, исходя из личного опыта, который не предусматривался **им** какими инструкциями; создавая замысловатые ситуации, они заставля- **III** новичка думать, искать разумные пути самостоятельного преодолеч трудностей и опасностей. В стремлении во что бы то ни стало преоцолеть пусть шутливые, но жизненные препятствия человек быстрее вы- I н йатывал в себе и волевые качества, и мастерство, необходимые для боя.

Помню, как однажды мы разгромили автоколонну врага. Захвати- <1п много пленных. Однако положение у нас самих оставалось критическим, и мы сомневались, сумеем ли вернуться на свои катера... • I ремясь доставить в штаб пленных и документы до окончания боя, я приказал Каштанову переправить на катер двух дюжих егерей и два чемодана с документами врага. Он не мешкая направился к месту высад- I и, где находились наши надувные лодки.

Бой закончился, весь отряд без потерь переправился на катера, а Каштанова с пленными и документами мы здесь не обнаружили... Такого '1П никто не ожидал: то, ради чего мы рисковали жизнью, пропало. Но идерживаться у побережья противника мы не могли, следовало уходить. 11етрудно понять общее настроение. Вдруг сигнальщик доложил, что виши в море какой-то плавающий предмет. Катера устремились к нему. А искоре на борт приняли Алексея Каштанова с пленными и документами.

Все объяснилось просто. Отойти от берега при крупной волне очень сложно, нужно иметь недюжинную силу и мастерство. Каштаном не церемонился - посадил одного егеря на весла, второму приказал оттолкнуть лодку от берега и прыгнуть в нее самому. Силы у егеря на веслах было много, а мастерства нет, и лодку волной выбросило на берег. Так повторялось несколько раз. Наконец Каштанов закинул свой автомат за спину, гаркнул егерям, чтобы работали четче, сам сел па весла, а одному егерю приказал толкнуть лодку. Они отошли от берега, но отлив и волна утащили маленькую лодочку далеко от берега н море, и Алексей не смог найти катера.

Кое-кто убеждал, что в этом эпизоде Каштанов допустил грубую ошибку. Егерям, которые сидели один на носу, второй на корме лодочки, когда он трудился на веслах, ничего не стоило прибить его, сбросить в море и стать хозяевами положения. Но они не сделали этого. Как они сами заявили на допросе, советский воин волей своей обезоружил их, заставил безропотно подчиняться даже взгляду своему. Значит, ошибки не было.

Когда после победы над фашистской Германией мы переехали па Тихоокеанский флот, там в разведывательно-диверсионном отряде было много совсем молодых ребят — более опытные тихоокеанцы ушли освобождать Родину от гитлеровских оккупантов еще в начале войны. Молодежь, естественно, очень смутно представляла себе характер и объем предстоящей боевой работы. Нужно было привить ей наши боевые традиции, научить нашей сноровке, воспитать нашу волю. Но одно дело, когда в крепко спаянную часть приходят один-два новичка, а другое - когда молодых и неопытных в части несколько раз больше, чем самих «учителей». Не удивительно, что на нас смотрели с раскрытыми ртами. Еще бы! Вот только один старшина первой статьи Семен Агафонов - Герой Советского Союза, два ордена Красного Знамени, рядом с орденом Ленина и Золотой Звездой два ордена Отечественной войны 1-й и 2-й степени. Они, эти юные ребята, о таких наградах и не мечтали. Агафонов, впрочем, как и все остальные мои друзья, повел себя с молодежью в высшей степени корректно. Он стал для молодых товарищем, другом, воспитателем. Он не кичился заслугами, а щедро передавал тем, с кем ему предстояло вскоре идти в бой, все, чем был сам богат, что накопил и выработал в жесточайших схватках с врагом.

Прежде всего нам понадобилось поднять физическую выносливость всех разведчиков, и мы это делали как только могли. Бывало, группа получает задание: в одном пункте имитировать разгром штаба, в другом, километров за пятнадцать от него, - подрыв моста, а после полудня, когда силы, кажется, на исходе, - атаковать высоту. Не все молодые разведчики выдерживали такую огромную нагрузку. Очень часто бывалый человек, вроде Агафонова, по ходу напряженной тренировки подойдет к сникшему товарищу и шутя скажет:

— Ну что, друг, уморился? Э-э... Да тебя измотал плохо прилаженный рюкзачок-то. Дай-ка посмотрю, в чем дело.

Больше не разговаривая, Семен кинет рюкзачок на свои плечи и шшагает вперед — молодому товарищу облегчение, они выполняют замечу имеете. А вот перед самой атакой сопки Агафонов вдруг замечает, • н о один из разведчиков хромает.

Ну что, ребятки, передохнем малость? — простодушно предлагает он.

Надо бы, товарищ старшина, — немедленно соглашаются разнедчики хором.

- Ну что ж, посидим малость, сынки. Только поймите, привал ног не зря мною устроен. Поглядите, вон человек хромать стал. А почему? Портянки навернул плохо. Ну-ка разуйся, друг...

Действительно, портянки у парня сбились комьями, ноги ему на- I ирают. А Семен продолжает:

А знаете, друзья, накрутить портянки — это искусство! К нам | пециально приходили соседи поучиться, и немудрено — бывало, пять десять суток мы в походе, а ноги у всех как огурчики с грядки. Дамайте проверим, как у всех у вас обстоят дела.

11ока ноги проверяли, время ушло, и вдруг Агафонов говорит:

Ребятки, провозились мы тут, а на выполнение задачи нам остался всего час... До сопки, которую нужно атаковать, по карте пять километров, а по холмам и болотам, вероятно, больше. Если мы опоздаем son, па секунду, никому из нас несдобровать. Такая у нас традиция.

- Товарищ старшина, — взмолился краснофлотец, который хромал но дороге, — разрешите босиком?..

- Нет, сынок, мы воюем обутые, не к лицу нам перед врагом голыми пятками сверкать. Да и портянки теперь не собьются. Кстати, пора I ебе, дорогой, взять на свои плечи рюкзачок-то, а то я тоже не железный.

Группа прибывает к заключительному этапу тренировки секунда в секунду Такова незыблемая традиция. Все утомлены до предела. Но поняли они, что это не чья-то прихоть. Таково веление боя. И традиции наши проц ктованы только острой надобностью. Без них врага не победить. А побежцать надо! Возможно, кое-кому наши методы покажутся жесткими, но мыто и 1али, что только так можно подтянуть молодых ребят до нашего уровня, у(>еречь их от гибели, научить бить врага наверняка, чтобы непременно выполнить любое задание командования. В огне выковывалась надежность.

И по-другому никак нельзя. Зато и делали буквально невозможное. Вот на новом месте выделили нам жилье. Скорее, то, что из него

можно и нужно сделать. Надежда лишь на себя. Приводит Семен Агафонов людей в это подобие сарая и говорит:

— Ребята, заднюю стену нужно сложить и оштукатурить до обеда, чтобы не опоздать на тренировки - нам еще побегать придется.

— Товарищ старшина, это же задание на весь день! — пугается кто-то из ребят.

— Да, верно, на день. И мы не строители, а разведчики, и нам положено каждый день не меньше тридцати километров пробежать. Когда же бегать? Строители мы по совместительству. Сделаем так: разделим стену пополам, вас трое, я - один. Посмотрим, кто быстрее и лучше сделает свое дело.

Сначала Агафонов выигрывал эти соревнования. А потом ребята стали все чаще помогать ему заканчивать работу в срок. Так росло мастерство на фоне традиции - где бы ни был ты, какую бы работу ни выполнял: в бою, ученье, труде — всегда будь достоин звания разведчика!

Там, на Востоке, наш отряд стал именоваться первым гвардейским разведывательно-диверсионным отрядом. По этому поводу член Военного совета Северного флота прислал радиограмму, в которой говорилось: «Поздравляю вас, боевые друзья, с присвоением гвардейского звания, рад, что боевой опыт, приобретенный в Заполярье, умело использован вами в боях с японскими империалистами». Когда секретарь партбюро сержант Козлов прочитал эту радиограмму, кто-то разочарованно протянул:

— Это же не нас касается — поздравляют североморцев.

— Нет, — ответил Иван Иванович Гузненков, — это касается нас всех. Вы крепко освоили наш опыт, впитали наши боевые традиции и, безусловно, достойны этого поздравления.

ВО ИМЯ РОДИНЫ

Основным качеством, которое дает возможность человеку совершать подвиги и которое лежит в основе воспитания воли, является любовь к Родине и готовность в любую минуту пожертвовать своей жизнью за счастье человека.

Подбирая людей в отряд разведчиков, мы иногда допускали ошибки. Придет так иногда человек, будто все у него хорошо, все нужные качества есть, а сходит один-два раза в поход, и вдруг какие-то боли появляются. То ноги откажут, то спина заболит, а выгонишь из отряда — болезни проходят. Мы стали задумываться: отчего это? Оказывается, причина простая. Человек шел в отряд не служить Родине, не на трудный участок борьбы с фашизмом, а за славой, за орденами. Увидит он, как у себя на базе ходят разведчики — вся грудь в орденах, и думает, пойду-ка и я в отряд, и у меня все это будет. Вот и просится. Но когда поймет, что орден получить очень трудно, что прежде всего нужно доказать, что ты способен выполнить любое задание в тылу врага, а к Герою представят только тогда, когда на груди не меньше четырех боевых орденов, желание воевать у него пропадает. Он думает, что вернется без орденов, но живой вернусь домой. Такой человек забыл о Родине, о народе, который ведет героическую борьбу с фашизмом, о страдающих, умирающих в осажденных городах и на оккупированной территории, о воинском долге, о воинской присяге. Разве может такой человек проявить максимум усилий, чтобы воспитать в себе настоящую волю? Да и нужна ли такому воля?

Однако чаще бывает обратное.

К нам в отряд прибыл молодой матрос Макар Бабиков. Был он низкого роста, худощав и будто совсем слаб физически. По внешним признакам он в отряд никак не подходил, но мы его взяли. Взяли потому, что нам очень нужен был писарь, а Бабиков умел печатать на машинке, четко и грамотно писал, имел прекрасную память — с обязанностями своими справлялся хорошо. Однако он не захотел отсиживаться на базе.

Он пришел к командиру.

— Мне воевать нужно. Знаю, вы скажете, слаб я, - быстро затараторил он, видя, что командир пытается возразить. — Это я уже слышал и от вас, и от других разведчиков. Только вот и Николай Островский не очень силен был, а сделал много, да и ваши разведчики не все богатыри, а воюют здорово, и я буду не хуже других. С сегодняшнего дня начинаю готовиться к походам, изучать все, что нужно знать разведчику, спортом займусь как следует. Вот тут я книжечку сделал, все вписал сюда - и оружие, и подрывное дело, и фотодело, и спорт. Прошу принимать зачеты и отметки ставить, что сдал и как сдал.

— Ну а как же писарские обязанности, Макар? Ведь ты все же у нас писарь, - сказал командир.

— Что ж, и писарские обязанности выполнять буду, справлюсь.

И Макар начал готовиться к сдаче зачетов.

Вызвал меня командир и говорит:

— Будешь у Макара зачеты принимать по всей программе разведчика. Смотри, поблажек никаких. По каждому зачету у него книжка есть зачетная, сам себе сделал. Ставь оценки и расписывайся. Я с тебя спрошу.

Мне очень хотелось отказаться от этого поручения, но я промолчал и ушел. А потом началось. Подтянулся Макар на турнике три раза — ставь зачет ему. Двухпудовик поднял — опять зачет. На лыжах с горки скатился — снова зачет. Пистолет трофейный изучил — тут уж зачет обязательно. И так мне эти зачеты надоели, что я стал прятаться от Макара.

Однажды Макар пистолет канадский где-то раскопал и требует, чтобы я у него зачет принял, а я и сам-то систему эту первый раз вижу. И такое зло на Макара взяло, что не сдержался и сказал:

— Ты, Макар, уже профессором стал в разведке, лучше меня все знаешь. Пока я воюю, ты зубрежкой занимаешься, я приду, ты зачеты сдаешь. Ты этими зачетами просто прикрываешься, чтобы в походы не ходить. Тебе давно воевать пора.

Макар ушел, а минут через пятнадцать вызывает меня командир:

— Ты что глупостями занимаешься, зачем человека в заблуждение вводишь? Он требует, чтобы его в поход взяли, говорит, все знаю, мне Леонов об этом сказал.

Я выждал, пока командир высказался, а потом спокойно ответил:

— Если вы прикажете, я возьму его в поход. Только вам советую заранее подбирать себе нового писаря.

— Это почему же?

— А потому, что обратно он не вернется, и останетесь вы без писаря.

— Это ты брось. Задача в том, чтобы дать почувствовать матросу, что такое настоящий боевой поход, но прийти он должен обязательно живым. Макар - фигура ценная для отряда.

Мне стало обидно за остальных разведчиков, и с некоторым оттенком иронии я сказал:

Это верно, виноват, забыл, писарь — действительно фигура || ризведывательном отряде ценная. Постараемся, будьте уверены, ı in ıı.мıı ляжем, а писарчука вам сохраним.

Через несколько суток мы уходили в поход. Маршрут пред- • гоня несложный. Пройти линию фронта, затем километров семь- п | HI по тылам врага, взорвать объект и вернуться обратно. Вот И ПСЯ задача, но... Каждый разведчик брал с собой килограмм по | прок груза. Это тяжеловато и для закаленного человека, ну а Ма- | пру еовсем не под силу.

11о он шел, бодрился и даже улыбался. Товарищи подшучивали **или ним,** а потом, видя, что Макар спотыкается, встревожились. Ре- **ıınıı!** помочь. Семен Агафонов заявил ему прямо:

Я говорил тебе, Макар, что жидковат ты в коленках, а ты — нет, in | н походлезешь, вот теперь видишь, что получается. Давай твой груз МЫ понесем, а ты иди налегке.

11о Макар упрямо ответил:

Я знал, куда иду, знал, какие трудности меня ожидают, и уж по- Івольте мне все делать самому.

И он шел, шел, спотыкаясь, иногда падая. Тогда, на первом же привале, когда Макар крепко заснул, из его рюкзака вытащили все тя- **кеное,** а взамен положили печенье, галеты, запасные носки и портян- | и <)объем рюкзака остался прежним, а вес раза в три уменьшился.

М ы вернулись из похода через девятнадцать суток. Двое суток ле- **| ли** Макар пластом на своей кровати. Я доложил командиру, что зада- **ча** -обработки» Бабикова выполнена, и получил от него благодарность. **\ через** двое суток Макар встал — и прямо ко мне.

Я, - говорит, — плохо себя в походе чувствовал, кажется, хуже других.

Тебе все кажется, — отвечаю, — а вот мне нет. Я твердо знаю, что **НС** дошел бы ты, если бы тебе товарищи не помогли.

А это потому, — возражает Макар, — что мало я еще тренируюсь, мало работаю.

Верно, Макар, хоть раз в жизни честно сознался, что мало рабо- **I.** шт., вот садись за письменный стол и работай побольше, поверь, де- **по** v тебя пойдет.

11ет, я буду чаще ходить в походы, - решительно заявил он.

Не помню, чем закончился мой разговор с Макаром, только пленил меня матрос своей целеустремленностью, желанием стать настоящим разведчиком. И мы стали тренировать его по полной программе. В походы я брал его с собой постоянно, при себе держал, наблюдал, подсказывал, а на отдыхе ни минуты покоя не давал.

День у нас с физзарядки начинался, но зарядка особая, тяжелая. Встают разведчики - и десять минут разминка. Тут и бокс, и джиу-джитсу. И Макар встает. А я кому-нибудь из опытных разведчиков уже задание даю наломать ему бока так, чтобы неделю болели. Для этого не десяти минут, а двух вполне хватало. Отдышится Макар, встанет и идет на лыжах вместе со всеми. Разведчики километров тридцать, а то и пятьдесят по сопкам пройдут, вернутся, вместо воды снегом по пояс разотрутся — и на завтрак. А Макар, смотришь, только к обеду подойдет. Но тоже снежком потрется - и в столовую. И не было такого случая, чтобы он не прошел всей дистанции, которую прошел весь отряд в этот день, как бы сложна она ни была. Если Макара кто-либо поколотит на ринге или намнет бока на ковре, он от этого разведчика не отстанет до тех пор, пока не научится по-настоящему сопротивляться ему.

Это образ одного из наших разведчиков, который не родился богатырем. Этот простой сельский учитель из селения Усть-Цыльма Коми АССР, вероятно, и не мечтал о подобных подвигах. Но он любил Родину, любил детей, которых учил, и вложил много труда, чтобы стать настоящим разведчиком, и в хорошем коллективе, с помощью хороших товарищей добился прекрасных результатов. Такими были у нас все, простые советские люди, настоящие патриоты. Они отлично понимали, что разведка - это не романтика, это не просто блеск орденов, это труд тяжелый и опасный, но нужный Родине, и они сознательно шли на этот опасный участок борьбы, чтобы отдать свои силы общему делу борьбы с фашизмом. Только из таких патриотов и могут вырастать подлинные герои.

Но, видно, не всегда жажда подвига одного человека бывает полезна обществу, всем, кто его окружает. Жажда жажде рознь.

Еще до прихода Бабикова у нас в отряде появился статный широкоплечий старшина первой статьи Иван Поляков. Когда я после ранения в конце 1941 года вернулся в свою родную часть, Иван уже имел орден Красной Звезды. Он тоже мечтал о подвиге. Но не так, как Ба-

.....т. который молча, затаенно, но упорно шагал, а чаще карабкался, ими I по-пластунски по трудной тропе подвига к его сияющей верши-1м I In, Иван шумно, самоуверенно заявлял знакомым, особенно девушкам, что он первый кандидат в герои. Как-то я заметил Полякову:

Много ты болтаешь, Иван, мечтаешь стать героем, а вот в похо-III не рвешься, все больше стараешься отсидеться на базе. Почему?

Я знаю, когда и в какой поход мне нужно пойти. Будь спокоен, I null шанс я не упущу! - с самонадеянной расчетливостью ответил Попп пи п нехорошо усмехнулся.

Как-то одна из наших групп была обнаружена в тылу врага. Преследователи прижали ее к морю. Разведчики отбивались как могли. I |ужно было срочно снимать группу с побережья, снимать днем под in нем ирага. Для этого командующий флотом выделил два катера-охотника «МО» и две группы разведчиков, в одной из которых находи1 пси Иван Поляков. Командующий авиацией доложил комфлотом, ЧТО погода нелетная, и мы ушли без прикрытия. Однако, когда катера подходили к побережью, из-за сопки выскочили два «мессера» и ата-* > им ни нас. Один катер потерял ход, второй взял его на буксир, и мы вернулись, не выполнив задания. Вернулись, недосчитавшись несколько боевых товарищей...

Командующий флотом адмирал А.Г. Головко тут же приказал подпч 11. и воздух истребители. И снова два катера вышли в море с теми же разведчиками. Но Полякова вдруг одолел «приступ аппендицита», и mi остался на базе. Задачу на сей раз мы выполнили. Встречаю оставшегося розовощекого Полякова. Спрашиваю: как, мол, оклемался? К,пи., что болячка тебя не вовремя придавила.

Ничего, героем все равно стану. Это просто несчастный случай. 4,1 и задача плевая, на такой не отличишься, только раздразнишь себя.

11о пришло время, когда довелось выполнять задачу куда посложнее п опаснее. Батальон морской пехоты получил задачу разгромить опорный пункт врага на мысе Могильном. Отряд должен был прикрыть действия батальона, а группа, которой командовал я и в которую ВХОДИЛ Поляков, - скрытно провести батальон и первой ворваться в опорный пункт. В конечном счете батальон не дошел до цели и возвратился на катера, а с ним и большая часть отряда. Тогда пятнадцать разменников ворвались на позицию врага...

При высадке с катера у Ивана, как на грех, подвернулась нога. Он морщился от боли, стонал, кричал, скрипел зубами, но передвигаться не мог, и его - вот уж невезение... - вернули на катер. Катера оставили нас и отошли. Группа вела бой в течение суток. Из пятнадцати только восемь израненных, искалеченных разведчиков сумели вернуться на базу, но с захваченными у врага документами! Вернулись мы и видим: Иван Поляков преспокойно играет в волейбол. За эту операцию все разведчики - участники похода получили высокие награды, а с Поляковым, как тому и следовало быть, отряду пришлось расстаться. Навсегда. Без тени сожаления.

Издавна у нашей молодежи ведется - каждый молодой человек «строит жизнь», то есть берет пример с кого-то из известных, уважаемых в стране людей, старается быть похожим на своего кумира. Был и у меня такой. В юности писал стихи, стараясь превзойти самого Есенина. Не получилось. А когда началась война, Родина позвала в бой с лютыми врагами — стало не до стихов.

Мне повезло. В первом походе и в первом своем бою, за который я получил медаль «За отвагу», командиром группы у нас был старший лейтенант Георгий Лебедев. Я увидел его, когда он спускался с сопки, на которой мы разгромили опорный пункт противника. Кругом свистели пули, рвались мины. Я шел, не сгибаясь, чувствуя, что если лягу, то уже не встану - судорога сковала ноги... Лебедев, увидев меня, закричал:

- Ложись, друг, убьют! Ползи! Приказываю - ползи!

Я не мог ползти, по-прежнему шел и благополучно миновал лощину.

Лебедев внимательно посмотрел на меня и вдруг приказал:

- Там остался Николай Рябов. Он, вероятно, ранен. Его нужно вытащить. Пойдете вы с Домановым.

Мы вновь пошли через ту самую лощину, и опять я боялся лечь на землю. Старшего краснофлотца Рябова мы нашли за камнем, он был мертв. Дикий страх сдавил меня, когда я уже был на своем катере. Я лежал на палубе, и мурашки бегали по спине. Подошел Лебедев, присел рядом и спросил:

- Как самочувствие, друг?

Я не знал, что ответить, и спросил его:

- Скажите, товарищ старший лейтенант, почему фашисты побежали от меня, ведь их было много?

'1 удак, - улыбнувшись, сказал Лебедев, - ты пойди посмотри на , . (.ч п зеркало и поймешь, почему они побежали. На себя не похож. А НИ пси кий случай запомни: кто-то должен бежать — либо ты, либо враг, mi.en- i*ic* бывает. Подумай над этим!

11одумаю, товарищ старший лейтенант.

Извини меня, Леонов, - продолжал Лебедев, - что послал я вас . Цомановым искать Рябова. Очень тяжелый момент был в то время, грудно было решиться поднять кого-либо из ребят. Ну а вы были еще и цействии. И верил я, что сможете дойти. Рябов - он же ваш друг.

I ; I К и закончилась наша беседа, короткая, но такая емкая и полезНйнl Видел я Лебедева и во втором походе, когда разведчики бежали . I in**1** к и. Тогда я заметил, что у него дрожали руки. Скажи мне кто-ниПудь об лом - не поверил бы... Да и как можно поверить, что у нашеIII I Ьоргия, как звали его в отряде, могли дрожать руки! Потом мы по-**• Iм ми** не от страха, а от стыда за панику, которой поддались некото-**I н. н-** разведчики, не находили они покоя. Благодаря мужеству Лебеде-**II.I.** по командирской решительности, личному примеру храбрости I Инн-!, восстановить порядок, собрать отряд и дать отпор врагу.

Мне повезло потому, что я видел перед собой образец того, как НИДО владеть собой в бою, как влиять на подчиненных, увлекать их и. выполнение поставленной задачи.

Первым моим фронтовым младшим командиром был старшина второй статьи Степан Мотовилин. Интересный, необыкновенного мужества человек. Страстный рыболов и охотник, неутомимый ходок, Находивший возможность все свое скудное свободное время провопи в в лесу и на озерах. В нашем отряде он был с самого начала командиром группы разведки.

(чепан Мотовилин многое сделал для отряда, особенно в первый период его существования, когда к нам приходили бывалые моряки с кораблей, люди, закаленные морально и физически, но почти совершенно **пг** жавшие сухопутного оружия, тактики и топографии. Трудно было им **п н** наших тяжелых походах. Длительные скитания по сопкам с нелегким • i >ч юм и оружием требуют очень разумного размещения тяжестей, чтобы пни не сковывали движений человека. Солдатские вещевые мешки НИМ не годились - нужны были Специальные рюкзаки. Следопыт и охотник Мотовилин сам конструировал и подгонял их. Нагрузив разведчи-

ков, водил их по самым труднопроходимым тропинкам и без тропинок, учил ориентироваться в горной местности, читать чужие следы и не оставлять своих. Трудился Степан на этом поприще самозабвенно, и молодые разведчики по праву называли его наставником.

Был у Мотовилина завидный темперамент удивительно цельного человека. Если он любил или ненавидел, то до конца и бескомпромиссно. Когда мы взяли первых пленных, один из гитлеровцев попросил пить. Молоденький разведчик схватил котелок и рысью направился к озеру. Вдруг Мотовилин что было сил закричал на него:

— Стой! Ты что, прислуга им? Пить захотели? А когда они убили Лебедева, искалечили столько ребят, они не хотели пить? Потерпят, а ты запомни это... Придет время — я сам свожу их к озеру на водопой. Л прислуживать — не смей!

Порой горячность его подводила, и я на его же примере учился самообладанию, умению наглухо зажать собственные нервы в кулак.

Однажды мне, Мотовилину и Лосеву командир приказал связаться с батальоном морской пехоты. Мы проскочили, используя снежный заряд, через окружение врага и стали быстро уходить по лощинам и оврагам. Снег здесь лежал водянистый, тяжелый, без лыж нам было тяжело, и мы очень устали. На подходе к своим решили больше не маскироваться и пошли прямо через озеро, где снега почти не было. У нас еще не было специальной форменной одежды. Одевались мы кто во что, больше в спортивную форму, но так, чтобы было легче и удобнее работать. Вдруг слышим басовитый голос:

— Стой! Руки вверх!

Степан побледнел и тоже заорал:

— Это кто там кричит? Да я перед фашистами никогда не поднимал руки! Вот доберусь до вас...

— Бросай оружие! Ложись, стрелять будем, — спокойно пробасил все тот же голос.

— Я вам стрельну! Я не таких стрелков видел, — прокричал Мотовилин, продолжая двигаться вперед.

Вдруг раздались две короткие пулеметные очереди, одна просвистела над головами, вторая легла метрах в пятнадцати впереди. Степан завопил истошным голосом:

— Что вы делаете?! Да я вас...

<)п рванулся вперед, но мы со старшиной первой статьи Лосевым ус-ПСЛИ схватить его и удержать. С сопки спустились офицер и три морских пехотинца с оружием наготове. У подножия сопки мы представились друг цругу, поздоровались, обменялись информацией и, тихонько поднимаясь I i.i сопку, начали деловой разговор. Мотовилин сразу же подался разыски-| и о 1. 11 улеметчика. Когда мы поднялись на сопку, Степан бушевал:

- Ты мокрая курица, а не пулеметчик. У тебя пули летят куда угодно, только не в цель.

Так приказали, — пожал плечами совсем еще молодой солдат.

Так приказали... - передразнил Мотовилин. - А в своих стре-1l(l п. можно?

- Кто вас разберет: свои вы или чужие, - возразил пулеметчик. -| (делись в какую-то хламиду...

Хламиду?! — взревел Степан. — Да как ты смеешь! Тебе эту «хламиду» век не заслужить — ее выдают тем, кто воевать и стрелять умеет. Я гебя сейчас научу, как стрелять нужно, ну-ка, иди ко мне!..

Но молодой пулеметчик счел за лучшее скрыться в группе своих юпарищей, которые весело смеялись, наблюдая за этой сценой.

Прибывший на сопку командир батальона выделил нам пулеметное отделение. Мотовилин, узнав об этом, попросил:

— Товарищ майор, вы нам того, который стрелял в нас, дайте. I манный парень. Мы его обучим и вернем вам в лучшем виде!

У пулеметчика на глазах выступили слезы. Он весь сжался. Но вскоре они со Степаном стали закадычными друзьями. А уж стрелял пулеметчик после уроков Мотовилина действительно по-снайперски.

Мы вернулись в тот день как раз кстати. Ребята держались из последних сил. Боезапас кончался. Мы принесли им облегчение и веселую передышку. Пулеметчики под руководством Мотовилина длинными очередями так почистили склоны сопок, что егеря запрыгали вниз, как зайцы, и долго не решались потревожить нас.

Впоследствии мы долго шутили над Мотовилиным, напоминая ему перепалку с пулеметчиками: «Ты в него — словами, а он в тебя - пулями...» Он отшучивался, все более утверждаясь в мысли, что выдержка нужна на фронте каждому, а воспитателю — втройне.

Напомню, что было это в самом начале войны, и мы еще не отрешились от привычек мирного времени. А война не ждала, она брала

свое. А кто не умел быстро перестраиваться, тот расплачивался кровью. К счастью, Степан Мотовилин быстро осознал свою слабинку и вскоре избавился от нее.

Каждый из наших боевых друзей был сугубо индивидуален, со своим характером и внешним обликом. А все вместе мы составляли один воинский коллектив, многоликий, но крепко спаянный любовью к Родине и ненавистью к врагу.

Пришел как-то в отряд молодой паренек краснофлотец Рихард Кеньев, финн по национальности. Был он среднего роста, белобрыс и начисто лишен, что называют, внешней эффектности. Почему-то он всегда улыбался, и это на первых порах озадачивало разведчиков. Он часто коверкал русские слова, из-за этого над ним потешались, а он не обижался. Бывало, только улыбнется в ответ и скажет:

— Так легче и проще.

— Смотрите, опять расплылся, как ясное солнышко, — сказал ему старшина второй статьи Володя Фатькин после очередной улыбки. — Ты где такой вырос?

— В лесу, - безмятежно ответил Кеньев.

— Лесовик, значит. А что делать умеешь?

— Ходить на лыжах, стрелять.

— Не много, однако...

Вскоре оказалось, что он умеет гораздо больше, чем мы думали. Степан Мотовилин и Рихард Кеньев быстро нашли общий язык. Как завязалась их дружба, трудно сказать. Говорят, что Степан очень хотел научиться хорошо метать нож, а у него все не получалось. Как-то раз Кеньев заметил это, подошел к нему, взвесил нож на руке и едва уловимым движением кисти послал точно в цель.

— Ого! Видали?! Где это так научился?

— В лесу, в Осоавиахиме и еще кое-где, - с уклончивой улыбкой ответил Кеньев. - А вашим ножом, товарищ старшина, только хлеб резать можно. Спрячьте и не мучайтесь... Нате-ка мой. А теперь смотрите, как надо...

Постепенно вопреки ожиданиям Рихард стал в отряде прямо-таки незаменимым человеком, душой-парнем. Мы молчаливо признали в нем многоопытность, практичность человека, выросшего в лесах Заполярья. Признал это и Степан Мотовилин, ибо сам он, знающий лес и горы, понимал, что такие навыки даются трудно.

Разжигают, к примеру, на привале костер — дымно, а огня нет. Поцойдет Рихард, поколдует - все наоборот... Или группа разведчиков ночью среди скал - луна, снег искрится. Смотришь, вдруг исчез впе- **I "н и** идущий - в яму залетел. Выходит вперед Рихард — и ни одной **и м и** на пути! Он их особым чутьем угадывает, лыжня становится ров- iniji и приятной.

Я рассказал об этих двух разведчиках не потому, что они были выциющимися бойцами. В схватках с врагами находились посильнее их. По ()ыло у них свое, только им присущее - они всегда знали, что надо **in п а п.,** и редко допускали ошибки, за которые всегда приходится до- |м**.ю** расплачиваться. Мы все учились у них этому редкому искусству, шк **I** к-обходимому фронтовику.

11од новый, 1942 год мы ушли в тыл врага. Снег был очень рыхлый п глубокий, даже на лыжах мы утопали до колен. Направляющие меичнись буквально через каждые полчаса.

Иыйдя на большое озеро, мы со старшим краснофлотцем Попо- **им м** метров на пятьдесят оторвались от основной группы. Миновали • к гровок в центре озера и пошли дальше. Вдруг сигнал от командира і **руины** старшего лейтенанта Фролова — вернуться на остров. Мы с 11оповым видели, что это ошибка, — на острове задерживаться нельзя, **11** v***11не** идти дальше, лес рядом. Я пытался убедить Фролова:

Здесь очень опасно, островок маленький, только верхушки бере- **нж** видны из-под снега, все просматривается с любой сопки, нас заме- **н и ,** н мы не сможем защищаться. А до леса не больше пяти минут хода.

11о он отверг мое предложение:

Н ам пора на связь. М ы не должны опаздывать, ведь мы разведчики.

Только радист развернул антенну, как над озером появились четы- **I и** • мессера». Они нас не сразу заметили - сперва обнаружили лыжню **И** невысоко пролетели над ней. Пройдя над нами, засекли, где прерывается лыжня, развернулись и уже на бреющем полете атаковали нас, I щательно примерившись.

Медленно тянулось время, фашистские летчики не спешили. По он пому заходили в атаку, выпускали короткую очередь и горкой уходи- .....1 сторону, уступая место следующему. Падали срезанные пулями и оі колками вершины березок, а мы молча лежали, не в силах что-либо предпринять.

Основной огонь враги сосредоточили по центру островка, где у нас была развернута рация и валялись наспех замаскированные рюкзаки да лыжи. Там я и получил свои два осколка - в руку и спину, прежде чем, улучив момент между двумя атаками, перебрался на самый край островка и там зарылся в снег.

Разведчики нашего отряда не один раз побывали в глубоких рейдах в тыл врага и имели солидный опыт действий там. Случалась обстановка и посложнее той, в которой мы сейчас оказались. Но тогда мы имели дело с противником наземным, и, как бы он ни был силен, мы могли противопоставить ему свое мастерство, всю свою смекалку. Теперь же мы не могли предпринять в ответ ничего. А я знал по собственному опыту: ничто так не угнетает бойца, как собственная беспомощность.

Истребитель заходил в очередную атаку, и я чувствовал, как во мне растет злоба и какая-то безрассудность. Хотелось вскочить во весь рост, схватить бесполезные теперь автомат или пистолет и броситься навстречу самолету. Пересилив эту минутную растерянность, я испугался, как бы у кого-нибудь из наших ребят не сдали нервы.

Первым не выдержал Яша Попов. Приподнявшись на локтях, он начал ругать всех, кто попадал ему на язык. К нему подполз очень спокойный и рассудительный старшина второй статьи Саша Манин и посоветовал:

- Брось, Яша, не шуми, волноваться вредно. Побереги нервы. Они тебе пригодятся. Полетают, полетают эти мерзавцы - и отвалят.

Досталось нам крепко. Был убит радист старший краснофлотец Василий Палкин - он снял маскировочный халат, чтобы удобнее было работать, и стал хорошей мишенью для летчиков. Тяжело ранило разведчиков краснофлотцев Иванова и Карху. В довершение всего разбило рацию. Нас спасли наступившие сумерки - самолеты уже не могли прилететь - и то, что у линии фронта нас ждали олени. К рассвету все мы собрались на своей маневренной базе.

Такова расплата за тактическую ошибку. Разведчики пережили и это, отряд стал еще сплоченнее и сильнее. Люди больше учились и работали, не стеснялись советоваться друг с другом, прежде чем принять решение. А уж если был отдан приказ, то выполняли его точно в срок, не жалея себя. Только общими усилиями ковалась победа.

Много легенд сочинено о нашем отряде. Иногда они идут от жизни, в их основе лежат конкретные факты, а чаще факт обрастает вы-

•Ii.i. ном, и образы разведчиков расплываются, делаются неестественными. А ведь это простые люди, труженики войны, которые если и отнимаются от других воинов, то лишь тем, что были поставлены в осо-oi.il- условия, требующие проявления их особых качеств.

()дни легенды, гиперболизируя события, представляя их в образах И I расках, помогают лучше понять и усвоить истину. Другие же нера-1умно затеняют смысл и суть героики и дискредитируют ее. Лубок и I I .1 иха не всегда доходят до сознания молодых людей и чаще отталки-и.иог их от военной истории, чем привлекают к ней.

Однажды после моего выступления перед молодежью города Кашнппа мне задали вопрос: «Расскажите, как Вы, проникнув через грубу в землянку врага, перебили всех фашистов, захватили докумен-I Ш п ушли?» По тому оживлению, которое мгновенно вспыхнуло в заИС. я понял: это очередная легенда, кто-то уже успел сочинить небыли-цу, и люди проверяют правду.

Конечно, мне пришлось разочаровать слушателей. Документы, пленных брать приходилось и драться тоже, а вот чтобы лазить в грубу... Я объяснил, что в годы войны и мы имели достаточно большой опыт, и, если командованию требовались документы, мы находили приемлемый способ добыть их. А вот лезть в трубу и оказаться в ней II шершенно беспомощным человеком не доводилось. Да и зачем? Ведь пока ты спускаешься, тебя запросто выдернут за ноги... Авантюризмом ⊳а шсдчики никогда не увлекались. Выполняя очень нужные задания командования, мы не имели права глупо рисковать, безрассудно ста-МП. под удар и свою жизнь, и решение задачи. Так воспитывали меня, гак я воспитывал своих разведчиков.

Вспомнил об этом потому, что часто хотят услышать о каких-то невероятных похождениях и приключениях типа росказней барона Мюнх-I аузена. Если же всего этого нет, то падкие на сенсации люди обижают-I и, Нас кое-кто считал эдакими «везунчиками», рассчитывающими на удачу. Прославленный подводник Северного флота, большой друг наше-I о отряда Герой Советского Союза контр-адмирал Иван Александрович Колышкин по поводу подобных высказываний как-то повторил извест-ную фразу А.В.Суворова: «Раз - везение, два - везение, но когда-то должно быть и умение». И добавил, что риск, построенный на точном расчете и мастерском выполнении задачи, лежал в основе героики...

Осенью 1941 года нам вместе с разведывательной ротой морской пехоты пришлось выполнять весьма ответственное задание. Даже тогда, когда боевой опыт у нас был еще мал, все рассчитывалось нами до мельчайших подробностей. Мы добивались, чтобы каждый взвод, каждая группа, а в группе каждый разведчик знали свои обязанности в бою и делали только то, что обязаны делать согласно плану. Скрупулезная точность и честность, а не бездумный риск помогали нам выполнять задачу.

Не сумев захватить незамерзающий порт Мурманск, гитлеровские войска оказались вынужденными зимовать в сопках, в районе реки Западная Лица. Пока не выпал снег, фашисты стали поспешно создавать базу снабжения в селении Титовка, на временно оккупированном кусочке нашей территории. Туда они свезли горючее и боеприпасы, теплое обмундирование и продовольствие. Вот эту базу в ночь на 7 ноября, когда уже выпал снег и прекратился подвоз нового довольствия, мы и должны были уничтожить. Свой поход мы проводили под девизом: «Все силы - в помощь защитникам столицы. Таков наш вклад в оборону Москвы».

Трудно было командиру отряда. Обычно приказ о задаче, поставленной перед отрядом, и состав походной группы объявляли за три часа до выхода, после чего выключались телефоны и из помещения никто не выходил. И вдруг откуда-то стало известно, что поход будет боевой, цель его — оказать помощь защитникам Москвы. В те дни на торпедах, бомбах и даже на снарядах писали: «За Москву», «В помощь защитникам Москвы» и прочее в этом роде. Энтузиазм на флоте был огромный. В отряде все рвались в поход, даже больные. Разведчики еще не знали, сколько человек и кто именно пойдет, что будет за поход, тщательно готовили оружие, подгоняли снаряжение.

Вот типичный эпизод. Старшина отряда старшина второй статьи Григорий Чекмачев, прекрасный пулеметчик, видя, как старается Мотовилин, спросил:

- А ты чего суетишься, Степан?

- Как чего, - быстро ответил Мотовилин, - тут дел полно. Какой-то разгильдяй пряжку у рюкзака срезал, нож куда-то запропастился - поневоле будешь суетиться.

- Брось, Степан, ты же больной! Командир сказал, чтобы я составил список освобожденных врачом, будете охранять здесь помещение.

- А кто меня больным сделал? — вспыхнул Мотовилин. - Я ногу **п.l** пыжах ушиб, пришел к врачу помазать чем-нибудь, а он: тебе, Мо-п жилин, отдохнуть нужно. От лыж меня освободил, а не от похода! Так что ищи других.

- Не-ет, - настаивал Чекмачев, - с больной ногой в поход никак нельзя.

Мотовилин сплюнул и побежал к командиру.

Гще с порога он зашумел:

Товарищ командир, кто меня больным сделал?

- Каким больным? Кто сказал?

Чекмачев. Говорит, вы списки потребовали освобожденных врачом, сторожами нас здесь хотите оставить.

Инзарцев весело рассмеялся:

Идите. Идите, никаких списков я не требовал и сам не состаплял, больным вас не считаю.

Только ушел Мотовилин, появился командир группы главстаршина Анатолий Баринов, более спокойно, но тоже настойчиво тговорил:

- Товарищ командир, мне сказали, что, поскольку наша группа техническая, мы остаемся здесь.

- Стыдно, товарищ Баринов, слушать разную болтовню. Я еще и **| ам** не знаю, кто пойдет, - покачал головой Инзарцев. - Идите пере-**ми** те всем, чтоб ко мне больше не ходили.

Но тут появился очень скромный и очень хороший разведчик краснофлотец Михаил Черных.

- Товарищ командир, я из Коми АССР, но Москва и наша столица...

- Хватит! - гаркнул Инзарцев. - Пойдем!

Инзарцев вышел из кабинета и направился к разведчикам. Он не сердито, но сурово сказал:

- Знаете, орлы, ну вас всех к шуту. Вы тут переругаетесь перед походом. Собирайтесь все!

Так был определен состав разведчиков на этот праздничный поход к базе Титовка. Полный инструктаж об обязанностях каждой группы в бою, порядке высадки и движения на переходе к базе, а также цели похода разведчики получили уже на Рыбачьем, где отряд сутки отрабатывал свои действия вместе с разведротой.

После высадки с катеров-охотников на побережье, занятое противником, маскируясь, мы двинулись к Титовке. Погода стояла чисто северная: то предательский свет луны освещал вершины сопок и открытые долины, загоняя нас в труднопроходимые от снега ущелья, то вдруг небо закрывалось косматыми облаками, налетала пурга, и мы, не маскируясь, бежали через озера, уже скованные льдом.

До базы оставалось совсем недалеко — еще одна обширная долина. Обойти ее по сопкам трудно, да и время поджимало: мы не могли идти на предельной, доступной нам скорости, так как нас сковывала рота, слабее нас подготовленная физически. К чести ребят, они хоть и спотыкались, иногда даже срывались с откосов, буквально вползали на горки, напрягая все силы, но упорно старались не отставать.

— Хорошие хлопцы, - сказал Инзарцев. - Им бы выучку получше, получились бы прекрасные разведчики!

Пока мы думали перед долиной, что делать, луну закрыли облака, налетела пурга. Отряд стремился прямо к базе, а морские пехотинцы, разделившись на две группы, уклонились чуть в сторону от отряда - им было приказано в бой не ввязываться, а занять оборону с флангов базы и контролировать реку.

Погода Севера изменчива, доверять ей нельзя. Бывает, идет такой густой заряд — конца ему не видно, и вдруг через какие-то пять минут все тихо — небо чистое, и луна сияет как новенькая.

Не успели мы добраться до базы, как ветер внезапно стих, появилась луна, а до базы оставалось еще метров двести. Рукой подать стояли три гитлеровца, огорошенные нашим появлением. Некоторое время мы изучали друг друга. Наконец командир крикнул:

— Взять живыми!

А как? Только мы шевельнулись — они побежали. Эти верзилы, горные егеря чуть не двухметрового роста, тоже неплохие спортсмены, и бегать умеют. Сначала они действовали молча, и мы понемногу приближались к ним. Но потом стали стрелять на ходу, даже ухитрились пустить ракету. Командир, понимая, что тревога на базе неизбежна, крикнул:

— Да успокойте вы их поскорее! Весь гарнизон поднимут... Быстрее, пока там не поняли, в чем дело! Вперед!

Враги не успели занять оборону. Выскочили только первые полураздетые егеря, поднятые тревогой с постелей, а разведчики уже атако-

пани их, каждая группа занималась своим делом. Группа главстаршины Баринова устремилась к стоявшим на улице машинам, и они быстро тпылали факелами. Группы старшины первой статьи Лосева и главгаршины Ченговатого занялись складами и подожгли их. Остальные рунпы блокировали жилые дома и почти в упор расстреливали выбеаиших солдат. Все шло четко по плану.

Обезумевшие егеря поворачивали обратно, пытаясь укрыться в щпниях, но в окна полетели гранаты. Вспыхнули пожары. Врага охватила паника.

Гарнизон на самой базе небольшой — руководство базой, писари, учетчики, рабочие складов, охрана и шоферы. Основная часть его дислоцировалась на другом берегу реки Титовка. Там не понимали, что творится на базе, — всякая связь была с ней прервана. Пройти гитлеровцам непосредственно на базу было невозможно: помещения, расположенные у реки, горели, и наши разведчики, которые пробрались к самой реке, заметив врагов на льду, расстреливали их. Тогда фашисты решили перебраться на наш берег в стороне от базы и постараться окружить ее. Но стоило им только появиться на льду реки, как в упор открыли огонь разведчики мор< кой пехоты. Попытка обойти базу с другой стороны тоже провалипась. Тогда взбешенные гитлеровцы открыли сильный пулеметный огонь по своей же базе... Так с нею было все кончено. Командир нал команду отходить.

Отход — сложный маневр. Это не бегство с места боя и не просто i) гступление. За спиной у нас чужая территория, и на пути к месту встречи с- кораблями мы в любой момент можем встретиться с врагом. Особенно трудно приходилось разведроте. На нее все упорнее наседал противник. Это обстоятельство обязывало нас максимально помочь отходу разведчиков. Как наиболее подвижные и выносливые, две группы нашего отряда заняли места на флангах, и лишь когда разведрота скрылась из виду, они отошли и быстро догнали наш сводный отряд. Делалось все по заранее продуманному плану. Это и обусловило конечный успех.

Всю дорогу над нами, шипя, взлетали ракеты, то и дело вспыхивали осветительные снаряды. Мы шли по освещенной земле Заполярья. Шли дружно, весело. Даже морские пехотинцы взбодрились и обрели второе дыхание.

- Идут как на прогулке, не хватает только веселой песни, - заметил один из наших.

- А что, можно и песню, - весело ответил другой. - Все равно егеря теперь до утра из своих укреплений носа не высунут.

На свою базу мы прибыли, когда в Москве начинался военный парад на Красной площади. Разведчики, быстро сняв обмундирование, бегом устремились в ленинскую комнату слушать Москву. Недоволен был только заступивший дежурить по отряду старший краснофлотец Алексей Чемоданов. Он хмуро посмотрел на разведчиков и крикнул:

- Быстро строиться!

- Куда? Зачем? — зашумели разведчики.

- С бригады лодок звонили, праздничный завтрак ждет вас, и держать его больше не могут.

- Не пойдем! Обойдемся! — раздалось в ответ.

Чемоданов растерялся, решил доложить командиру, но тот сам вошел в ленинскую комнату. Осмотрев пеструю толпу разведчиков, улыбнулся и сказал:

- Сообщите, что завтрак переносится на более позднее время.

Кончился парад, разведчики позавтракали. А потом шел разговор о войне, родных и близких, многие из которых оказались на оккупированной территории и ждали помощи от родной своей Красной Армии. Немного отдохнув, мы были готовы к новым рейдам по тылам ненавистного врага.

ЗНАНИЯ - ОПОРА ПОДВИГА

В наше время вся деятельность людей связана со сложной техникой, большим количеством машин, станков, агрегатов. Теперь трудно представить себе кого-то, кому не нужны были бы технические знания. И если человек знает свое дело хорошо, то берется за выполнение любой задачи, связанной с использованием оружия, машин, агрегатов, с твердой уверенностью, что они его не подведут. Его воля тверда, а действия в любой обстановке будут смелыми, инициативными, красивыми. Если же запас знаний мал, у него нет уверенности в успехе,

п. получая сложную задачу, он, вероятно, думает: «Обойдется ли сегодмч, сумею ли выполнить задачу, или...» Он начинает бояться, все времяоглядывается на соседей. А если нет соседей, что тогда?

Давайте посмотрим на солдата, действующего в бою. Солдат полумия задачу и выполняет ее, опираясь на своего помощника — оружие, гохнику, и от того, как он знает своего помощника, как верит ему, зашит в целом его уверенность в успехе, устойчивость воли. Кроме тоIII, солдат на пути к цели встречает не пустое пространство, а врага, в руках которого тоже техника, оружие. И солдат будет действовать увеIп ппо, решительно только до тех пор, пока все, что он видит перед сопii, ему понятно, пока для него нет загадок, а его солидный запас знании дает ему возможность понять и правильно оценить трудности и опасности на пути к цели и найти правильное решение борьбы с этими ФУдпостями и опасностями. А приняв твердое решение, уверенный в | ноем успехе, он проявляет смелость, идет на риск, и воля его несокрушима. Но как только солдат встречает на своем пути что-то непонятное, загадочное, когда его порой скудный запас знаний не позволяет быстро оценить обстановку, а значит, найти правильное решение, он пряется, допускает ошибки, а в бою это ведет к гибели.

Иван Кожедуб, отвечая на вопрос о значении смелости, заявил: Конечно, на войне все бывает, но чаще погибает тот, кто боится».

Расскажу об одном случае, происшедшем в годы войны на Северном флоте. Отделению моряков под командованием Василия Кислякова была поставлена задача удержать одну из сопок. Гитлеровцы наступали силами, во много раз превосходящими горстку советских воинов. Бой был жесточ им. Много бойцов погибло, раненые отошли. Последнего здорового челои. I л Кисляков послал за подмогой и остался на сопке один. Чтобы ввести Противника в заблуждение, он собрал все оружие отделения, умело распоиожпл его и, попеременно ведя огонь с разных мест, создавал видимость, ЧТО на сопке не один человек, а целая фуппа. Но фашисты по-прежнему . и приспело рвались вперед. Тогда Кисляков открывал огонь из пулемета, 11| к »ая гранаты, и враги скатывались вниз, оставляя десятки убитых.

11о вот кончились боеприпасы, осталась последняя граната... Ва• илий выждал, когда егеря оказались на самом крутом участке склона, поднялся во весь рост, бросил гранату и, крикнув: «Взвод, за мной, и .паку!», ринулся на врага. Егеря панически бежали, а находчивый

воин, подобрав большое количество оружия, вернулся на сопку и сумел удержать ее до прихода подкрепления.

Храбрость воина, не дрогнувшего перед лицом смертельной опасности, его боевая выучка, находчивость позволили ему в тяжелых, казалось бы, безвыходных условиях не растеряться и победить.

Храбрость, находчивость Кислякова основывалась на большом запасе знаний, умении использовать различное оружие, а главное - на отличном знании психологии врага, и поэтому воля его была несокрушима. Он мог бы поступить смело, взорвать себя последней гранатой, но подвига в полном смысле этого слова не было бы. Была бы не выполнена основная задача - удержать сопку; враги захватили бы ее, а выбивать их вновь пришлось бы с большими потерями. За этот подвиг Кисляков первый среди моряков Северного флота был удостоен звания Героя Советского Союза.

Опытом войны доказано: человек действует уверенно, решительно и грамотно до тех пор, пока все, что видит перед собой, ему понятно, все опасности и препятствия, которые предстоит преодолеть, ясны, и он знает, как с ними бороться. Такого не собьешь с пути. Но стоит ему встретить что-нибудь загадочное, неизвестное, он почти всегда на какое-то время теряется.

Очень показательный случай произошел во время освобождения Печенги (Петсамо). Высаживались два отряда одновременно: соседний находился на катере-охотнике, наш — на торпедном. Катер-охотник быстро подошел к берегу, четко была подана сходня, и разведчики, не замочив ног, сбежали на берег. На нашем картина сложилась совсем иная. Командир долго маневрировал, прежде чем ему удалось подойти к береговой черте. Последовала команда: «Подать сходню». Матросы, которые обязаны выполнять эти практически несложные действия, слабо знали свои обязанности, оттого и действовали неуверенно, робко. Катер волной начало разворачивать, и командир был вынужден отойти от берега.

Снова маневрирование для подхода к берегу. Вновь звучит команда: «Подать сходню». В ответ - те же ошибки матросов... Правильно говорят, что море не прощает, не щадит неумелых и разгильдяев. Ударом волны выбило из нерадивых рук сходню и унесло в море. Катер вновь вынужденно отошел от берега. Что делать? Конечно, можно бы-

НО бы высаживаться: прыгай в воду и - греби вплавь. Но с оружием, ...и пасом, рюкзаками далеко не уплывешь.

Командир катера принимает решение возвращаться на базу. Он **I тс,** вероятно, не понимает, чем все это кончится. Он наивно считает, **• 111111** росто не сумел высадить, и все. За это могут отстранить от коман-....мини катером, наложить взыскание... Мы же видели в этом другое: **но** не просто невыполнение задачи отрядом не по его вине, а срыв операции, проводимой флотом. Корабли наши пойдут с большим де-. витом в порт Лиинахамари, а вход в него будет закрыт на замок, батареи мыса Крестового станут в упор расстреливать их в узком проходе, с оединяющем порте морем.

Кроме того, в нашем отряде давно уже укоренился неписаный **ui он:** «Не выполнил задание — не возвращайся». Укоренился он не сра-**N,** а лишь тогда, когда отряд стал действительно грозной боевой си-ЮЙ, когда каждый разведчик стал настоящим мастером разведыва-**I е** ш.но-диверсионного дела.

Разумеется, мы бурно запротестовали, узнав о решении командира катера. Решили: пусть разобьется катер, но отряд будет высажен! **)ю** паше решение было бесповоротным. Нам помог командир катера-охотника лейтенант Борис Митрофанович Лях. Он подошел почти вплотную к нашему борту и спросил, в чем дело. Я объяснил ему си-**I** vanino и наше решение. Мы — старые друзья с Борисом Митрофано-НИчем, он много раз снимал нас с побережья врага, буквально выта-**I I иная** из огня, и мы бесконечно верили в его искусство. Борис Мигрофанович хорошо знал выучку разведчиков и спокойно сказал:

Надеюсь, сумеете перепрыгнуть ко мне на борт?

Сумеем, — ответил я.

- Ну и добре. Командир, - это уже командиру катера, - держи курс **папе** гречу волне, иди самым малым, я буду проходить мимо на чуть большей скорости, разведчики знают, что им делать. Понял? Начали!

11ерепрыгивать с катера на катер, спокойно стоящий рядом, на метровом расстоянии, на палубу, загроможденную всякой всячиной, и го опасно, если ты переотягощен грузом, но все-таки можно. А как быть, когда катера на ходу и имеют разные скорости? Когда волна качает их, и ты не знаешь точно, каким окажется расстояние в момент **I моего** прыжка?.. Тут нужны большое мастерство, сноровка, смелость

и решительность. Большое мастерство, отвага требуются тому асу, который решил провести свой катер на волне почти рядом с другим катером. Выручить может только ювелирная работа.

Борис Митрофанович так и сработал. При первом проходе перепрыгнули всего три разведчика. На охотнике матросы, хорошо знающие свое дело, буквально ловили их на руки. На втором — гораздо больше, потом еще и еще... На пятом «перегрузка» разведчиков с катера на катер закончилась. Катер-охотник твердо взял курс к берегу. Мы любовались удивительной отточенностью действий моряков. Как только катер приблизился на расчетное расстояние к берегу, послышалась команда: «Обеспечивающие — в воду». Несмотря на большую глубину и сильный прибой, два матроса мгновенно прыгнули с носа катера в воду. «Подать сходню!» Поползла сходня с палубы катера к берегу и легла на плечи стоящих по горло в воде матросов. «Начать высадку!» Разведчики, веселые и довольные, стремительно побежали по сходне, которая почти не качалась, крепко удерживаемая мужественными моряками.

— До свидания, орлы, желаю успеха! До скорой встречи! — крикнул нам на прощание Борис Митрофанович.

Два почти одинаковых катера, одинаковые условия действия, два экипажа, но как не похожи действия людей! Они вполне объяснимы: разный запас знаний, мастерства, разный уровень подготовки, разная психологическая закалка и волевая натренированность. А главное, диаметрально противоположный подход к восприятию обстановки, а отсюда—и разное чувство ответственности за выполнение приказа. В итоге — диаметрально противоположные результаты при выполнении одной и той же задачи. Впрочем, почему одной? Ведь задача команды катера-охотника, принимавшего нас на свой борт, куда как осложнилась. И надо иметь поистине твердую волю, ум и большое сердце, чтобы взять инициативу на себя и довести до конца общее огромной важности дело.

Умело использовал боевую технику и экипаж подводной лодки Северного флота Щ-402. Однажды лодка успешно атаковала вражеский транспорт, но затем подверглась длительному преследованию кораблей охранения противника. Без горючего, с разряженными батареями, она оказалась в критическом положении — не могла ни идти, ни погрузиться. И хотя было уже темно и корабли противника преследование прекратили, рядом находился вражеский берег с наблюдательными постами

н мощными батареями. Однако и в такой обстановке, из которой, казалось, пег выхода, экипаж подводной лодки не сдался. Из парусиновых •мчиоп моряки сделали парус, который был поднят на перископе, и лод- | к отошла от опасной береговой черты. Тем временем мотористам удаmи l. запустить дизель, используя вместо солярки смазочное масло. Они • и HL...o знали возможности дизелей марки 38-К-8. Вероятно, даже создатели этих двигателей не предполагали такого варианта, но мотористы I in'ими знаниями и опытом расширили возможности техники.

1'праз, касаясь знаний, скажу, что все мои ранения, которые я in щучил за годы войны, пришлись на ее первый период, вернее, на самый первый год. Было мало знаний, мало умения, мало опыта. Потом in е но пришло, и вот тогда я поверил, что при встрече лицом к лицу I юбым врагом, как бы ни был он вооружен, я выйду победителем. < хватка с врагом обычно кончается раньше, чем встречаются штыки. Кто то из противников проигрывает морально, и бой для него кончавтся либо пленом, либо гибелью.

Все эти примеры из времен минувшей войны. Теперь же техника шагнула далеко вперед, и непомерно выросло значение знаний в воспитании волевого, мужественного человека, способности стать на- • гоящим защитником своей Родины.

11о не только технический запас знаний нужен для воспитания во- 'ш. Необходимо уметь логически мыслить, предугадывать ход развиПИИ какого-либо события, нужно знать психологию человека при встрече с опасностью и уметь или своевременно прийти на помощь кругу, или в самый выгодный момент нанести удар врагу. Нужно знать объективные законы развития общества и уметь использовать их в борьбе. Только всесторонний запас знаний делает волю человека прецельно устойчивой и дает ему возможность в любых, самых трудных, • нмых опасных ситуациях находить правильные решения.

БЕЗ ДИСЦИПЛИНЫ НЕТ ВОЛИ, НЕТ ПОДВИГА

Часто молодые люди говорят, что к ним напрасно предъявляются повышенные требования, что сейчас не война и можно позволить себе

некоторую легкость в поведении, а вот случись что, тогда и посмотрим, кто на что способен, кто первым бросится на амбразуру или ляжет под танк. Прежде всего я должен сказать, что ни один бой не планируется так, чтобы кто-то бросился под танк. Такие ситуации создаются обычно, когда кто-то из участников боя, и чаще всего из-за недисциплинированности, не выполняет четко своих обязанностей, дает возможность противнику перехватить инициативу, добиться успеха, и вот тогда другому человеку или подразделению ценою своей жизни приходится исправлять эту оплошность. Если же в бою все до единого будут действовать четко, слаженно, то лишних жертв не будет. Однако есть и другое мнение о дисциплине. В этом большая вина ложится на фронтовиков-ветеранов. Рассказывая о войне, мы говорим иногда, что в годы войны недисциплинированные люди проявляли наибольшую смелость. Некоторые рассказчики изображают разведчиков этакими сорвиголовами, так что диву даешься. Идет в тыл врага: нож в зубах, пистолет за голенищем, полные карманы гранат, и дрожат перед ним и враги, и свои.

Нет, такого недисциплинированного человека в разведку вообще посылать нельзя. Там все построено на четком выполнении каждым своих обязанностей, и малейшее отклонение от плана общих действий может привести к невыполнению задачи и даже гибели людей. Самое большое, на что способен этакий парень-ухарь, это совершить лихой поступок в азарте боя. Так разойдется иной раз, что забывает даже о том, что от него требуется, крушит направо и налево, не согласовывая свои действия с действиями товарищей. Бывает так и в труде. Иногда человек в повседневной деятельности проявляет самую настоящую недисциплинированность, но вдруг в какой-то авральной ситуации он начинает проявлять свою лихость. И смотришь — его хвалят. Но не эти лихие поступки обеспечивают решение трудовых задач, и не они решили судьбу войны. Судьбу войны решили подвиги миллионов солдат и матросов, которые совершались не в азарте боя, а ежедневно, в течение всей войны. Вот на такое действие недисциплинированный человек не способен. Уметь обуздать свои страсти, порывы, желания, зажать нервы в кулак и направить свои усилия на выполнение поставленной боевой задачи может только человек с высокой, сознательной дисциплиной.

И вот тому пример. Группа разведчиков в составе пяти человек была высажена в тыл противника. Они имели указания себя не обнаруживать и

тш.ко в крайнем случае, если соседняя разведгруппа окажется в тяжелом положении, принять удар на себя. Несколько суток разведчики находились и I илу врага, все шло хорошо, как вдруг обычная выдержка им изменила. 1аметив группу гитлеровцев из шестидесяти человек, беспечно идущих по ющине, они решили окружить их и уничтожить. Фашисты были перебиIы, документы собраны, оружие или уничтожено, или взято с собой.

Вернувшись без потерь, разведчики рассчитывали на похвалу начальства, а вместо этого командир группы получил серьезное взыскание. Группа не до конца выполнила свою задачу — она обнаружила себя, вследствие чего было сорвано выполнение задачи второй группы. 11 ротивник начал поиск и обнаружил вторую группу, которая была вынуждена вернуться на свою базу, не выполнив задачи. А выполнение задачи второй группой было гораздо важнее, нежели уничтожение нескольких десятков фашистов.

Этот случай недисциплинированности обошелся без жертв. Но бывало и хуже.

На Дальнем Востоке, в период освобождения Северной Кореи от японских империалистов, нашему отряду вместе с ротой автоматчиков морской пехоты была поставлена задача захватить в корейском порту ('ейсин плацдарм для высадки основного десанта. Японцев в городе было больше пяти тысяч, но мы действовали решительно, четко, со знанием дела и к исходу первого дня захватили мосты через реку, тем самым отрезав японцам пути отхода, очистили от противника центр юрода и держали под контролем порт. Все, казалось, шло по плану. 11очью бой стих. Понимая, что утром японцы любой ценой попытаются уничтожить нас, расчистить себе путь к отходу и если не сорвать, то задержать высадку нашего десанта, я решил действовать.

Оборону мостов, центр города и контроль за портом поручил специальному отряду. Рота, которая еще не имела боевого опыта, должна была занять оборону вдоль реки с целью не допустить перехода противп и ком вброд водной преграды. Опасаясь, что японцы перейдут реку ночью, я приказал командиру роты вывести своих людей к самому урезу воды и контролировать реку. Одному взводу роты морской пехоты было приказано охранять маленький мост через канал в нашем тылу.

Ночью разведчики доложили мне, что взвод у моста пропал, и разыскать его не удалось. Пришлось срочно, в ущерб обороне на главных

направлениях, послать в район моста новую группу разведчиков. Выяснилось, что вопреки моему приказанию командир взвода принял решение перейти канал. На другом берегу взвод попал в засаду и был полностью уничтожен японцами.

На следующий день, когда в районе мостов разгорелся жестокий бой, я получил донесение, что рота окружена. Оказалось, командир роты тоже не выполнил моего приказания. Щадя своих бойцов, которых у реки сильно кусали комары, он отвел их под защиту домов. Японцы, воспользовавшись этим, перешли реку и сосредоточились в камышах. Когда утром командир роты решил вернуться к воде, противник, хорошо замаскированный, пропустил роту через камыши, окружил, и рота понесла большие потери. Лишь благодаря исключительному мужеству и мастерству разведчиков отряда нам удалось прорваться к роте и вывести бойцов вместе с тяжелораненым командиром из окружения. В этих действиях и наш отряд понес потери, которые были совершенно неоправданны.

Конечно, все можно оправдать, как это и делали некоторые товарищи после боя в Сейсине, отсутствием боевого опыта, но главной причиной потерь в данном случае была недисциплинированность.

А еще раньше имел место и такой случай в нашем отряде.

Нам нужно было найти базу легких кораблей противника в Северной Норвегии. На двух торпедных катерах, которыми командовал очень опытный моряк, теперь дважды Герой Советского Союза Александр Осипович Шабалин, мы вышли в море. Погода была плохая. Крупная волна не давала развить большого хода, сплошные снежные заряды скрывали береговую черту. Поплутав некоторое время в море, мы вышли к Босс-фьорду. Именно там ориентировочно должна была находиться стоянка вражеских кораблей. Мы знали, что узкий вход во фьорд хорошо охранялся, но поскольку время для поисков другого места высадки было потеряно, я и Шабалин приняли решение войти непосредственно в Босс-фьорд. Риск предстоял немалый, но мы шли на него сознательно, убежденные, что при исключительно четких действиях катерников и разведчиков сумеем выполнить задачу.

При входе мы были обнаружены, и с сигнальных постов у нас запросили позывные. Сигнальщик, передавая «ответ», имитировал неисправность электроцепи клотика, и давал свои позывные так, что ни мы, ни немцы понять их не могли. Вероятно, фашистские наблюдатели были убеждены, что только свои корабли, когда их уже обнаружили, могут так спокойно заходить во фьорд. Нас пропустили. Мы оказались в самом логове врага. Кругом батареи, в населенном пункте склады, ремонтная база кораблей, много охраны, и, чтобы не только понаблюдать, а высадиться, захватить «языков», документы, нужно незаурядное мужество, позволяющее бойцам действовать с такой дерзостью.

Высадка проводилась с помощью маленьких надувных лодок. Каждый разведчик четко знал свое место в лодке и порядок движения к берегу. На катере Шабалина находился я с основной группой разведчиков, и мы быстро и четко провели высадку. На другом катере, которым командовал старший лейтенант П.Серенько, был начальник штаба отряда, представитель разведуправления флота, группа обеспечения, радист и часть разведчиков. По плану начальник штаба должен был отходить от берега последним, вместе с радистами. На берегу, оставив у лодок группу обеспечения и радистов, он обязан был сразу же догонять нас.

Но Серенько замешкался с подходом к берегу, высадка затянулась. Представитель разведуправления начал нервничать, давать ненужные указания, вносить путаницу в отработанный план действий. Это привело к тому, что начальник штаба отряда допустил ошибку, а точнее — проявил недисциплинированность. Он прыгнул в лодку на место командира группы Ивана Матвеева. Матвеев, оставшись без места в лодке, стал сам искать, куда бы пристроиться, и ушел с катера последним, имеете с радистами.

Начальник штаба совершил и еще один недисциплинированный поступок. На берегу он не дождался подхода радистов и Матвеева с его разведчиками, а ушел вслед за нами. Иван Матвеев, оказавшись на берегу и не найдя там своей группы, но зная, что он должен руководить ее действиями, ушел догонять нас один. Нас он не догнал...

Мы действовали очень четко. Захватили «языков», документы, установили расположение складов, причалов, дали указание Шабалину снять группу обеспечения и радистов и подходить к немецким причалам за нами. Так, выполнив очень сложное задание, мы вырвались из логова врага и благополучно вернулись на свою базу. Однако в результате проявленной недисциплинированности начальником штаба и представителем разведуправления мы потеряли прекрасного развед-

чика, командира группы Ивана Матвеева. Недисциплинированность этих людей усугублялась еще и тем, что они доложили на катер Шабалинао возвращении всех разведчиков, высаженных на берег. На такой поспешный неточный подсчет, безусловно, повлиял страх, желание как можно скорее уйти из расположения врага. Такие люди не могли находиться у руководства отряда, их убрали, но гибель Ивана Матвеева потрясла разведчиков и еще раз показала, какое громадное значение в сложных действиях имеют четкость и дисциплинированность каждого участника этих действий.

ГОТОВ К ТРУДУ И ОБОРОНЕ!

Для того чтобы хорошо выполнять определенные задачи, человек должен иметь достаточный запас моральных и физических сил и прежде всего волю. Если студент или школьник готовит домашнее задание, работает над рефератом или дипломом, он полностью сосредоточен на тех задачах или проблемах, которые ему необходимо решить к определенному сроку. Вдруг он почувствовал усталость. Он сразу же посмотрит на часы - как время? Он еще, возможно, будет продолжать работать, но его уже начнет преследовать мысль: «А не отдохнуть ли, хоть мало времени, но, возможно, успею - посижу ночью. Нет, - решает он, - позанимаюсь еще». Он еще работает, а мысль, вызванная усталостью, давит на его психику как очень тяжелый груз, она, эта мысль, мешает ему сосредоточиться на той задаче, которая стоит перед ним. Мало пользы будет от такого труда.

В бою, где человек испытывает наивысшее напряжение, мысли его всецело зависят от его физических качеств. Если солдат сильный, закаленный, то, видя перед собой противника, он думает лишь о том, как добраться до этого противника, а уж коли доберется... Такой человек решительно идет вперед.

Боевая практика убедительно показывает, что рукопашных схваток, когда оба противника с одинаковой энергией борются за победу, не бывает. Один из двух обязательно струсит и отступит, а если отступать некуда, сдастся в плен. Другой, действуя решительно, будет вы-

поднять задачу до конца. Этим вторым будет тот, у кого сильнее воля. ι.ικов психологический закон боя.

1Iу а если солдат слаб? Поднимается, а спина болит, сапоги от земли оторвать не может, винтовка кажется тяжелой. Такому любой прогивник покажется богатырем. И мыслить этот солдат будет примерно гак: «Добегу, если сил хватит, а что дальше будет?» Такой человек забы-**II,** кт о задаче, начинает думать о спасении своей жизни, отдает инициативу боя в руки врага. Но жизнь-то спасти будет очень трудно, ибо противник поймет его состояние и уже сам начнет действовать решигсльно и смело.

Этот закон нами был хорошо усвоен и всегда помогал добиваться успехов. Наш отряд, действуя в тылу врага, уступал ему в численности, н-хпическом оснащении и огневой мощи, но мы всегда побеждали в рукопашном бою. Ни немцы, ни японцы в подобных ситуациях никогда не действовали так решительно, как мы. Когда они атаковали, это Пыл натиск массы людей, подчинявшейся другому закону - закону | гада, а те, кто соприкасался с нами вплотную, только защищались, и глазах у них был страх.

В июле 1941 года, только прибыв в отряд, я с группой разведчиков Выл высажен на вражеский берег для уничтожения одного опорного пункта. Командир, старший лейтенант Георгий Лебедев, принял решение паковать вражеский объект с трех сторон. Нашей пятерке предстояло I и югнуть две сопки, пересечь долину и все это проделать скрытно. Мы тропились, а я, вероятно, больше всех, так как оказался метров на пятьдесят впереди товарищей. Залег в кустах и решил подождать. Вдруг из-за гранитного выступа выбежали два вражеских офицера и больше десятка солдат и направились прямо ко мне. Я прицелился и выстрепил. Офицер упал, остальные остановились. Стреляю в другого офицера осечка. Перезарядил - снова осечка. Пока я возился, второй офицер иметил меня, выстрелил из пистолета, но промахнулся. Много различных мыслей промелькнуло в мозгу: «Можно отступить, но буду подниматься убьет. Ждать подхода товарищей - тоже убьет. Ну промахнется несколько раз, но когда-то попадет. Что делать?»

Решение пришло тут же: «Если будет еще один промах, то дальше и ждать не буду, успею схватить офицера и смогу использовать его тело как защиту от солдат».

Он выстрелил. Промах! Я вскочил с земли и бросился вперед. Офицер больше не стрелял, а пустился наутек - за ним остальные. Я гнал их метров семьдесят. Поймать никого не сумел - в таких случаях они бегают как зайцы, но удалось загнать всех их в блиндаж. Я швырнул туда гранату, потом подбежал Николай Даманов, и мы уничтожили всю группу. За этот свой первый бой я был награжден медалью «За отвагу».

Мысль броситься на фашистов появилась не случайно. Я верил в свои силы, верил, что в рукопашной схватке сумею уничтожить любого врага. В других боях, уже сознательно испытывая противника, мы с товарищами иногда вставали перед атакующими и решительно шли вперед, и враг отступал. Это стало нашим надежным приемом обороны, который мы использовали на Крестовом.

Психологический закон боя действовал не только на земле. Трижды Герой Советского Союза Иван Никитович Кожедуб, возвращаясь после выполнения боевого задания на подбитом самолете без боезапаса, был атакован гитлеровским истребителем. Фашист скоро понял, что наш летчик не может принять бой, и сбивать его не торопился, а просто сопровождал к линии фронта. Кожедуб предполагал, что последняя атака будет именно здесь, на глазах у наших и фашистских войск. Выбрав момент, Иван Никитович развернул и бросил свой израненный самолет в лобовую атаку на врага...

В первый раз это решение подсказало безвыходное положение. Но постепенно накапливался опыт, приобретались знания, познавались законы боя, и в дальнейшей борьбе лобовая атака становится одним из излюбленных боевых приемов Кожедуба, основанных на психологическом превосходстве над врагом.

Отряд, в котором я начал боевой путь рядовым разведчиком, а закончил командиром, имел большие боевые заслуги, чему немало способствовала исключительная физическая выносливость наших разведчиков.

Однажды нам была поставлена задача взять пленных с прибрежной дороги в Северной Норвегии. Воздушная разведка засекла там большое передвижение войск, и для уничтожения цели этого передвижения нужны были «языки». Задача усложнялась тем, что переброска немецких частей производилась только днем, под прикрытием береговых батарей и авиации.

Мы вышли на торпедных катерах засветло, делая вид, что ведем поиск кораблей противника. Мы подсчитали, сколько времени затрачивают автоколонны на переход от одного пункта до другого. Было установлено, что одна из автоколонн придет в пункт назначения Вадсе, когда уже будет темно. Чтобы обмануть противника, катера легли па обратный курс. Лишь когда стемнело, мы повернули в район Вадсе.

Погода ухудшилась. Появилась крупная волна, и катера не сумели подойти к побережью. Разведчики высаживались на маленьких надувших лодках, потратив на это много времени. Чтобы успеть перехватить автоколонну, надо было быстро добраться до дороги, а путь к ней по прямой - три с лишним километра. Мы бросили рюкзаки, лишнюю одежду и с одним оружием и боеприпасами по глубокому снегу побежа-**1ш** к дороге. Не каждый человек способен выдержать такую нагрузку.

Двадцать минут шла схватка. Мы разгромили штаб зенитного полка и караульную роту, захватили пленных и всю штабную документацию.

На побережье поднялась тревога. К месту боя потянулись немецкие подкрепления, и нам вновь пришлось по глубокому снегу, с пленными и большим грузом добираться до берега. На своих маленьких лодчонках, почти вплавь мы наконец достигли катеров.

Гитлеровцы писали потом в своих сводках, что русские высадили крупный десант, но «доблестными войсками фюрера десант был частично уничтожен, частично сброшен в море». Фактически же в бою участвовали тридцать три разведчика, и все они благополучно вернулись на базу.

Пока возвращались, остаток ночи и все утро следующего дня море штормило. Мы скалывали лед с надстроек и палубы, откачивали воду ведрами, а ведь мы были полураздеты, так как вся одежда осталась па побережье. Около двенадцати часов вернулись домой, а через час уже участвовали в соревнованиях - в лыжной эстафете, и одна из наших команд заняла первое место. Не потому, что у нас собрались лучшие лыжники флота - в других командах тоже были отличные спортсмены, а потому, что общая физическая подготовка разведчиков, их воля к победе были очень высокими. Мы умели в любых условиях бороться до последнего дыхания.

Таким людям никакой противник не страшен. Мы тоже боялись, но боялись не врагов, а того, что нас могут обнаружить раньше време-

ни и открыть огонь. Но если мы добирались до врага вплотную, то были уверены, что самое большее, на что способен враг, - защищаться. Это укрепляло нашу волю, и мы действовали уверенно.

Исключительную физическую выносливость продемонстрировали разведчики нашего отряда в период освобождения Северной Норвегии. Нам нужно было разведать обстановку в районе того же города Вадсе, на полуострове Варангер. Для выполнения задания предусматривалось выбросить группу разведчиков в глубине полуострова для уточнения общей обстановки, а через сутки высадить с торпедных катеров часть отряда в районе мыса Комогвер, куда к тому времени должны были подойти и парашютисты.

Нам не везло с погодой. Был сильный ветер, и разведчики-парашютисты сильно побились. Они даже не сумели собраться все вместе. Три разведчика добрались до Вадсе, а потом, не имея связи, перебрались в Киркенес, уже освобожденный нашими войсками, и оттуда мы получили их сообщение. От другой части группы мы получили радиограмму, вернее несколько слов, из которых стало ясно, что они в неважном положении, и рация работу прекратила. Нужно было немедленно идти на поиски.

Мы высадились уже через двое суток в намеченном районе и направились к району приземления парашютистов. До этого района от Комогвера примерно тридцать пять километров, без дорог, по сопкам и болотам — маршрут очень тяжелый. На переход у нас ушло часов шесть, а остаток светлого времени мы затратили на поиск разведчиков. Только в сумерках нам удалось обнаружить основную группу, за исключением командира группы капитана третьего ранга Лобанова.

С рассветом разведчики продолжали поиск. Лишь около пятнадцати часов удалось найти Лобанова, но он был мертв. Лобанова похоронили на норвежской земле с воинскими почестями, а в семнадцать часов взяли курс к Комогверу. Туда мы прибыли через шесть часов. Нас очень тепло встретили местные жители, угощали сигаретами, молоком, приглашали в свои дома. Я дал указание разместить разведчиков на отдых, но в 23.40 получил радиограмму от командующего флотом адмирала Головко, в которой говорилось: «В 12.00 доложить обстановку в районе Варде».

От Комогвера до Варде больше 70 километров, и пройти их нужно за 12часов. Отдых пришлось отменить. Путь туда лежал по прибрежной

дороге с большим количеством мелких, но бурных речушек, которые приходилось форсировать вброд - мосты фашисты взорвали. Мы миновали много населенных пунктов, где нас тепло встречали норвежцы, просили остановиться, предлагали угощение, но мы, голодные, уставшие, отказывались от их гостеприимства и упорно шли вперед.

Часам к десяти мы добрались до укрепленного района Киберг, рассчитывая вступить здесь в бой с фашистским гарнизоном. Однако фашисты отступили из Киберга без боя.

Следом за нами шла группа молодых норвежцев, которая увеличивалась в каждом населенном пункте. Но быстрее, чем мы шли, бежали слухи о нашем появлении на полуострове Варангер. И эти слухи, которые бежали впереди нас, в каждом населенном пункте, обрастая новыми легендами, увеличивали состав нашего отряда. В районе Киберга нас уже именовали «бригадой черных дьяволов», и враги отступали еще до нашего подхода.

Город Варде расположен на острове, отделенном от материка узким проливом. Гарнизон Киберга отступил к этому проливу, и нам было очень трудно добраться до этого района. Норвежцы, которые были связаны с патриотическими силами города Варде, сообщили, что фашисты готовят город к взрыву, и просили нас помочь спасти город. Мы взяли у норвежцев большой мотобот и вышли в море. Высадка на остров была произведена со стороны моря. Здесь нас никто не ожидал. Как только мы начали движение к городу, создав на страх врагам приличный шум, фашистские вояки, до которых уже дошел слух о «черных дьяволах», бежали на материк. Город оказался в наших руках.

Ровно в двенадцать часов командующий флотом получил радиограмму, в которой говорилось, что наше место - город Варде. Адмирал Головко посчитал, что в радиограмме допущена ошибка, он не мог поверить, что за этот сравнительно короткий промежуток времени мы сумели не только добраться до города, но и занять его. Адмирал приказал повторить радиограмму. Лишь после второй, более подробной, он тепло поздравил нас с большим боевым успехом.

Прошло пятьдесят пять часов с момента нашей высадки до прихода в Варде. За это время каждый разведчик под дождем и снегом прошел около двухсот километров, причем большую часть пути по сопкам и болотам, имея за плечами груз не менее двадцати пяти килограммов.

а ведь это очень большая нагрузка, но разведчики выдержали. Такой физической выносливости, такой воли могут позавидовать и спортсмены в ранге чемпионов.

...Суровым заполярным вечером маленький катер пробирался в тыл врага. Тяжелые волны Баренцева моря бросали его, как легкую скорлупку, и морякам с большим трудом удавалось удерживать корабль вблизи каменистого берега, кишевшего фашистами. Наконец, выбрав наиболее подходящий момент, командир скомандовал: «Подать сходню».

Два торпедных катера под командованием капитан-лейтенанта Александра Осиповича Шабалина вышли в море с задачей высадить разведчиков в Северной Норвегии. Неожиданно катера встретились в море с конвоем противника. Как и надлежит поступать в таком случае, катера пошли в атаку. Транспорты, идущие в конвое, хорошо охранялись. Помимо крупных кораблей в охранении было много катеров-охотников, которые имели примерно равный ход с нашими, а вооружение — гораздо мощнее.

Несколько раз выходили торпедные катера в атаку, но успеха не имели. Сплошной стеной на их курсе появились охотники врага. Ветер трепал черные косицы дымовых завес, поставленных и нами, и фашистами. Нередко, выскакивая из дыма, противники оказывались друг от друга на расстоянии не более пятидесяти метров... Казалось, пробиться к транспортам и крупным боевым кораблям и атаковать их совершенно невозможно.

Разведчики находились в кубрике, на верхней палубе был только я. Вдруг меня вызвали в кубрик, и ребята спросили: «Что творится наверху?» Я проинформировал их о ходе боя, и тут краснофлотец Федор Падерин заявил:

— Товарищ командир, а если нас выпустить на палубу? Мы, пожалуй, на таком расстоянии задавим артиллерию фашистских охотников!

Предложение было заманчивым. Орудия на катерах-охотниках стояли открыто на палубе, и сами артиллеристы были беззащитны.

Шабалин не сразу согласился на такую помощь разведчиков.

— У них очень сильное оружие, они уничтожат нас всех на палубе, — сомневался командир.

— Товарищ капитан-лейтенант, — смело вступил в разговор старшина второй статьи Саша Манин, один из разведчиков, которых я

и 1ч II с собой из кубрика на палубу, - да мы сметем их всех с верхней палубы как метлой, если вы сумеете сблизиться с каким-либо охотником мс г ров на сто.

Ну что ж, - согласился Шабалин. - Добро!

Катер вновь пошел в атаку. Разведчики мгновенно оказались на палубе. Они стояли на коленях, пока мы шли в дыму, готовые открыть огонь с того борта, откуда появится корабль врага. Как только мы вы.....и на чистую воду, то буквально нос к носу сошлись с противником. Расстояние между катерами было не более семидесяти метров. Фашист пытался лечь на курс, параллельный курсу нашего корабля. Но не успел он выполнить маневра, а артиллеристы развернуть орудия в п.пну сторону, как застрочили автоматы и пулеметы разведчиков. (I > второго катера, который шел нам в кильватер, разведчики, поняв наш маневр, через несколько секунд тоже открыли ураганный огонь. С палубы фашистского охотника действительно все было сметено как метки i. Досталось и мостику. Вероятно, был убит рулевой, и катер резко покатился влево. В это время из дыма выскочил второй его собрат И, не успев сманеврировать, наскочил на подбитый корабль. В охранении конвоя образовалась брешь. Даже не открывая огня, Шабалин скомандовал: «Строем — уступ, через дымовую завесу — в атаку».

Когда катера прошли полосу дыма и оказались на чистой воде, lux ь конвой был как на ладони. Фашистские боевые корабли, развивая максимальный ход, устремились навстречу двум маленьким торпедным катерам. Но было поздно. Четыре торпеды уже шли к цели, а наши торпедные катера скрылись в дымовой завесе. Атака была Красиной, четкой. Баренцево море навечно похоронило большой транспорт п миноносец врага.

Конечно, и сами торпедные катера были сильно потрепаны. Не обошлось и без жертв. Из разведчиков погиб Федор Падерин, тот самый, который предложил в морском бою использовать оружие разведчиков. Выжимая последние возможности, преследуемые морскими охотниками врага, наши корабли тянули, как могли, на свою базу - на Рыбачий и дошли под прикрытием наших береговых батарей. Дальше преследовать противник побоялся.

Мы искренне радовались победе, одержанной в очень трудном морском бою, и переживали потерю прекрасных боевых товарищей.

Наша победа была рождена патриотизмом воинов, их готовностью отдать свою жизнь за Родину, за победу, войсковым товариществом, дисциплинированностью, творчеством, умением мастерски владеть своим оружием, а также железной волей.

Мы видели, как важна в бою широкая инициатива. Не менее важное значение имеет и находчивость воинов. Приведу интересный пример из практики летчиков-североморцев.

...Самолет-торпедоносец, израненный, без боезапаса, возвращался после выполнения боевого задания на свой аэродром. Уже на подходе к нашей территории он встретился с истребителем врага. Фашист пошел в атаку. Но провел ее неуверенно, вероятно, сам побаивался огня торпедоносца. Успеха он не имел, но понял, что торпедоносец огня не откроет. Некоторое время на большой скорости он кружил вокруг нашего самолета, а потом ринулся в решительную атаку. В это время стрелок-радист, имея у себя две или три ракетницы, начал палить из них ракетами в фашиста. Тот не выдержал. Не поняв, что за оружие использует советский самолет, он свечой ушел вверх. Наш самолет прижался к воде, дотянул до зоны действия своих зенитных батарей и вскоре благополучно сел на свой аэродром.

Если в бою из ста шансов есть хотя бы один обещающий тебе успех, нужно бороться за этот шанс до последнего дыхания. Если у тебя есть все качества, нужные для боя, и если ты избежал ошибок в своих действиях, то ты сумеешь использовать его и добьешься успеха. Для этого, безусловно, нужна несокрушимая воля.

...Корея. Только что закончился бой. Мы вышли за населенный пункт на сопку, разместили раненых у жителей корейской деревни. Решили немного отдохнуть. На товарищей моих было тяжело смотреть. Под палящими лучами солнца, в непрерывных атаках, схватках, маневрах - нагрузка адская. Чтобы снять физическую и нервно-психическую нагрузку, пришлось заняться анекдотами, и вдруг встает наш секретарь партийного бюро сержант Козлов и заявляет:

— Вы все смеетесь, а никто не подумает, где бы переодеться сейчас.

— Чего это тебе приспичило? — спросил его Колесов.

— Не догадываешься? — вставил Барышев. — Человек в гости собрался.

В гости, — улыбнулся Козлов, — посмотрите на меня...

быстрым движением он скрестил руки на груди, и рубашка лопну-
'U па спине, как простая бумага, — настолько густо она была пропитана солью. Мы осмотрелись, оказалось, все разведчики стояли в изоцранных рубахах. Громкий смех вернул нас к действительности.

Да, — заявил Иван Иванович Гузненков, — вид у нас, братцы, даиско не свадебный. Но где же взять нам обмундирование?..

Вскоре мы получили радиограмму с приказанием очистить рыбIII.iii порт и обеспечить высадку бригады морской пехоты. И снова ата**ка,** снова бой. Мы ворвались в город. С неимоверным трудом пробились к металлургическому заводу, который находился рядом с портом, по дальше продвигаться уже не могли. Враг лавиной лез на завод. (агрживать натиск было почти невозможно. Но мы держались. Потоки что было надо. Это слово всегда руководило нашими действиями и боевыми поступками.

Вдруг в залив вошли наш фрегат и тральщик. Старшина первой статьи Семен Агафонов, бывший кок с подводной лодки Щ-401, забрался на крышу завода и по семафору попросил проложить нам огнеHYio улицу от завода до порта. Мы шли среди разрывов и горящих домов до самого моря. А там опять атаки, схватки, опять тяжелое испыi.iiiiie. И все-таки мы очистили порт, подготовили плацдарм. Ночьбыla страшной. Японцы били со всех сопок, окружавших порт, из всего своего оружия. Но мы выдержали до рассвета, когда подоспела наша оршада морской пехоты.

i i о т о м мы сидели на причале и блаженно дремали. Кое-кто не мог от перенапряжения спать — такие перешучивались. В это время корейцы привезли наших раненых, которым они оказали максимально возможную помощь. Краснофлотцы весело улыбались, довольные корейским гостеприимством.

Я сидел и думал, какое большое, просто непомерное испытание выдержали ребята, а скажи им сейчас, что враг перешел в наступление и нужно идти в атаку, - пойдут! Пойдут и не дрогнут. И сил хватит, и пуха. Вдруг я услышал голос:

- Товарищи, где мне найти Леонова?

Я ответил не оборачиваясь:

Он ушел в увольнение, часа через два-три будет.

- Я серьезно спрашиваю, товарищ солдат, — повторил тот же голос.
- А я серьезно отвечаю. Ушел на свидание.

Человек долго молчал, а потом вдруг во всю мощь своих легких заорал:

- Виктор, это ты, бродяга? В какую ты дрянь вырядился! Да тебя мать родная не узнает!..

Я открыл глаза. Передо мной стоял капитан-лейтенант Владимир Михайлин, командир фрегата, мой друг по Северному флоту. Когда мы перестали тискать друг друга, я сказал, извиняясь:

- Прости, Володя, видно, я просто устал...
- Вставай, вставай! Пойдем на корабль скорее. Мы тебя там накормим, напоим, отмоем, переоденем. О боже мой, на кого ж ты похож в своей хламиде. И орлов своих немедленно переправляй на корабль. Мне приказано доставить вас во Владивосток.

Позже, уже на корабле, он спросил меня:

- Скажи, друг, трудно было?
- Выдержали, — ответил я сквозь сон.

А что скажешь... Действительно выдержали. Но какой ценой?

Как-то я беседовал с Героем Советского Союза полковником Губановым, командиром истребительного авиаполка Северного флота. Он рассказал мне об одном воздушном бое, длившемся около двух часов. Его друг — летчик-богатырь — не смог вылезти из самолета, когда приземлился. Врачи проверили его, и что же? За эти два часа он потерял в весе восемь килограммов! А сколько теряли наши ребята за один только бой? Как там, в Корее? Не знаю. Много. Но выдержали!

Теперь можно иногда услышать, что в атомный век физические силы не ценятся - все делает техника. Война, дескать, если ее развяжут империалисты, будет кнопочная. А для решения таких задач, мол, голова нужна, а не мускулы. Что ж, голова - хорошо, и техника, и кнопки — тоже хорошо, но у нас говорят: «Прежде чем кнопку нажмешь — пять раз тельняшку выжмешь». Скажу прямо: есть основания так считать. С ростом техники увеличивается быстрота действий человека, требуется мгновенная реакция на быстро меняющиеся события, на показания приборов. Попробуй выдержи, если ты слаб! Нет, не устарели и в наш атомный век слова простого, но мудрого изречения: «В здоровом теле — здоровый дух».

«НЕТ УЗ СВЯТЕЕ ТОВАРИЩЕСТВА»

Самым страшным днем в моей боевой биографии был день 29 июня 1941 года. Наш отряд должен был разгромить опорный пункт врага на мысе П икшуев и обязательно захватить пленных. Особая группа разведчпков, в которую входил и я, под командованием старшего лейтенанта Клименко уходила в район населенного пункта Титовка с целью задержать помощь, которую противник, безусловно, должен был послать из крупной базы Титовка своему гарнизону на опорный пункт Пикшуев.

Мы торопились, поскольку у нашего отряда был более длинный **путь.** На пути к Титовке попадались наблюдательные посты, мелкие заставы да и просто патрули врага. Иногда нас обнаруживали, приходилось вступать в схватки. В одной из таких схваток я был ранен, автоматная очередь прошила ступню правой ноги. Группа еще не выполнипа задания и должна была продолжать путь, а я остался один. Нет, товарищи меня не бросили, просто я заявил, что в состоянии один добраться до Пикшуева, к основной части отряда, и никто не знал, в том числе и я, что в ступне три перелома.

Шел я медленно, выбирая наиболее ровный путь, используя винтовку как костыль, аккуратно ставил пятку раненой ноги на землю. Но гонки, камни, канавы, кусты — это не асфальт, и я невольно иногда цеплял за что-то ступней. Казалось, что в этот момент нога попадала в кипяток, а в мозгу проскакивал заряд тока. Была такая страшная боль, от которой кружилась голова. Все мысли мои были сосредоточены на том, как бы меньше тревожить больную ступню.

Но человек привыкает ко всему, и к боли тоже. Видимо, привык немного и я. Уже не такой резкой казалась боль, она стала ноющей, терпимой, я почувствовал облегчение, стал внимательней присматриваться к местности. И вдруг неожиданный треск, как будто сломали еухую ветку. Я вздрогнул, присел, осмотрелся кругом, но все было ти**чо.** Тогда появилась первая мысль: «Ведь я один, враги уже обнаружини меня, следят и готовы схватить...» Стало страшно, это начало давить на мою психику так, что я забыл о боли. Показалось, что сбился с пути; каждый шорох, каждый далекий выстрел заставлял вздрагивать, нервы были напряжены до предела. Но я все же шел вперед. Наконец, выбрав подходящее место, остановился, передохнул, осмотрелся, на-

шел знакомые ориентиры и понял, что осталось преодолеть последнюю сопку, а за ней - Пикшуев. Ведь там еще один перевал, но на этом перевале должны быть радисты с охранением. Там свои.

Я поднялся с земли и внимательно осмотрелся, выискивая путь через сопку полегче, как вдруг заметил, что на сопке стоят какие-то серые фигуры. Они наблюдают за мной, шевелятся, а я стою во весь рост. Я бросился на землю, забыв о раненой ноге, скатился в канаву. Холодный пот выступил на лбу, во рту стало сухо, и тут же появилась мысль: «Погиб...» Я уже был уверен, что егеря бегут ко мне с сопки и вот-вот появятся рядом. Нужно готовиться к бою, а у меня винтовка, тридцать патронов, всего одна граната. Кто прикроет спину, кто поможет?

Но время шло, враги не появлялись, все было тихо. Я пополз в сторону, зная, что там маленькая сопка, обогнув которую, я сумею проскочить на Пикшуев незамеченным. Теперь путь удлинялся на три-четыре километра, но зато так было безопаснее. Когда я вылез из лощины и взглянул на эту маленькую сопку, то вновь увидел серые фигуры... Они двигались, махали руками, показывали на меня. В страхе я вновь скатился в лощину.

Я ползал между сопок, метался, искал проходы, но всюду натыкался на заслоны из серых фигур. Силы покидали меня, голова кружилась, хотелось лечь на землю и ждать конца. В отчаянии закрыл глаза. Много мыслей пролетело в мозгу, но навязчивее всех была одна: «Погиб, выхода нет, что делать?»

Действительно, выхода найти я не мог и решил, что если уж погибать, так с музыкой. Решил добраться до вершины сопки и дать врагам свой последний бой. От камня к камню полз я к верху, но вершины не видел, ибо опасался поднять голову, не желая, чтобы меня обнаружили раньше, чем я доберусь до врагов, но зато был уверен, что и они не ви-дят меня. В сознании затеплилась надежда, что, если сумею как следует «угостить» егерей, то, возможно, и перескочу через сопку, уйду и доберусь до Пикшуева. Эта надежда взбадривала меня, придавала сил, и я, сжимая в руке готовую к броску гранату, упорно продвигался вперед. Конечно, это легко сказать «вперед», я полз, то и дело цепляя разбитой ступней за кусты и камни, морщился от боли, скрипел зубами, но отступать от принятого решения не собирался. Наконец вот она — вершина! Ищу врагов, готовый обрушить на них всю мощь своего

весьма ограниченного огня. Но врагов нет, тишина, и только большие серые валуны, разбросанные по вершине сопки... Я упал в изнеможении на холодный гранит и просто заплакал, поняв, что одиночество | тродило у меня галлюцинации. Действительно, у страха глаза велики. 1>ольно, обидно, что столько сил и времени потрачено зря.

Поверив в благополучный исход перехода, пошел смелее и уже мало смотрел по сторонам. Вскоре добрался до горного перевала. Там бы-н и радисты, там была наша переводчица и военный фельдшер Ольга Параева. Она перевязала мне ногу, и с ней мы отправились догонять отряд.

Бой на опорном пункте начался, когда мы находились метрах в семистах от него. Ольга побежала быстрее, я ковылял сзади и видел, как под пулеметным огнем поднялся старший лейтенант Георгий Лебедев и бросился вперед, но упал, сраженный пулей врага. Мгновенно рядом с Лебедевым оказалась Ольга. Она подняла его голову, увидела прямое попадание в лоб, бережно положила голову на землю, встала во весь рост и, бледная, взволнованная, крикнула: «Ребята, погиб Георгий!.. Ребята!» И, больше не сказав ничего, бросилась к фашистским пулеметам. Мгновенно все разведчики во главе с Добротиным, руководителем всей операции, ринулись в атаку. Опорный пункт был разгромлен, захвачены пленные, но схватка была жестокой. Там свистели пули, рвались гранаты, там было страшно, там смерть была ближе, чем во время моего перехода к Пикшуеву. Но там были друзья, товарищи, там была уверенность, что тебя поддержат, выручат, и это снимало чувство страха. В атаке за опорный пункт действовал спаянный коллектив, а одному, без товарищей, очень тяжело. Одиночество страшнее смертельной опасности.

...Ольга, которая только что бесстрашно дралась с врагом, уже превратилась в заботливого «доктора». Она хлопотала возле раненых. Нею ночь перевязывала их, накладывала лубки, останавливала кровь, поила водой, не отходя от тех, кто был в тяжелом состоянии, до утра поролась девушка за жизнь боевых товарищей. А с рассветом, когда, подтянув резервы, фашистские егеря перешли в контратаку, она снова взяла в руки оружие и разила их, помогая товарищам удерживать опорный пункт.

Мы держались уверенно, но вскоре получили приказ отойти к побережью, где нас ожидали корабли. Раненых и пленных забрал мор-

ской охотник и ушел вперед. Отряд на мотоботах еще шел по Мотовскому заливу, когда четыре «мессера» неожиданно выскочили из-за сопки и атаковали почти беззащитные корабли. Появились убитые и раненые, майору Добротину пули угодили в обе ноги. Ольга поддерживала его у борта. Изрешеченный бот начал тонуть.

— Прыгайте, быстрее прыгайте, товарищ майор, иначе вас затянут водоворот! — кричала Ольга.

— Нет, дорогая, я уже не пловец, — отрешенно ответил майор. - Прыгайте все и быстрее к берегу! Ну, Ольга...

— Не могу оставить вас, давайте вместе, — со стоном вырвалось у девушки. — Доберемся как-нибудь...

— Я приказываю, прыгайте! — резко крикнул Добротин.

Тогда Ольга, собравшись с силами, столкнула майора за борт и прыгнула сама. Бот затонул. «Мессеры» перенесли огонь на пловцов, устремившихся к берегу. Под огнем врага, ныряя сама и погружая в воду майора, самоотверженно боролась Ольга за свою и его жизнь. Наконец она, смертельно уставшая, с трудом вытащила Добротина на берег, перевязала ему простреленные ноги и немедленно занялась другими ранеными. Откуда только брались у нее силы!..

Словом, в госпитале после этого похода нас набралось много. Мы ежедневно собирались в палате у майора Добротина и заводили немыслимые споры обо всем на свете. Но, безусловно, речь больше шла о войне, об отряде и товарищах, погибших и живых.

Как-то в разгар спора старшина второй статьи Степан Мотовилин решительно заявил:

— Все же, что ни говори, а война — дело мужское. Чего стоят одни только боевые походы! Страшнее всего терять друзей. Ей-ей, так и хочется зарыдать, когда видишь, как уходит из жизни твой боевой, а значит, самый надежный друг...

— А как же Ольга! — возразил Алексей Радыщевцев.

— Что Ольга?.. Конечно, в бою она проявила себя отлично, да надолго ли? Женщину в любую минуту могут подвести нервы.

Мотовилин хотел сказать еще что-то, но, заметив, что все улыбаются и смотрят чуть в сторону, взглянул туда же... За его спиной стояла Ольга. Она тихо вошла в палату и спокойно прислушивалась к нашему разговору. Смущение было общее. Мотовилин быстро

вскочил и предложил Ольге стул. Кивнув всем головой в знак приветствия, она спокойно села.

Майор, умышленно не замечая, что все притихли, сказал:

— Вы утверждаете, будто хорошо воевать могут только мужчины, война, мол, штука тяжелая, опасная и, прямо скажем, страшная. Каждый день, каждый час нужны крепкие нервы и сильная воля, то есть мужские качества. Трудно не согласиться. Но ведь воля-то обретается в борьбе, даже в песне об этом поется. Война... А с какой целью человек в войну вступил? Скажи, пожалуйста, Ольга, этим больным разведчикам, — обратился майор к Параевой, — зачем ты в отряд шла.

Не ожидавшая такого вопроса, Ольга, хотя и покраснела, ответила рассудительно:

— Я очень жизнь люблю, детей люблю, Родину люблю. Хочу счастливой быть. А фашист мне не позволяет. Вот и буду с ним до победы бороться. В отряд пришла потому, что считаю — именно здесь могу больше всего принести пользы Родине.

— Вот на чем стоит воля! — подхватил майор. — Оля настоящая патриотка. Такая никогда не дрогнет. Уверяю вас: Оля сумеет воспитать в себе все качества, необходимые на войне настоящему воину. Возможно, мы и не взяли бы Ольгу в отряд — она «не показалась» нам. Но хорошо знает финский язык, пришлось выбрать ее. Как видите, мы не ошиблись. Первый экзамен на мужество она сдала отлично.

Нашу беседу слушали многие раненые. Подошел и лечащий врач. Улучив минуту, он спросил Ольгу:

— Мы с коллегами заинтересовались вашей работой. Очень грамотные перевязки, не всякий медик сумеет сделать их в полевых условиях. Где вы учились?

— Готовилась к войне. Закончила одни курсы, потом вторые. Осоавиахим все дал, — улыбнувшись, ответила Ольга.

Может, покажется странным, но эти госпитальные беседы выкристаллизовали впоследствии мерку отбора разведчиков в отряд. Не сразу, конечно. Определенная система проверки людей сложилась в долгих поисках, которые не были свободны от ошибок и даже казусов.

Вот об этих нелегких временах я и хочу рассказать подробнее.

Майор Добротин в отряд не вернулся. Нагрузки, которые приходилось выдерживать нашему отряду в сопках Заполярья, ему после ра-

нения ног были непосильны. К руководству отрядом пришли другие люди, не отличавшиеся избытком военного опыта.

Помню середину весны 1942 года. Наше командование предприняло попытку разгромить одну немецко-фашистскую группировку на мурманском направлении. Вместе с другими войсками должна была нанести удар по врагу бригада морской пехоты. Отряду предстояло обеспечить ее высадку - прорвать оборону врага и молниеносной атакой захватить господствующую высоту, закрепиться на ней, тем самым сковать силы противника, оттянув их с побережья на себя.

Высаживались ночью с боем. Наши корабли обстреливали побережье, фашисты били и по кораблям, и по месту высадки. Однако все обошлось сравнительно благополучно. Отряд быстро продвигался к намеченной для захвата высоте.

Я командовал группой. Мы высаживались первыми с основной задачей - прикрыть движение отряда. Противник, не сумев задержать отряд у побережья, организовал яростное преследование. Ночью нам было легче. Маневрируя огнем с разных позиций, мы создали видимость, что нас много, и враг осторожничал. Зато днем стало хуже. Обнаружив свою ошибку, преследователи решительно бросились в атаку.

Проскочив одну долину и взобравшись на гребень, мы решили как можно дольше запереть егерей внизу, тем самым дать возможность отряду оторваться. И тут я увидел поразительную картину. Еле шагает, далеко отстав от ядра отряда, разведчик Павел Барышев. На шее автомат, на плече винтовка, на руках же, почти не шевеля ногами, висит его сосед Бибиков.

Я догнал их и с тревогой спросил:

- Павел, что, ранен?

- Да нет, идти сил нету, - со злостью ответил Барышев. - А командир приказал не оставлять его. В крайнем случае вы поможете.

- Нет, Паша, - твердо ответил я, - мы не поможем. Видишь, егеря уже спускаются в долину. Сейчас мы огнем прижмем их к земле - пусть на брюхе переползают долину Потом станем бегом догонять отряд. Видишь, ребята уже поднимаются на высоту. Поэтому оставь его.

- А командир?..

- Здесь я командир. Приказываю оставить! Бегом догоняй отряд и доложи командиру обстановку.

Как только Барышев повернулся к высоте, Бибиков завопил:

- Паша, не оставляй меня... Я сам пойду...

Егеря были уже близко, и я поспешил занять свое место в группе. 11о успел заметить, что Бибиков резко рванулся вперед и вскоре даже обогнал Барышева.

Свою задачу группа выполнила, и мы присоединились к отряду, уже оседлавшему высоту.

Барышев, конечно, не доложил командиру о том, что ему пришлось тащить на себе Бибикова, - тот умудрился прибежать на сопку первым, и едва ли кто-нибудь поверил бы разведчику. Это меня страшно возмутило, и я обо всем поведал Николаю Аркадьевичу Инзарцеву нашему командиру. Тот приказал позвать Бибикова. Разведчик явился бодрый, веселый, хотел отрапортовать командиру, но, увидев меня, стушевался.

- Вы что ж, товарищ Бибиков, решили испытать Барышева на прочность? - строго спросил Инзарцев.

- Нет, товарищ командир, я плохо себя чувствовал...

- А потом?

Потом стало лучше.

- Настолько, что вы опередили измотанного Барышева? Вы зачем пришли в отряд?

- Воевать, товарищ командир, — пролепетал Бибиков.

- На чужих плечах?.. Так не воюют. Родину надо защищать собственной грудью. Как Барышев, как другие разведчики. Ладно, идите па место. Договорим потом.

Положение отряда в окружении все осложнялось и стало критическим. В этот момент командир приказал мне и еще двум разведчикам проскочить через окружение, добраться до ближайшего батальона морской пехоты и попросить помощи. Используя один из частых снежных зарядов, мы двинулись вперед. Видимости - никакой.

Задачу, которая стояла перед отрядом, мы выполнили полностью. Отряд вернулся на базу. Были у нас раненые, были обмороженные. Но не было больше трусов.

Поскольку многие разведчики сильно пострадали в этом походе и уже не способны были выполнять задачи в тылу врага, предстоял отбор солидного пополнения. Встал вопрос: кого же брать в отряд? Совершенно четко прояснилось одно - хорошо работать в тылу врага могут

только люди, обладающие прежде всего сильной волей. Пришлось задуматься: откуда взять таких? И вообще, из чего складывается воля?

Этот вопрос обсуждался не только в отряде, им вплотную занимался военный совет, но пока что единых критериев не было. Первой ласточкой было предоставление отряду большей «автономии» в кадровом вопросе. В приказе командующего флотом так и говорилось: «Право подбора разведчиков отряда возлагаю на командира отряда». Но чтобы благоприятная возможность превратилась в действительность, как мы вскоре убедились, комплектовать отряд людьми, именно такими, какие нам нужны, можно только в одном случае: если мы будем готовить их сами. А ответ на вопрос - какие качества надо воспитывать у разведчиков - в первую голову дала сама жизнь.

В походе на мыс Могильный мы, пожалуй, впервые убедились, каким должен быть наш боевой разведчик. На самом мысе дрались всего пятнадцать человек, когда вместе с батальоном отошла большая часть отряда во главе со старшим лейтенантом Фроловым. Но три разведчика - командир группы старшина первой статьи Александр Никандров, краснофлотцы Горшков и Панов - не сумели пробиться на Могильный к тем пятнадцати и остались в сопках на подступах к мысу. Когда Панов предложил отходить, чтобы не отстать от отряда, Никандров решительно отверг спасительную идею:

- Нет! Там, на Могильном, дерутся наши братья. Они еще живы, и мы обязаны помочь им. Погибнут они — погибнем и мы, но отомстим за них.

Я оставался в числе пятнадцати и видел, как они помогали нам. Постоянно меняя место, били егерей, атакующих нас с перешейка в спину. Кончился боезапас - они отнимали у врагов оружие и искусно использовали его. Отошли лишь тогда, когда мы, восемь оставшихся в живых, израненных разведчиков, вырвались наконец с мыса Могильного, и вместе с нами вернулись на базу.

Здесь было над чем поразмыслить! Группа Никандрова имела право отойти вместе с отрядом - никто не посмел бы упрекнуть ее в этом. Никандров решил остаться. Из чувства дружбы, товарищества? Однако у Никандрова и остальных двоих не было ни родственников, ни близких друзей среди пятнадцати оставшихся на мысе. Они сами потом говорили, что ими двигала любовь к Родине, готовность пожер-

I новать собой ради счастья родного народа, ненависть к врагу, желание остановить его. Безусловно, они надеялись на свои знания, на свое оружие, на собственную физическую выносливость и дисциплину. 11е жажда славы, а стремление выручить боевых друзей, помочь им выполнить главную задачу руководило ими в бою.

Пример Никандрова, впоследствии Героя Советского Союза, еще раз доказал, что главный критерий отбора в отряд — беззаветное чувство любви к Родине, к своему народу и необоримая ненависть к врагу. Такого человека можно было быстро закалить и укрепить физически, научить владеть любым оружием, внушить ему уважение к дисциплине, повиновению, исполнительности...

В дальнейшем мы старались понять, зачем человек просится к **11ам?** Что его влечет? То ли хочет воевать, как воюют лучшие разведчики, то ли тянется к славе? Кому же не приятно, когда ты идешь в морской форме по улице родного города и вся грудь у тебя звенит орденами, а то и Золотыми Звездами блестит? Что ж, желание заслужить орден - похвальное желание. Да вот беда, у многих претендентов складывалось наивное впечатление, что в отряде ордена дают как значки: сходил в поход — и получай.

Мы брали в отряд только тех, кто понимал, что разведка — это не романтика, а труд. Тяжелый и очень опасный воинский труд. Кто отлично понимал это и жаждал борьбы, кто сознательно шел к нам служить Родине на самом трудном участке борьбы с фашизмом, тот становился настоящим разведчиком, настоящим воином, вступал в семью отряда равноправным братом. Конечно, если у него были и соответствующие морально-боевые качества, влияющие на закалку воли человека.

Вновь возвращаюсь к бою на мысе Могильном. Там, для выполнения боевой задачи нам был выделен батальон морской пехоты. Разведгруппа, которой я тогда командовал и которая состояла из семи человек, должна была провести батальон к опорному пункту и первой ворваться в него, чтобы захватить пленных и документы. Остальным группам отряда ставилась задача прикрывать действия батальона.

Морские пехотинцы, недостаточно подготовленные к действиям в горных условиях и слабовато физически закаленные, лишь к рассвету добрались до места назначения. Встреченные артиллерийским и минометным огнем врага, они начали отходить к месту высадки.

Я лежал среди камней. Впереди была долина, за ней — опорный пункт. Притихшие разведчики с напряжением следили за мной, а я ждал сигнала к началу атаки, с болью думая, что мы теряем драгоценное время и можем понести лишние потери. Когда стало ясно, что батальон почему-то застрял (мы еще не знали, что он отходит), решил действовать, уверенный, что нас поддержат если не морские пехотинцы, то остальные наши разведгруппы.

Я не подавал команд, а просто поднялся и рванулся что было сил к вражескому укреплению. Все разведчики группы в ту же секунду бросились вперед. Другие группы нашего отряда тут же пришли на помощь. И задача наша была решена.

Нам нужно было возвращаться, но егеря уже заняли перешеек. Мы могли бы проскочить через их позиции, но у нас на руках был тяжело раненный младший лейтенант Федор Шелавин, командир одной из групп. Мы остались на мысе. Чтобы развязать нам руки, Шелавин пытался застрелиться. Я отобрал у него оружие.

У многих такое решение вызвало недоумение. Кое-кто считал, что для спасения людей и захваченных документов нужно было пожертвовать одним человеком. Но я до сих пор считаю, что поступил правильно. Оставить товарища на расправу врагам означало то, что была бы подорвана вера разведчиков в боевую дружбу, это лишило бы многих решимости, смелости — качеств, без которых нельзя воевать.

У нас в отряде каждый разведчик, отличившийся в бою, признавал, что это заслуга не только его, но и товарищей по оружию. Успех одного человека связывался с общим успехом отряда.

В бою каждый думал о том, как помочь товарищам выполнить поставленную задачу, облегчить их тяжелый ратный труд. Не случайно в народе говорится: «Один в поле не воин». Ведь как бы ни стремился человек отличиться перед другими, подвига он не совершит, если нет настоящей дружбы, полного доверия друг к другу.

Подвиг — дело коллективное, при этом кто лучше других подготовлен, тот и выполняет самую ответственную и самую опасную задачу. Однако чтобы он добился успеха, товарищи должны помогать ему, но они сделают это лишь тогда, когда будут полностью доверять ему. Тогда, рискуя собственной жизнью, они совершат все, чтобы он выполнил свою задачу, тем самым достигая успеха общего дела.

В бою, когда человек принял какое-то ответственное, рискованное решение и начинает его выполнять, считая, что его действия помогут осуществлению общего плана, он будет действовать уверенно, смело только тогда, когда верит в своих товарищей. Когда он знает, что все четко выполняют свои обязанности, и готовы в любой момент помочь ему, именно тогда он сможет сосредоточить все свое внимание на необходимых действиях. В этих условиях действия его будут четки, ошибки минимальны, и как результат — победа.

Если же в части нет настоящего войскового товарищества, нет дружбы, то действия человека в бою, даже принявшего какое-то смелое решение, не могут быть четкими. Действуя, он должен следить за товарищами, смотреть по сторонам, назад, отвлекаться: как они, что делают, помогут ли?

Для старых, повоевавших на своем веку солдат войсковое товарищество — понятие святое и нерушимое. И вдохновенную, как песня, гоголевскую строку «нет уз святея товарищества» многие из них могли бы поставить эпиграфом к своим боевым биографиям.

Меня часто спрашивают, каким чудом удалось мне уцелеть в многочисленных и опасных вылазках в тыл врага, какие таланты помогли мне. Неизменно отвечаю, что этим чудом, этим талантом всегда были окружавшие меня верные мои товарищи. Их постоянная готовность защитить, помочь, выручить и моя беспредельная вера в них придавали силы, бодрость, выдержку. Мои друзья — вот кому я обязан высокими наградами и самой жизнью.

Всегда буду помнить урок, который получил от своего подчиненного, разведчика Семена Агафонова. После победы над фашистской Германией меня перевели командиром такого же отряда на Тихоокеанский флот и разрешили взять с собой пятьдесят разведчиков-североморцев. Но желающих оказалось гораздо больше. Отказать кому-либо ехать со мной — значит обидеть... Как быть? Решил поговорить с теми ребятами, кто и воевал много, и наград достаточно имеет, что, мол, пора бы и об отдыхе подумать. Вызываю Семена Агафонова. Как-никак Герой Советского Союза, три ордена Красного Знамени, орден Отечественной войны... Советую ему готовиться к демобилизации. А Семен, наш легендарный разведчик, взглянул на меня так, что стыдно мне стало, и очень спокойно сказал:

— Я прошусь на Восток потому, что тебя и тех мальчишек из тихоокеанского отряда жалею. Они молодые, пусть не дети наши, а младшие братья, без боевого опыта, а японцы — это коварные, хитрые враги, они и тебе голову снимут, и мальчишек этих уложат много. А если рядом будем мы, знающие, как выполняются самые трудные задачи разведки, пользы больше будет, а главное, этих ребят в живых побольше останется. Им ведь жить надо! Жить, а не погибать. Разве ради славы воюем мы?

САМЫЙ ТРУДНЫЙ подвиг

Людей инициативных, находчивых уважают, ценят, им доверяют лучшую технику, трудные участки, неизведанные пути, на них надеются.

В годы войны таким поручали самые трудные, самые опасные задачи, и они с честью выполняли их, проявляя инициативу и находчивость.

Но надо подчеркнуть, что чем труднее становится действовать, чем больше усложняется обстановка, тем острее должен работать ум воина. Если он держит в поле своего зрения всю цепь развивающихся событий, то всегда найдет недостающее звено.

В свое время разнеслась молва, будто «Леонов с десятком разведчиков в порту Вонсан создал видимость окружения трех с половиной тысяч японских войск и взял всех в плен». Когда я услышал об этом, мне стало стыдно. Ведь вот как можно извратить конкретный боевой эпизод! Ведь как ни старайся, десять человек никак не сумеют создать видимость окружения трех с половиной тысяч вражеских войск, а потом захватить их в плен.

Да, это был настоящий психологический бой, который решил судьбу японской воинской части.

Расскажу о нем подробнее, ибо он весьма поучителен.

В корейском порту Вонсан был высажен наш десант: около двух тысяч морских пехотинцев. Они заняли часть порта. Японцы же в районе города располагали войсками численностью более десяти тысяч

человек. От боевых действий японцы уклонялись, но и не капитулировали, хотя, как нам было известно, указ о капитуляции японский император уже подписал. Создалась непонятная напряженная ситуация. Чтобы прояснить обстановку, наш разведотряд перешел к активным действиям. Мы разрушили железнодорожное полотно, лишив тем самым японские войска возможности отхода, захватили и отправили на свой корабль офицеров из состава командования гарнизона во главе с начальником гарнизона полковником Тада и командиром военно-морской базы адмиралом Хори. Выяснили план японского командования. Он сводился к тому, чтобы, как только все их войска будут сосредоточены непосредственно у порта, атаковать и уничтожить десант, мхватить наши корабли, стоящие у причалов, и морем уйти в метрополию. Об этом я доложил командиру десанта капитану первого ранга (туденичникову.

— Действовать надо немедленно, — сказал он и отдал приказ нашей разведгруппе принудить к капитуляции гарнизон аэродрома, котрый находился на другом берегу вонсанской бухты. В гарнизоне ••том было больше трех тысяч солдат, а моих разведчиков — всего 140 человек.

До нас на косу, где располагался аэродром, безуспешно пыталась высадиться рота морской пехоты, поэтому мы вышли на торпедных катерах с зачехленным оружием, на малом ходу, делая вид, что никаких агрессивных намерений в отношении аэродрома у нас нет. Нам было хорошо видно, что у причалов аэродрома установлено много пулеметов и безотказных орудий, однако нас это не смущало. Мы понимали, что первыми японцы огня не откроют — огонь мог быть открыт только по сигналу начальника гарнизона, а он был в наших руках.

Когда до причалов оставалось метров пятьсот, катера дали полный ход, идя на них прямым курсом. Японцы засуетились, забегали у орудий, не понимая наш маневр. А когда до берега осталось совсем немного, головной катер сделал резкий поворот и, почти касаясь бортом причала, стал уходить в море вдоль косы. Этот маневр проделали все восемь катеров.

Здесь требуется небольшое пояснение: катер, идущий полным ходом, тянет за собой приличную волну, и эта волна, при резком повороте, катится прежним курсом, сметая на своем пути все, что плохо зак-

реплено. И вот восемь волн, одна за другой, обрушились на низкий причал. Матросы хохотали, глядя, как японцы барахтаются в воде, цепляясь за что только можно уцепиться, и кричат, размахивая руками.

Мы прошли мимо взлетной полосы, перерезавшей косу поперек. Дальше - пляжные места, отмели - подойти нельзя. На другой стороне косы — цистерны с горючим, склады боезапаса, продовольствия, обмундирования.

Мы высадились на берег. Теперь мы могли действовать в непосредственном расположении противника. Наша оборона была надежной. Впереди ровное летное поле - просто так к нам не подберешься, за спиной - торпедные катера, и на каждом по восемь крупнокалиберных пулеметов. Что же предпримет противник?

На летном поле появились грузовая и легковая автомашины, направлявшиеся к нам. Из легковой машины вышли пять офицеров, из грузовой два солдата вытащили стулья. Пригласили нас сесть в весьма вежливой форме, с улыбками и поклонами. Сесть мы отказались, и я сразу спросил:

— Когда вы думаете сдаваться?

Старший из офицеров, майор, ответил:

- Я не имею полномочий вести переговоры о капитуляции, такие переговоры нужно вести с начальником аэродрома. Он в штабе и ждет вас.

Как поступить? Отказаться - будет бой, и он обязательно перекинется на борт, а положение нашего десанта тяжелое. Пойти - рискованно, однако смысл есть. Наверняка в ходе переговоров можно найти какой-то выход.

В штаб пошли десять человек, а основной отряд под командованием Героя Советского Союза мичмана Александра Никандрова остался на месте. По дороге к штабу японские офицеры вежливо проинформировали нас о мощности своей обороны. И хотя мы понимали, что это всего лишь психологический шаг, не скрою, захотелось повернуть обратно. Уж лучше бой. Там, по крайней мере, все ясно, а тут неизвестно, что выкинут самураи, когда мы окажемся в штабе... Но не в правилах разведчика менять решение, и, когда доехали до места, я уже твердо знал, что нужно делать.

Двух разведчиков я оставил для связи на улице, а остальные вошли в кабинет начальника аэродрома. Там было десятка два офицеров. Мы вежливо поприветствовали друг друга, сели, переговоры начались.

11 тут мгновенно пропали улыбки на лицах японских офицеров, а начальник аэродрома, полковник, сурово спросил:

- Где начальник гарнизона и командир базы?

Пришлось пойти на хитрость.

- Точно не знаю, но думаю, что наше командование пригласило их па наш корабль для переговоров о капитуляции.

- Надеюсь, они в безопасности?

- Безусловно, тем, кто добровольно вступает в переговоры, мы зла не причиняем, - спокойно заверил я.

Вопросы сыпались один задругам, и чем дальше, тем больше принимали они провокационный характер. Наконец мне это надоело, и я заявил:

- Мы пришли сюда не с целью спорить о том, у кого больше пушек, а с целью задать вам один-единственный вопрос. - И проскандировал почти по слогам: - Когда вы будете сдаваться в плен?

- Никаких оснований сдаваться нам нет, - рявкнул полковник, - v пас неравные силы. Пока не вернутся наши начальники, на эту тему разговоров быть не может.

- Жаль, - сочувственно сказал я, - а у вас, между прочим, могут изорваться цистерны с бензином - будет много огня... - И добавил с ехидцей: - Нам-то что, мы на катере уйдем, а что станете делать вы? Может, с собой вас прихватить?

- Этого не будет, - заволновался полковник, - решение принято. Всех вас мы оставим как заложников до возвращения начальства, а поискам своим (это 130 человек. - В.Л.) прикажите немедленно очистить аэродром, иначе все они будут уничтожены.

Полковник встал. Мгновенно вскочили все офицеры, пришлось подняться и нам. Я очень спокойно ответил:

- Уничтожить их очень трудно, они умеют хорошо драться.

- Это уже наша забота, - возразил полковник, - а вас прошу сдать оружие и пройти в другую комнату, там удобная мебель, будете отдыхать. Вернется наше начальство, вас отпустят.

«Прошу вас сдать оружие...» Я бы в подобной ситуации не просил бы, ; 11 iросго приказал разоружить. Почему же он просит? Он просто-напросто поится, боится смерти и знает, что в случае сопротивления каждый из нас прежде всего попытается уничтожить именно его, как самого главного.

Необходимо было доказать полковнику, что он будет уничтожен вместе со своими офицерами, прежде чем мы окажемся заложниками. Я стал говорить, заранее зная, что речи моей японцы не поверят, если товарищи не предъявят им убедительных доказательств. Говорил много и долго, через переводчика, а закончив свою речь, заявил:

- Пожалуй, мы готовы умереть. Но только после вас. Вот вы сейчас сдохнете все как крысы, а мы постараемся вырваться, а если и погибнем, то в бою, - это легче, чем быть заложниками и ждать, когда тебя повесят.

Тем временем мой заместитель Иван Гузненков открыл окно, показывая жестом, что тут можно прыгнуть. Андрей Пшеничных подошел к двери, закрыл ее на ключ, положил его в карман. Рядом с Андреем у двери встал, теперь заслуженный мастер спорта, богатырь Владимир Оляшев. Молодой разведчик, но уже Герой Советского Союза Митя Соколов тихонько проскочил мимо офицеров и встал за спиной полковника. Тот сразу забыл, где у него платок, и стал вытирать пот рукавом. Семен Агафонов демонстративно вытащил гранату и начал легонько, не торопясь, подбрасывать ее, как детский мячик. Японцы нервно закрутили головами - слушая меня, они в то же время старались следить за действиями других разведчиков. При каждой манипуляции Агафонова с гранатой они вздрагивали. В глазах у них был страх. Полковник сразу же сбавил тон и попросил перейти к переговорам.

- Мы согласны оформить решение и объявить его командирам частей, но для этого нам необходимо провести короткое совещание.

- Нет, - ответил я, - бумага у вас есть, чернила тоже, пишите приказ.

- Это будет формальная бумага, мы не сумеем довести ее до подчиненных, — возразил полковник.

- Ничего, - успокоил я его, - как-нибудь осилим эту задачу, был бы только приказ.

Приказ был подписан. Вручил его майору, который все время давал какие-то указания другим офицерам, и сказал:

- В окно видно летное поле. Как только ваши войска построятся там без оружия, а я получу сигнал от своих товарищей, мы вместе выйдем из помещения штаба.

Минут через сорок войска были выстроены, я получил сигнал от 11 икандрова, и мы вышли на улицу.

Солдаты были построены в колонну по четыре. Получилось (пшиком длинно. Чтобы не распылять силы конвоя, мы решили пере-
II роить этих вояк по восемь в ряд, но все равно конвоировать этакую процессию нам было не под силу. Тогда я приказал полковнику и майору сесть в легковую машину вместе со мной, остальным офицерам, которые были в штабе, в автобус, а войскам под руководством своих командиров и под нашим наблюдением двигаться до пункта назначения. Причем я предупредил, что, если хоть один солдат убежит, первым будет расстрелян полковник, потом майор, а затем и другие... Полковник вынужден был подчиниться. Более того, он сам объявил паше условие своим подчиненным. Таким образом мы и совершили марш к месту назначения.

Все сошло благополучно - сразу же после капитуляции гарнизона аэродрома началась капитуляции всего гарнизона Вонсана.

Итак, мы не создавали видимости окружения трех с половиной тысяч японцев и взятия их в плен. Как видите, в жизни все по-иному, пожалуй, даже проще - были бы рядом верные, надежные друзья.

Однажды мне довелось слушать выступление Ивана Ивановича I узненкова перед школьниками. В конце ему задали вопрос:

- Вот вы много воевали, много видели, скажите, а испытывали вы настоящий страх?

Гузненков долго думал и ответил так:

— На войне всегда страшно, можно сказать, в обнимку со смертью ходишь. Но самый большой страх я испытал в корейском порту Вонсан, когда мы брали в плен три с половиной тысячи японцев.

Ответ вполне закономерен. В бою человек до некоторой степеми подвержен азарту, он считает себя сильнее противника, он надеется победить, верит в поддержку товарищей. Ну а если он должен действовать, рассчитывая каждое слово, каждый шаг, зная, что малейшая ошибка может привести не только к твоей гибели, но к срыву всей операции, к гибели товарищей, находившихся в это время в порту! Эта ответственность как громадный груз давит на психику человека, и такую нагрузку может преодолеть только тот, кто имеет несокрушимую волю.

Самым трудным подвигом в жизни человека является его первый подвиг — воспитание воли. Потом, уже умея управлять собой, он смелее, увереннее идет на любой риск, берется за любое самое трудное задание. Разве не прекрасно стать сильным и мужественным человеком, разве это не счастье знать и любить свою Родину, жить для людей, участвовать в их борьбе за всеобщее процветание и прогресс?!

А разве в сегодняшней мирной жизни мы не стремимся к тому, чтобы рядом с нами жили и работали люди сильные, смелые, решительные, на которых можно положиться в трудную минуту? Безусловно, стремимся, ибо рядом с ними каждый чувствует себя увереннее и смелее.

ТАКИМИ ОНИ БЫЛИ

Михаил Колосов — один из наших разведчиков, простой парень. О нем не скажешь, что богатырь, и спортсменом не назовешь, но смышленый, шустрый и старательный. Ему, как и каждому, кто приходил в отряд, прежде всего нужно было воспитать в себе незаурядную силу воли, выработать те качества, от которых она зависит. Конечно, экзамены мы по всем этим качествам не устраивали, но сама жизнь, боевые походы определяли готовность человека к подвигу. Брали в тыл врага и молодых, малоопытных разведчиков, но им отводилась роль помощников нашим основным «солистам». Только тогда, когда мы убеждались, что человек способен самостоятельно решать боевые задачи в тылу врага, он мог рассчитывать на полное доверие. Колосов упорным трудом очень скоро выработал в себе необходимые разведчику качества. Он отлично прыгал с парашютом, не вздрагивал от неожиданного выстрела или взрыва, в схватках с врагом старался быть впереди. Все было хорошо. Колосов уже и награды имел, а вот такого случая, чтобы полностью развернуться, все не выпадало.

И вот однажды на одной из сопок наш отряд был окружен врагом. Но мы не волновались, так как все было рассчитано, и большой бедой нам это окружение не грозило. Неожиданно егеря сумели в одном месте прорвать нашу оборону. Чтобы сбросить их, пришлось стянуть там почти все наши силы, оставив на других направлениях только наблюдателей. Однако почти одновременно началась атака на противоположном склоне, самом дальнем от места схватки. Там было всего два разведчика, а помощь мы им оказать не можем. Атаку они отбили, но израсходовали весь боезапас. Один тут же побежал доложить обстановку, второй — Михаил Колосов - остался.

Егеря, вероятно, заметили уход одного разведчика, поднялись и устремились на сопку. Колосову нечем стрелять, а задержать врагов нужно. Тогда он поднялся во весь рост, на глазах у егерей забросил свой автомат в кусты, поднял руки и пошел навстречу противнику. Егеря бросились к безоружному разведчику, пытаясь захватить его в плен. Но самый резвый, подбежавший первым к Михаилу, получил такой удар, от которого оказался в глубоком нокауте. Винтовка фашиста оказалась в руках у Колосова, теперь он вновь вооружен, и, главное, самый опасный момент рукопашной схватки - сближение, когда противник может открыть огонь, им был выигран, да и ударом своим он сумел нагнать на них страху. Но врагов много, они не отступают. Когда, отбив атаку, мы прибежали к месту схватки, Колосов уже получил три удара штыком: в бедро, руку и глаз, но за это время он ухитрился убить восемь фашистских егерей, а остальные только и успевали защищаться от одного израненного разведчика. Я не скажу, что Михаил Колосов был одним из лучших мастеров рукопашного боя, нет, но этот его бой был настоящим подвигом.

Совсем иным был Сергей Бывалов. Мощный, угловатый, с виду неповоротливый — медведь таежный, да и только. Ему и личное оружие определили - пулемет. Бывалов, как и все, кто решил до конца связать свою судьбу с отрядом, упорно трудился, закаляя себя как разведчика. Сергей никогда не ныл, не раскисал, все трудности и опасности переносил спокойно. Но о нем говорили - хороший пулеметчик, и все. Да и где с пулеметом можно отличиться? Другие снимают часовых, дерутся врукопашную, а он только прикрывает действия товарищей своим огнем. Однако Сергей становился заметной фигурой, когда нам приходилось отбивать атаки егерей. Его уверенность, спокойствие хорошо влияли на разведчиков; будто шутя, но не без определенного смысла, они часто поговаривали: «Если Сергей с нами, врагам до нас не добраться, он их к нам не допустит».

Уже на Дальнем Востоке, в корейском городе Сейсин, мы попали в тяжелое положение. Нам предстояло занять один из трех портов Сейсина для обеспечения высадки бригады морской пехоты. Мы действовали решительно и сумели прорваться к центру города. Во многом этому успеху помог пулемет Бывалова. Сергей проявил очень большую активность. То он поддерживает атаку одной группы, и вдруг уже бьет японцев совсем в другом районе, потом в третьем - создалось впечатление, что у нас очень много пулеметов, и японцы дрогнули. А когда поняли, что нас мало, они попытались перейти в атаку, но им помешала наступившая темнота.

С рассветом мы решительно пошли на штурм центра города. Самый тяжелый бой завязался на шоссейном мосту. Японцы бежали на нас толпой. Здесь действовал закон стада. Передние падали от нашего огня, но под давлением массы по их трупам бежали другие. Дело дошло до рукопашной. Отчаянно труся, самураи часто падали, еще не получив удара, но их место занимали другие. Нам было тяжело. Разведчики, уничтожая врагов, вынуждены были медленно отступать. Положение усложнялось. Если бы японцам удалось вытиснуть нас с моста, они бы мгновенно заняли прилегающие к набережной дома, и отряд оказался бы в незавидном положении.

И тут на мосту появился Сергей Бывалов. Он встал во весь рост и в упор, короткими очередями начал расстреливать самураев из своего пулемета. Японцы шарахались от него как от чумы, падали, а он, поливая их свинцом, шел вперед, в самую гущу боя. Разведчики, пользуясь поддержкой его пулемета, стали бросать гранаты в середину толпы, сея панику среди тех, кто еще не видел результата схватки. Сергей стрелял расчетливо, экономя каждый патрон, но все равно боезапас кончился. Оцепеневшие японцы смотрели на Бывалова, ждали и, поняв наконец, что он не может больше стрелять, с дикими криками бросились на него. Тогда Сергей, схватив пулемет за ствол, стал им крушить, как дубинкой, ревущую толпу врагов. Японцы попятились, повернулись и бросились наутек. Атака врага была отбита.

Разведчики такой народ, что, если выпадет несколько минут передышки, они обязательно найдут причину для веселья. Кого-то разыгрывают, кого-то подначат, не обошли они вниманием и Бывалова. К нему подошел Агафонов с ведром воды и сказал:

— На, попей, друг, а то устал, наверное. Работал ты за целое отделение, вот и воды я тебе принес на все отделение, пей, мало будет — еще сбегаю.

- За воду, спасибо, дружище, - улыбаясь, ответил Сергей, - попью, а вот насчет отделения ты зря, простоялявсю войну, по врагу издалека стрелял, да еще лежа, силенки-то и накопились, а теперь война к концу, разрядиться нужно было, и вот постарался.

Очень интересным человеком был Володя Фатькин. Исключительно красивый рязанский парень, из культурной, обеспеченной семьи. До войны учился в институте, казалось, что в жизни он не испытывал трудностей. Однако родители его, врачи, понимали, что жизнь для Володи еще только начинается и вся тяжесть борьбы впереди. Они с детства готовили ею к этой борьбе, воспитывали нужные качества, закладывали фундамент воли.

Фатькин выгодно отличался от товарищей, с которыми вместе пришел в отряд. Хорошо физически развит, с достаточным запасом знаний, но был у него один существенный недостаток - он любил рисковать, иногда без должного расчета. Володя, если приходилось участвовать в схватке с врагом, всегда стремился быть впереди товарищей, прокладывать им путь к победе и болезненно переживал, если кто-то обходил его.

Однажды ночью мы пробирались через скалы в Северной Норвегии. На пути попался обрыв. Бегали и в одну, и в другую сторону, а конца обрыва нет, бросали камни, чтобы по звуку определить высоту обрыва, — безрезультатно. Я приказал всем снять рюкзаки и, цепляя их один за другой, спускать вниз.

Володя, стоявший рядом со мной, вдруг заявил:

— Не надо рюкзаков, я и так определю высоту.

Я хорошо знал его и резко ответил:

- Ты лучше отойди, не мешайся под рукой.

— Есть отойти! — крикнул Володя и тут же прыгнул вниз.

Не каждый человек способен на такое. Не зная высоты, не зная, что ожидает его внизу, Володя смог преодолеть себя и прыгнуть в черную бездну. Но все обошлось хорошо, и мы услышали голос Володи:

- Высоковато малость, но снег глубокий, рыхлый, прыгать можно.

Все прыгнули благополучно. Задачу мы выполнили, и пример Фаткина помог нам в этом. Он дал возможность сократить время на преодоление препятствия и увеличить время на подготовку к боевому заданию.

Но на базе у нас с Фаткиным произошел крупный разговор. Я спросил его:

— Когда, наконец, прекратятся твои художества? Поверь, мне уже наказывать тебя надоело.

— А что, - ответил Володя, - я в интересах всех, в интересах задачи.

— А если бы ты «в интересах задачи» сломал себе ноги, как бы выглядели мы и задача, которую следовало выполнить?

— Я бы немедленно застрелился, чтобы не связывать вас, — решительно заявил он.

— Ты, вероятно, считаешь это героизмом, но учти, — сказал я, — что такие герои мне не подходят. Я не люблю терять людей. Я выгнал бы тебя прямо сейчас из отряда, но надеюсь, что ты одумаешься, и оставлю. Однако с сегодняшнего дня будешь ходить в походы только рядом со мной. И если я замечу еще какие-либо твои выходки, выгоню из отряда немедленно и, кроме того, прошу запомнить, что я страшно не люблю, когда кто-нибудь суется вперед меня.

На том мы и порешили.

Однажды мы отходили после выполнения задания. Враги преследовали нас, однако активных боевых действий не вели — и у нас, и у них было мало боезапаса. Егеря рассчитывали нанести нам удар у побережья, когда мы будем перебираться на корабли. Но мы раскусили их маневр и рассыпались мелкими группами на широком фронте так, чтобы одна или несколько групп всегда могли угрожать противнику окружением, держа его в напряжении. Неожиданно ударили фашистские пулеметы с левого фланга, я поспешил туда, приказав Фаткину, с которым мы были вместе, отходить пока одному по намеченному маршруту. С пулеметами управились быстро, а когда я вернулся к Фаткину, то увидел, что он стоит без оружия с поднятыми руками, а перед ним два здоровенных егеря с винтовками наперевес на расстоянии штыкового удара. Сначала я ничего не понял. Ведь видел же я Фаткина, когда перед ним появлялось не два, а гораздо больше врагов, но он всегда стремительно атаковал, нанося резкие, смертельные удары, а тут вдруг поднимает руки, когда перед ним только двое.

Нет, Володя их не испугался. У нас иногда говорят, что человек, знающий приемы самбо или еще какой-либо подобной борьбы, легко и просто может разоружить своего противника. Это действительно легко и просто, когда схватка происходит в спортивном зале и невооруженный знает, что если у соперника винтовка, то она с эластичным штыком, если пистолет, то он не заряжен. Поэтому здесь выигрывает тот, кто лучше владеет техникой борьбы. А в бою? Там кто-то должен струсить — это неоспоримый закон войны. Двое вооруженных винтовками против одного без оружия, разве они струсят? Нет. Они знают свое превосходство и будут действовать решительно. Опытный боец без оружия тоже знает, что победить врага нельзя до тех пор, пока он не допустит ошибку. Но этого момента не обязательно ждать. Можно помочь врагу ошибиться. Для этого нужно заставить его думать так, как выгодно тебе, направить его мысли в нужное тебе русло.

Володя не просто стоял с поднятыми руками, он отступал, но отступал к громадной гранитной глыбе. Егеря видели это и, зная, что на нее все равно не забраться, заинтересовались, а что будет делать этот русский парень, когда он упрется спиной в гранит? Они ждали этого момента и не стреляли, чего больше всего боялся Фаткин. И вот идти дальше некуда. Володя изобразил на лице такую растерянность, что фашисты рассмеялись и стали показывать, чтобы он поднял руки выше. Вдруг Володя делает резкое движение вперед, и у егерей мелькает одна мысль: бросается, нужно бить, и оба одновременно делают винтовками резкий выпад. Это была их ошибка, которую Володя сознательно заставил их совершить. Если бы он действительно бросился на врагов в тот момент, он, безусловно, погиб бы, но он не сделал этого. Он заставил их ударить, а сам... Как шахматисты говорят, дальше дело техники. Удары были сильные, враги потянулись за своими винтовками и оказались вплотную с Володей. Винтовка здесь не оружие, а у Володи в руке оказался нож... Это были уже грамотные действия разведчика, где рассчитан каждый шаг, каждое движение. После того боя я назначил Фаткина командиром группы.

Прямой противоположностью Фаткина был разведчик Павел Барышев. Маленький, юркий, с вечно прищуренными глазами, с насмешливой улыбкой, балагур и злоязычник, он не пропускал ни одной ошибки товарищей. Подшутить, разыграть человека было его любимым занятием.

Помню, в одном из дальних походов через линию фронта лейтенант Федор Шелавин взял его к себе адъютантом. Когда укладывали рюкзаки, а груз был большой, Федор себе отобрал вещи объемом побольше, но полегче, а Барышеву отдал что поменьше, но тяжелее. Получилось, что у Шелавина рюкзак громадный, а у Барышева маленький, но зато вес оказался обратно пропорционален объему. Пашку это не устраивало, и он умудрился для восстановления равновесия подсунуть на дно рюкзака Шелавина два кирпича. Километров тридцать тащил Федор на себе эти кирпичи, все жалуясь, что рюкзак тяжеловат. Когда же на привале он догадался разобрать поклажу и обнаружил эти кирпичи, то больше получаса бегал с ними по лесу, разыскивая шутника, но тот своевременно скрылся.

Барышев, как и все, испытывал страх перед опасностью. Но если другие умели скрывать этот страх, то Павел и не пытался этого делать. Наибольшую растерянность он обычно проявлял до первого выстрела со стороны противника, а когда начинался бой, он немного успокаивался, но блуждающие взгляды по сторонам выдавали его состояние. Однако я ни одного раза не видел, чтобы Павел Барышев отступил перед врагом. Он был вместе с нами на мысе Могильном, где погиб его очень хороший друг Юрий Михеев. Павел плакал тогда, плакал, весь сжавшись в комок, но он, маленький и щуплый, нес на своих плечах по сопкам солидного, тяжелого, с перебитыми ногами Федора Шелавина. Что удивительно, Барышев не скрывал своего страха, но если кто-либо другой начинал разговор о слишком большой опасности, он беспощадно обрывал малодушного, предупреждая, что с таким настроением не место в отряде.

Один раз долго искали, где бы прихватить «языков», как на дороге показались машины, и я приказал взять хотя бы шоферов. Нас было мало, машины шли неплотной колонной, и так случилось, что Барышев оказался один на один с большим грузовиком, где в кабине сидели три егеря. Автоматной очередью Павел остановил грузовик, убив шофера и еще одного солдата, а третьему приказал вылезать. Егерь вылез, но, увидев, что перед ним всего-навсего один, раза в полтора ниже его мальчишка, поднять руки не пожелал и бросился на Барышева. А Павел ухитрился нанести ему такой удар в челюсть, что верзила-егерь растянулся на дороге во всю свою длину и потом долго стоял на

четвереньках, с испугом глядя на маленького богатыря и опасаясь подняться на ноги. Больше он сопротивления не оказывал.

На Крестовом, после разгрома батареи, мы еще весь день отбивали атаки врага, обороняя одну сопку. Павел Барышев командовал одной из маленьких штурмовых групп, в задачу которых входило поспевать туда, где складывалось наиболее опасное положение. И Павел успевал всюду, и не только успевал, он всегда находился в самой гуще боя, готовый в любую минуту оказать товарищу помощь. Там же, на Крестовом, только в рукопашных схватках он уничтожил больше десятка фашистских егерей. Спрашивали его: «Как же так, он и ростом-то от горшка два вершка, а валил с ног егерей, у которых минимальный рост 176 сантиметров?»

Усмехаясь, Павел отвечал любопытным:

— Мал золотник, да дорог, это понимать нужно.

Что ж, в данном случае он был прав.

Особым уважением у разведчиков отряда пользовался получивший уже на Дальнем Востоке звание Героя Советского Союза мичман Никандров. Александр Михайлович Никандров еще до войны отслужил свой срок службы на флоте, успел демобилизоваться. С началом войны он был призван вновь и зачислен в наш отряд. Никандрова называли в отряде «морским волком», и это название подходило к нему. Александр Михайлович, всегда подтянутый, стройный, любил порядок, был требователен, но справедлив. Он был требовательным к себе и к товарищам всюду — и на отдыхе, и в бою; в его сознании не укладывалось, как можно, не выполнив задания, живому, без царапины вернуться на свою базу.

На мысе Могильном, о котором я уже рассказывал, в тяжелое положение нас поставил отступивший батальон морской пехоты; с батальоном вместе отошли раненый командир нашего отряда и часть разведчиков. Никандров делал все возможное, чтобы остановить батальон. Он уговаривал офицеров, кричал, ругал бойцов, но это не помогло. Тогда Никандров с двумя разведчиками, Горшковым и Пановым, вернулся на мыс. Разведчики не сумели пробиться к нам на Могильный — перешеек уже был занят врагами, но они не ушли из этого района. Весь день шел бой на Могильном, и весь день группа Никандрова периодическими ударами по атакующему врагу заставляла фашистских егерей посматривать и на свой тыл.

У разведчиков было мало патронов, и они не могли нанести врагу сильный урон, однако и то, что они делали, держало в постоянном напряжении егерей. Фашисты много раз пытались уничтожить разведчиков, которым приходилось отходить, прятаться в скалах, но каждый раз они возвращались и своим огнем помогали нам отбивать атаки. А когда мы начали прорыв через перешеек, Никандров с товарищами сам пошел в атаку.

Мы встретились с Никандровым уже у побережья Мотовского залива, у мыса Пикшуев, куда обе группы благополучно добрались. Никандров подошел к нам, смущенно пожал мне руку и сказал:

— Извини, Виктор, пытались пробиться к вам, да сил не хватило.

Я обнял его. Я понимал, если человек, когда отошли все, остался, решив лучше погибнуть, но не бросать товарищей в беде, - это настоящий человек, который никогда не подведет.

Не только тогда, но и во время тяжелой схватки с японцами на мосту в корейском городе Сейсин Александр Михайлович проявил себя не только мужественным человеком, но и настоящим мастером рукопашного боя.

Я обратил внимание, что Никандров в этом бою все время улыбался, что вообще-то с ним случалось редко, и, когда последняя атака врага была отбита, я спросил Никандрова:

— Скажи, Александр Михайлович, что это тебя так развеселило в бою, кому или чему ты все время улыбался?

— Чудно как-то все получалось, — опять с улыбкой ответил он, — весь день японцы бегали от нас, думал, что так и закончим войну, не испытав самурайского духа. А сегодня, как поперли они по мосту, кричат, воют, честно говоря, страшно стало, а когда подбежали поближе, смотрю, орут-то они сильно, а глаза как у мошенников бегают. Вот тут и веселее стало, думаю, что шумом-то они не нас пугают, а себя подбадривают, не велик, вижу, дух-то самурайский. А тут еще Бывалов так размахался своим пулеметом, тут, конечно, засмеешься. Верил я, что не сломить этому стаду нас, уж больно ребята наши хороши.

Возможно, следовало бы поставить на этом точку в нашем разговоре. Но очень уж хочется мне рассказать о некоторых неизвестных пока деталях уже знакомого многим эпизода Великой Отечественной войны по книгам писателя В.Панова «Боцман с «Тумана» и «Орлы капитана Людова», в которых использована биография нашего отряда, а также по роману В.Пикуля «Океанский патруль». В этом бою, который принес отряду большую славу, ярко проявились те качества, о которых говорилось выше, и они, эти качества, как раз и решили судьбу самого трудного задания из всех выполненных отрядом в течение войны.

Хочу рассказать о так называемом «ключе от Петсамо», о том, как нам удалось добыть его в жестокой схватке с врагами.

Об этом ключе много говорили наши моряки, особенно в соединениях торпедных катеров. Знал и я, что называют ключом от Петсамо мыс Крестовый, но почему именно его — до меня не доходило. На Петсамо наступали крупные силы войск Карельского фронта при поддержке кораблей Северного флота, достаточного количества авиации, п вдруг Крестовый... Верно, мыс этот, как кинжал, своим острием был направлен на узкий выход из Варангер-фьорда в Петсамский залив, и при наличии на нем мощных оборонительных сооружений ни один корабль проскочить туда был не в состоянии. Все прояснилось лишь тогда, когда командующий флотом адмирал А.Г.Головко, вызвав меня к себе, с озабоченным видом спросил:

- Ты знаешь, что такое ключ от Петсамо? — И не дожидаясь моего ответа: - Флоту приказано высадить десант в порт Лиинахамари, что рядом с Крестовым. Потом с Крестового через залив корабли перебросят шестьдесят третью бригаду тоже в Лиинахамари, чтобы сковать, а лучше разгромить фашистские войска на правом берегу залива, не дать возможности использовать их для обороны Петсамо. Ты отлично знаешь этот район, знаешь, что такое Крестовый с его мощными оборонительными сооружениями. Мы не войдем в Петсамский залив, пока он в руках у гитлеровцев, значит, не выполним задачу и затрудним захват Петсамо.

- Ну а мы?..

- А вы, - продолжал адмирал, - вы разведчики, боевая задача вроде бы и не для вас. Но учти, что армия прорвала оборону врага, ввела в прорыв полк, а до Крестового по тундре, по сопкам больше сотни километров. Полк не иголка, его не скроешь, и теперь он обороняется. Мы использовали авиацию — несколько сот бомб сброшено на Крестовый, а вокруг Крестового высокие сопки, сильная зенитная оборона. Бомбы бросали с большой высоты, Крестовый не пострадал. Все ли тебе ясно, Леонов?

— Ясно, но пока не до конца, — ответил я.

— Да нет, вижу по глазам, что ты все понял до конца, и считай, что вам повезло. Решить такую задачу, послать маленький отряд против Крестового, один я не имею права, тут должно быть согласие командующего Карельским фронтом... Правда, когда один из работников его штаба сказал, что Леонов наш земляк, зарайский парень, командующий улыбнулся, разрешил: «Коли зарайский, пусть идет, будем надеяться». Ты понимаешь, что в этой шутке большой смысл! Как, сумеете выполнить важную для всех нас задачу? За вашу судьбу опасаются, но вам верят и на вас надеются. Ключ от Петсамо должен быть в нашем кармане. Это избавит войска от излишних потерь.

— Есть! — коротко ответил я.

Этот обычный ответ разведчиков означал, что задача понята и будет выполнена.

...Нас высадили на территории Финляндии. Отряд сразу же начал движение к мысу Крестовому. Двое суток, почти не останавливаясь, через сопки, болота, по трещинам и ущельям, труднопроходимым тропинкам, скрытым и надежным, мы пробирались к Крестовому. Погода была скверная. То дождь, то снег, по ночам мороз. Было более чем тяжело, если учесть, что каждый разведчик нес на себе груз не менее тридцати килограммов.

Только на третью ночь мы подошли к Крестовому. Было очень темно, пасмурно, действовали мы на ощупь. И вдруг ракета... Стало светло. Это один из разведчиков в темноте наскочил на сигнальную проволоку. Перед нами часовой. Его рука метнулась к кнопке сигнала. И уже падая, сраженный пулей, он успел включить сигнал тревоги.

А батарея — вот она, рядом! До ближайшего орудия не более тридцати метров. Но оно за проволочным заграждением, которое так просто не перепрыгнешь, проделать же проход мы уже не могли - фашисты открыли ураганный огонь. Автоматы, пулеметы били беспрерывно, с каждой секундой все ожесточеннее. Затявкали крупнокалиберные пулеметы, и наконец ударила картечью в упор артиллерия... Никаких позиций у нас не было и в помине - просто лежали мы за проволочным заграждением, вжимаясь в землю. Пришлось дать команду: «Действовать кто как может, сообразуясь с обстановкой по группам, но через минуту всем быть на батарее».

Конечно, это не та команда, которую командир выкрикивает зычным голосом, поднимая подчиненных в атаку. Здесь все — тихо, вполголоса. Но команда мгновенно доходит до всех групп.

Первым вскочил с земли замечательный парень, комсомолец, старшина первой статьи Володя Фатькин. Он бросил свою куртку на колючую проволоку и собрался уже перескочить на ту сторону. Но из бетонированной ячейки с короткой дистанции по нему ударила спаренная пулеметная установка, до той поры выжидательно молчавшая. Володя замертво свалился на землю. То же самое проделал секретарь пашей комсомольской организации старшина первой статьи Саша Мании. Как и Фатькин, он был командиром группы. Когда пулеметы стали поворачиваться к нему, он стремительно бросился в глубь батареи, в точно рассчитанный момент, скорее интуитивно, упал, пропустив струю огня над головой. Тут он вскочил и молнией метнулся к бетонированной ячейке с гранатой в руке. Раздался взрыв. Манин погиб, жизнью своей проложив боевым друзьям первую тропинку на батарею. Полетели другие куртки, разведчики перекатывались через них, завязывая отчаянную схватку на батарее.

В трех десятках метров от места первого прорыва заграждения наш богатырь старшина первой статьи Иван Лысенко, накинув на голову куртку, подлез под крестовину, вырвал ее из земли и, взвалив на плечи, встал во весь рост, подняв колючку и пропуская на батарею товарищей. Пули одна за другой впивались в его могучее тело... Слабея, И пан торопил:

- Быстрее, быстрее. Больше нет сил...

- Потерпи чуть-чуть, Ваня, осталось совсем немного, — попросил кто-то из разведчиков.

- Тогда помогите, иначе упаду...

Рядом с Иваном Лысенко встал старший лейтенант Алексей Луппов. Вдвоем они пропустили всех разведчиков на батарею и упали рядом. Алексей скончался сразу, а Иван, получив 21 пулевое ранение, еще жил...

Потом, когда закончился бой на батарее, я склонился над Иваном. Он еле слышно спросил:

- Как задача?

- Выполнили, Ванюша! Выполнили! Спасибо тебе, - ответил я.

— Сколько погибло ребят?

— Совсем мало, несколько человек, — успокаивал я его.

— Тогда правильно. Если бы все через проволоку, было бы больше...

Это были последние его слова. Умирая, воин-герой не думал о том, что через минуту-другую расстанется с жизнью, он беспокоился о задаче, которую предстояло выполнить, о товарищах, которые должны были жить, чтобы продолжать борьбу с фашистами. Разумеется, это был не боевой азарт. Это была сознательная жертва собой во имя Родины, во имя счастья грядущих поколений. Именно в этом величие подвига Ивана Лысенко и Алексея Луппова, бессмертного подвига всех других героев.

Батареей мы овладели. Я уже говорил, что о бое на Крестовом много писали. Но, бывало, читаешь иные строки и негодуешь, а не радуешься тому, что дела твои, подвиги товарищей твоих не остались безвестными, что они стали известны народу, которому и посвящались. Авторы этих писаний почему-то стремились показать нас эдакими бесшабашными, отчаянными людьми, которым море по колено. Чего стоит, например, такая фраза: «Отряд Леонова, пользуясь темнотой, ворвался на первую батарею и вырезал всех егерей». Ох, как все просто! Ворвался и вырезал... А ведь там была отлично организованная оборона: две батареи, торпедная станция, больше десятка дотов, блиндажи, траншеи. И все это в бетоне, все стреляет. Точно, продуманно, безжалостно и беспощадно. А нас всего-навсего сотня человек. И то не полная. Нет, ножом или гранатой до егерей не доберешься! Не ножи, не бесшабашная удаль разлетная, а точные знания, скрупулезный учет всех наших возможностей, в том числе морального превосходства над врагом, идейного заряда, воли к победе - только все это, помноженное на сознание своей величайшей ответственности за выполнение приказа, только все это вместе взятое помогло нам захватить неприступную батарею.

Но захватить - еще полдела. А как ее удержать? Сколько нужно для этого оружия и боеприпасов? Вот тут-то сказалось и еще одно наше преимущество — мы отлично владели всем оружием врага.

Без всякой команды группы, действуя самостоятельно, принимали одинаковое решение. Нужны орудия? Пожалуйста! Буквально через пять-шесть минут все четыре орудия этой батареи начали расстреливать своих же хозяев. В упор прямой наводкой мы крушили доты, блиндажи — все, что окружало батарею. Удалось нам даже потопить катер с десантом, который летел во всю прыть из Лиинахамари на помощь гарнизону Крестового. Запылала цистерна с бензином. Теперь по моей команде два орудия перенесли огонь на соседнюю батарею и разгромили ее. Это была тяжелая батарея, нацеленная в сторону моря, и мы ударили по ней с тыла.

Поднялась отчаянная паника. Егеря выскакивали из дотов, блиндажей, землянок и попадали под прицельный автоматный огонь разведчиков. В штаб батареи непрерывно шли телефонные вопросы: «Что случилось?! Почему своя батарея расстреливает своих?» Но штаб был уже в наших руках, и заместитель командира батареи под нашим контролем отвечал: «Пришла бригада морской пехоты русских и, если нет желания погибать, то самое время сдаваться». Попробуйте разобраться ночью — бригада тут или горстка людей, когда кругом все горит п стреляет...

Наконец фашисты поняли, что им грозит. Егеря разбегались. Часть их устремилась на вторую батарею, а большинство — к перешейку.

К рассвету все было кончено. Ключ от Петсамо лежал в нашем кармане. Из всех оборонительных сооружений могла действовать только одна батарея - та, которую мы держали в своих руках. Мы дали командующему флотом заранее зашифрованную радиограмму: «Задание выполнено». Ответ получили примерно через час: «Отходите, если есть возможность, не рискуя, держитесь, скоро придут корабли».

Уже было светло. Отходить через перешеек, где сосредоточились фашисты, прорываться через их оборону — это гибель. Держаться на батарее, которая стоит на открытой местности и которую враги буквально засыпают минами и снарядами, тоже нельзя. Кроме того, они поняли, что на Крестовом никакая не бригада, а горстка людей, и начали отчаянные контратаки. Нам было ясно и то, что днем корабли не придут, а сколько нас уцелеет к концу боевого дня — неизвестно. Батарея может вновь оказаться в руках врагов и встретить наши корабли сильным прицельным огнем.

Мы отошли на сопку, захватив с собой замки от орудий. Позиция вроде бы надежная. Но гребень оказался длиной метров восемьсот, шириной от двадцати до сорока. Получилась площадка, изрезанная

трещинами, усыпанная валунами — бегать по такой очень трудно. А бегать нам пришлось много. Организовать круговую оборону невозможно — не хватало ни людей, ни боезапаса. Я приказал дорожить каждым патроном, но какдолго придется экономить, если враги полезут напропалую?..

А сопка уже окружена плотным кольцом. Начинаются первые атаки с разных сторон. Правда, они пока еще робкие. Егеря щупают нашу оборону. Разведчики легко отбивают их. А боезапас тает... Что делать? Как создать надежную оборону в таких условиях? Казалось, что выхода нет.

И тут меня осенило. Вспомнился мой первый поход в тыл врага, первый бой. Тогда я в безвыходном положении, с отказавшей винтовкой, не успев примкнуть штык, бросился на офицера, за спиной которого бежали на меня десятка два солдат. Он остановился. Мы видели глаза друг друга, и я вдруг понял, что он боится смерти!.. Я смогу добежать до него, и, возможно, потом солдаты растерзают меня. Но его уничтожить я успею. То же самое и он прочитал в моих глазах и бросился назад, к своим укреплениям. Солдаты, видя убегающего офицера, старались не отстать от него. Сам по себе этот эпизод мог бы и позабыться, если бы он потом не проверялся мной и моими товарищами в других походах и боях. Смелость, решительность всегда помогали нам добиваться успеха. Вот так и подтверждался психологический закон рукопашного боя: «Из двух противников, идущих друг другу навстречу, один обязательно струсит». Лишь разумное использование этого закона могло дать нам возможность продержаться до прихода кораблей.

У начальника штаба отряда капитана Федора Змеева была перебита рука. Я подчинил ему раненых и тех молодых разведчиков, которые стали уже уставать. Он использовал их как наблюдателей и связных. Отряд разбили на две штурмовые группы, которые придерживались центра площадки. Атаки егерей с разных направлений становились все яростнее и настойчивее, но у нас уже сложился четкий план обороны, выполняли мы его строго.

Как только наблюдатели с какого-то направления давали сигнал о начале атаки, одна из штурмовых групп немедленно бежала туда. Она не стреляла по атакующим, а готовилась к рукопашной схватке. Огонь вели только наблюдатели, и то одиночными выстрелами, иногда они бросали гранаты.

Когда противник подступал вплотную — на двадцать — тридцать метров, в зависимости от рельефа местности, штурмовая группа спокойно, без суеты, с улыбкой выходила навстречу. Был приказ — улыбаться всем обязательно! Пусть сердце врага сжимает страх перед бесстрашием. Если у тебя на глазах даже слезы - ты все равно обязан улыбаться! Улыбаясь, разведчики распахивали грудь и показывали тельняшку. Улыбка да тельняшка — это не прихоть командира, это предостережение для противника — думай, куда ты лезешь! Думай, потому что здесь победа тебе не светит! Ты будешь уничтожен этими улыбающимися «черными дьяволами» в тельняшках! Они так называли нас, потому что боялись. И мы знали об этом и старались максимально использовать свое психологическое превосходство. А поняв свою обреченность, вернее, почувствовав ее, враг неизбежно терял свою боеспособность.

Так и улыбка с тельняшкой стали нашим оружием. Враги не выдерживали этого давления на психику, начинали оглядываться по сторонам не подвох ли тут какой-то, нервничали и в конце концов приходили к выводу: «Эти ребята назад не повернут... Значит, погибать мне, если схвачусь с ними врукопашную, а если я отбегу метров на двадцать назад, то хлестну по ним из автомата...» И бежали они вспять, и открывали огонь по нам. Но мы уже были опять на сопке, откуда забрасывали их гранатами. А их у нас было достаточно, егеря оставили нам весь свой арсенал.

Конечно, мы понимали, что так долго продолжаться не может, чтобы мы только ходили да улыбались, а они смущались и бегали от наших улыбок, как зайцы. Где-то произойдет перелом — они привыкнут, и решительное столкновение неизбежно. А врагов на Крестовом становилось все больше и больше — они просто захлестнут нас. Нужно поддерживать их страх, чтобы они раз и навсегда поняли, что в рукопашных боях кроется их верная погибель. В таких коротких схватках мы и демонстрировали свое виртуозное мастерство, владея без промаха холодным оружием, а также боевую спайку, где все мы — единый монолит, сквозь который даже самой мощной волной не перехлестнуться.

Было место, где егеря атаковали почти беспрерывно: два обрыва, а между ними ровный, некрутой подъем длиной метров десять и шириной около двадцати. Меж кустов и камней они ползком добирались до этого удобного для атаки подъема. Здесь, накопив достаточно сил,

они запросто могли прорваться к гребню сопки, что осложнило бы наше положение. Пришлось применить маленькую хитрость. Мы дали им возможность сосредоточиться в камнях. Когда первые егеря выскочили оттуда, они встретили крохотную группку разведчиков, которая сделала несколько неуверенных шагов вперед и повернула назад, на вершину сопки. Их сразу же стали преследовать наиболее прыткие егеря. На сопку ворвалась лишь часть атакующей колонны. В это время с обрыва спрыгнули две группы разведчиков, разорвали колонну, какое-то время преследовали уже убегавших вниз егерей, а потом спокойно вернулись на сопку, ударив с тыла по тем, которые здесь были скованы, и мы сбросили уцелевших с обрыва вниз. Это был хороший урок для противника. На этом участке тоже наступило долгое затишье.

На другом участке обороны — высокий обрыв. Наблюдателей там маловато, притом некоторые из тяжелораненых сильно устали. Начальник штаба решил снять наблюдателей у обрыва и направил их на другие участки, считая, что по такому обрыву егеря подняться не сумеют. А они поднялись... Когда я с пятью разведчиками шел к радистам дать радиограмму, фашисты выскочили из-за камней и бросились на нас. Егеря, минимальный рост каждого не менее 176 сантиметров, все без головных уборов, с винтовками наперевес, уверенно и нагловато шли вперед, охватывая нас полукольцом. Мы дали сигнал о помощи и стремительно сблизились с ними. У нас не было винтовок, но при первом же столкновении заполучили их из рук врагов... Мои пятеро друзей были отменные мастера своего дела. Егеря на какое-то мгновение растерялись, а к нам подоспела помощь — большая группа разведчиков. Здесь и разгорелся настоящий рукопашный бой. Бой вынужденный: и нам отходить некуда, и им с обрыва прыгать опасно. Но егеря теперь только защищались, пятясь назад. Я заподозрил, что они что-то приспособили для подъема. Надо было срочно найти это место и не дать подняться новым егерям — тогда сопротивление прекратится. Я рвался к краю обрыва и вдруг увидел неподалеку разведчика, с бешеной яростью наносившего удары врагам. Это был Андрей Пшеничных. Невысокий ростом, сухощавый, с темным цыганским лицом, он как-то весь преобразился. Лицо белое, губы синие, бьет и сам стонет от своих же ударов. Это опасно, человек, чтобы победить в рукопашной схватке, обязан контролировать каждое свое движение, не допускать ошибок. Я хотел крикнуть ему, чтобы укротить его

пыл, но не успел. Андрей ударил штыком, но егерь оказался опытным, уклонился от удара, и, промахнувшись, Андрей упал. Фашист занес приклад винтовки над головой Андрея. Несколько разведчиков бросились к Андрею. Но ведь врагов много, пробиться трудно. Старшина первой статьи Павел Барышев кричит:

- Андрей, держись, иду на помощь!

Рядом с Барышевым старшины первой статьи Михаил Кологанский и Семен Агафонов. Все шумят, рвутся к Андрею. Поторопился и я, но передо мной как из-под земли выросли два егеря. Это пустяк, но от неожиданности я на какое-то мгновение закрыл глаза и тут же получил удар штыком... Когда раскрыл глаза, то картина была уже совсем другой. Андрея как ветром сдуло с камня, а егерь с удивлением рассматривал свою невесть как разбитую винтовку, но, получив сзади удар от Пшеничных, упал, так и не поняв, что же произошло...

День почти заканчивался, заканчивался и наш боезапас. Если за ночь не подоспеют корабли, то завтра нам будет туго... Надо заранее искать пути выхода из окружения. Пока еще было что-то видно, я послал двух разведчиков — старшин второй статьи Пшеничных и Гугуева — обследовать склон...

На Крестовый к противнику подходило подкрепление. Катера перебрасывали через залив десанты на наших глазах, а мы ничем не могли помешать им... Вдруг слышим, строчит наш автомат. Ясно, это бессильная ярость Пшеничных и Гугуева, а у них всего-то не более полусотни патронов на двоих... Катер в тишине подходит к побережью, сбрасывает длинную узкую доску-сходню, по которой нужно пробежать с известной сноровкой, потому что она сильно качается. Видим, высаживаться собираются не специальные войска — очень уж долго толпятся они на носу катера, пока, наконец, не начинают движение. Идут цепочкой, цепляясь друг за друга.

Вдруг из-за камня выскакивает Андрей Пшеничных, прыгает на сходню и бежит навстречу врагам. Встреча происходит примерно на середине сходни. Приклад автомата разведчика ходит поочередно по головам фашистов... Андрей так старательно трудился, что у него треснул приклад автомата. Так и хранится он ныне в музее Северного флота — расколотый автомат Героя Советского Союза Андрей Петровича Пшеничных! Андрей хитрец — все учел! Окружить его не могут —

сходня узкая, одолеть один на один тоже... И стрелять с катера не могут — попадут в спину своих же солдат. Командир катера ничего иного не смог придумать, как дать задний ход. Катер резко рванулся, и сходня упала в воду. Андрей очутился рядом с двумя дюжими верзилами. Когда с катера открыли пулеметный огонь, он уже отправил их на дно, а сам юркнул в камни и благополучно вернулся на сопку.

Андрей Пшеничных очень толково доложил мне о возможностях нашего прорыва и, довольно улыбаясь, добавил:

— По ходу выполнения мы там еще катер с десантом малость шуранули.

Я ответил ему:

— Видели мы, как ты шуровал десант. Здорово, ничего не скажешь. Только вот, когда вернемся на базу, придется тебе ответ держать. Заодно - подумать, к чему все это могло привести. Сумасбродство какое-то.

Пшеничных знал, что я не прощал только явных ошибок, если их совершали разведчики в бою, и поспешно возразил:

— У меня все было рассчитано, товарищ командир!

— Ну а если бы на катере не попятились, а вытащили сходню на палубу? Где бы ты был теперь, герой? Никто не смог бы тебе помочь. А?

— Вы не заметили, товарищ командир, что в левой руке я держал противотанковую гранату? Вот то-то! Навел бы там свои морские порядки, - спокойно заявил Андрей.

Трудно сказать, какие порядки наводил бы Андрей Пшеничных на катере врага. Но он предвидел такой вариант, значит, готов был к нему. При своей общей незаурядной подготовке он наверняка нашел бы выход и из этого положения.

Когда окончательно стемнело, гитлеровцы, поняв, что им не одолеть нас, решили уйти с Крестового. Вдоль залива к перешейку потянулась колонна егерей с грузом. Блокада нашей сопки значительно ослабла. Однако мы решили не выпускать колонну, оставили свою сопку, быстро добрались до перешейка и заняли там оборону. Почти всю ночь пресекали мы вражеские попытки вырваться с Крестового. Шли уже четвертые сутки наших действий без сна и отдыха. Но все без исключения разведчики находили в себе силы разить врага беспощадно.

Перед рассветом в залив вошли наши корабли и высадили десант в порт Лиинахамари. Крестовый молчал, и ни один наш корабль не получил каких-либо серьезных повреждений. После высадки нашего десанта фашисты затаились. Мы подумали, уж не нашли ли там они какой-либо лазейки, не просочились ли через нашу оборону? Но нет, они готовились к атаке. Это была последняя их атака.

Не маскируясь, на нас бежала толпа егерей с губными гармошками, свистом, криками, беспорядочной стрельбой. Она приближалась к перешейку. Мы лежали почти на ровной местности, и лишь маленькие кустики да мелкие камни-валуны прикрывали нас. Опять встал вопрос — что делать? Боезапаса нет, встать и сразу пойти им навстречу?.. Можно, конечно, враги, безусловно, струсят. Но побегут ли они назад? Ведь некуда. Перебраться в Лиинахамари нельзя — там нашдесант. Добежать до оконечности мыса и занять там оборону? Да надолго ли — знали они, что по нашим следам действительно идет бригада морской пехоты. Она вот-вот появится на Крестовом, и надо поскорее вырваться из наших цепких рук...

Самое правильное их решение — залечь и открыть огонь. Он вынудил бы и нас залечь. Но у нас нечем стрелять...

Вот когда к нам пришло жгучее ощущение опасности. Противник пошел бы в наступление по всем правилам тактики — не толпой, а перебежками, ползком, под прикрытием огня. Худо пришлось бы нам в этом случае. Действительно, вставать перед каждой группой и улыбаться ей?.. Под огнем врага это потери и потери... Но встать мы должны были обязательно! Когда? В этом и вся сложность вопроса. Нужен момент. Встать надо, когда враги не успеют залечь, и решительно сблизиться с ними. Но даже если один из них с перепугу откроет огонь, это будет огонь is упор, в сердца разведчиков... Нужно думать, на что решиться...

А противник все ближе. Ребята начинают нервничать, и лишь когда я даю команду: «Оружие отложить, рукава засучить», — все успокаиваются и деловито выполняют команду. Фашисты видят, что мы бросаем оружие, и понимают все по-своему - готовятся брать нас в плен. Со свистом, улюлюканьем, звуками губных гармошек они без единого прицельного выстрела надвигаются на нас. Нам только того и надо...

Мы не изучали каратэ, модного теперь, но отдельные, самые опасные приемы из джиу-джитсу, самбо, дзюдо нами были соединены в систему и отработаны до совершенства. Фашисты взлетали и падали с криками, стонами, проклятиями. Их слышали те, кто был сзади, но помогать передним не могли. Остановить всю толпу сразу, мгновенно мы тоже были не в со-

стоянии. Пришлось какое-то время пятиться назад. Гитлеровцы не выдержали психологического поединка. Понимая, что одолеть нас в рукопашной нельзя, они вдруг повернули и побежали к оконечности мыса.

Кончилось все тем, что 127 егерей стояли с поднятыми руками, а это гораздо больше всей численности нашего отряда. Потом весь день они собирали своих убитых и хоронили их в траншеях.

Вот, пожалуй, и все. ***Я*** рассказал только отдельные эпизоды из боевых биографий самых простых, обыкновенных разведчиков нашего отряда. Это разные люди по возрасту, образованию, условиям жизни, но все они настоящие патриоты, все они прошли одинаковую школу подготовки в отряде, все сумели совершить самый трудный подвиг — воспитать в себе несокрушимую волю, и поэтому в боевых действиях они походили друг на друга. Такими были все разведчики отряда.

Л.Шафеев
Норд-Вест и «Норд-Ост»

«...Против флота Германии стоял героический Северный флот.

Флот совсем небольшой. По сравнению с британским он был просто незначительным...

Там, на аспидных скалах (которые зимой в снегу, а по веснам их забрызгивает полярная сирень и черемуха), там жили и воевали удивительные люди. Они уходили от этих родных скал в море Баренцево. Прямо в Ледовитый океан! Прямо в необъятный... Очень много этих людей ушло и больше не вернулось.

Мы уже не встретим их на нашей зеленой земле.

В синем море мы их тоже не повстречаем.

Но для нас они живы в каждой капле океанской воды.

Мы слышим их голоса в порывах океанского ветра.»

В.Пикуль. Реквием каравану PQ-17. - М.: Вече, АСТ, 2004.

«Звонил майор Константин Васильев. Он читал в журналах «Воин», «Русский дом» твои материалы о дважды Герое Викторе Николаевиче Леонове. Хотел бы с ним встретиться с твоей помощью», — сообщил мне отец. Было это в начале июня довольно далекого уже 1999 года... Только что я вернулся с Кубани, где прошли дни памяти трижды Героя Советского Союза Александра Ивановича Покрышкина. Весной 1943-го в воздушной битве на Кубани он сломил боевой дух асов люфтваффе. Поездка на Кубань с Марией Кузьминичной Покрышкиной, встречи с ребятами удивительной для наших дней только что созданной краевой организации «Юные покрышкинцы»... Но это другая тема.

Слышал Леонов неважно, говорить в трубку следовало четко, не торопясь и погромче. Если Виктор Николаевич не понимал чьей-то скороговорки, он в разговор не вступал. Ветеран был дома, я решил для начала съездить к нему один. «Приезжайте...». Встреча прошла хорошо, и в 82 года Леонов сохранял ясный ум, говорил, как всегда, сжато и интересно. Я записал на диктофон еще половину кассеты, уточняя те или иные детали фронтовой деятельности Леонова и его отряда разведчиков-диверсантов. На встречу с незнакомым майором, который занимается боевыми единоборствами и хотел бы поговорить о различных приемах, Леонов охотно согласился. Вынужденное из-за болезней сидение в стенах квартиры тяготило его, встречам с воспоминаниями о войне, вниманию к себе он, особо не показывая виду, сдержанно радовался...

Вечером вновь позвонил Васильев. В его голосе слышалось что-то даже детское и простодушное. Майор, а называет себя Костей... Договорились о встрече в центре зала станции «ВДНХ». Я решил для себя — если в первом впечатлении от майора будет что-то настораживающее, к Леонову его не поведу. Мало ли что.

Но появившийся в метро Константин сразу развеял все сомнения. Вызывал он к себе полное доверие. Пожимая ему руку, я невольно улыбнулся — вот это парень! Таких сейчас не часто увидишь в толпе. Высокий атлет и вместе с этим стремительный и легкий. Во всей его фигуре была незаурядная мощь. Открытое лицо из тех, которые называют чисто русским, прямой взгляд. Одет был в летнюю офицерскую форму, ладно сидела на нем зеленая рубашка с погонами. А ведь в то время, как известно, вне службы офицеры редко носили форму.

Сели в трамвай, чтобы проехать несколько остановок до улицы Докукина. Как всегда, проезжая мимо северного входа на ВДНХ, я наклонился, чтобы увидеть в полный рост легендарную скульптуру Веры Мухиной «Рабочий и колхозница». Удалось ли кому-то еще в мировом искусстве в монументальной скульптуре из стали воплотить такой порыв и вдохновение?.. Посетивший в 1937 году павильон СССР на Всемирной выставке в Париже Ромен Роллан дал такой отзыв: «На берегах Сены два молодых советских гиганта возносят серп и молот, и мы слышим, как из груди льется героический гимн, который зовет народы к свободе, к единству и приведет их к победе».

Эта скульптура с первой поездки к Леонову стала для меня как бы и прологом, и эпилогом встреч с ним. Ведь Леонов - один из самых ярких героев своей эпохи. Потрясенный первой почти четырехчасовой беседой с ним в ноябре 1994 года, возвращаясь к ВДНХ, я словно в первый раз увидел эту пару стальных гигантов...

В моей папке с материалами о Леонове осталась краткая запись, сделанная в тот день: «6 июня 1999 года. Встреча у В. Н. с Костей Васильевым. Костя — интересный парень. Таких православных, воцерковленных военных я встречал единицы. Он рассказывал Леонову о своем батюшке-духовнике. А Леонов неожиданно для меня признался, что любит смотреть передачу «Слово пастыря», которую ведет митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл. Зашла речь о неизбежной войне, которую России придется вести против агрессии НАТО (1999 год, напомню, был годом бомбардировок Югославии, рокового рубежа в развитии новой мировой катастрофы). Леонов по этому поводу сказал: «Если б такое случилось и были бы силы, организовал бы партизанский отряд в Подмосковье...» Вспоминал по просьбе Константина хрестоматийные уже эпизоды из действий своего отряда на Севере и в Корее. Видно было, что майор старику по душе. Когда Васильев попросил уточнить особенности какого-то приема рукопашного боя, Леонов, увлекшись, начал вставать, забыв о простреленной ступне и жестоком артрозе!

Константин говорил о своем учителе рукопашного боя Алексее Алексеевиче Кадочникове, офицере, преподавателе военного училища в Краснодаре, где учился Васильев.

Все остались довольны той встречей. Когда мы с Константином вышли на улицу, он сказал: «Ну и руки у Виктора Николаевича. И врага, если надо, удавит, и землю вспашет».

Узловатые цепкие кисти рук ветерана действительно запоминались. Как и его пристальный взгляд из-под нависших седых бровей, суровый облик, а также неизменный юмор и нечастая, а потому неожиданная добрая улыбка...

День был жаркий. В ожидании трамвая предложил Константину выпить пива. Когда выпили по бутылке, спросил: «Может, еще по одной?» И вдруг Константин ответил: «Нет. Не надо. Нельзя расслабляться». В этих словах прозвучала спокойная твердость, заставившая меня взглянуть ему в лицо. В ходе разговора я спросил: «А есть ли, остались ли в нашей армии люди, способные, как Леонов и его соратники, встретить врага?» Васильев так же спокойно ответил: «Есть». Вообще он был серьезен, я вдруг понял, что не услышал от него ни одной двусмысленной шутки, ни одного, нередкого у военных, ругательного словца.

Какое-то время помолчали. Тогда и подумалось вполне определенно: «А ведь этот Васильев — человек необычный...»

В метро на переходе мы попрощались. Я подарил Константину несколько номеров журнала «Слово», где работал тогда. Он сам вписал в мою записную книжку, которую храню и сейчас, свой номер телефона. Константин жил в общежитии. А родом, как оказалось, он из Сарова, славного на Руси преподобным Серафимом Саровским и крупнейшим ядерным центром. Родиной своей Костя явно гордился. Как позже я узнал, о'н писал в конце своих писем: «Россия великая, Саров могучий».

Договорились созваниваться, навестить еще Виктора Николаевича. Но встретиться нам больше не довелось...

Константин звонил несколько раз, говорил о том, что есть трудности по службе, не знает — оставят ли его в Москве после учебы. Потом - хоронил отца. Последний звонок от Васильева был летом 2002 года. Приезжал из Краснодара на презентацию своей книги его учитель А.А.Кадочников. Константин хотел, чтобы на презентацию был приглашен и я, но через день расстроенным голосом извинялся - меня, неизвестного писателя, кто-то из начальства вычеркнул из списка.

Я просил его не огорчаться, потому что тем летом, совершенно не укладываясь в отведенные сроки, работал над биографией А.И.Покрышкина для серии «Жизнь замечательных людей». Книга должна была выйти к 90-летию трижды Героя, к 6 марта 2003 года. Времени оставалось совсем немного.

Константин сообщил, что работает в Управлении юстиции. Расположено Управление в переулке Хользунова (бывшем Большом Трубецком, переименованном в честь погибшего летчика Героя Советского Союза В.С.Хользунова). Этот переулок, от метро «Фрунзенская» до Большой Пироговской, мне давно и хорошо знаком. По нему я когда-то ходил в институт, где учился на историческом факультете, а в последние годы — в церковь Воздвижения Честнаго и Животворящего Креста Господня, что стоит за Плющихой, почти на берегу Москвы-реки. Переулок этот, и вне тех воспоминаний, которые меня с ним связывают, считаю одним из самых красивых. С одной стороны переулка — громадные липы, благородная решетка парка на месте былой усадьбы Трубецких, затем — классической архитектуры здания медицинского и педагогического институтов, громада архивного комплекса, с другой стороны - элегантные кирпичные дома Совмина, военные штабы и учреждения. Этот просторный, почти без машин и реклам переулок сохранил свой интеллигентный облик - служивый, военный, студенческий.

«Позвони как-нибудь с вахты, я выйду, поговорим», — предложил тогда Константин. Мне хотелось также показать ему наш храм, восстановленный общиной за десять с небольшим лет.

...Книга моя была завершена к назначенному времени, вышла в свет и презентовалась на родине А.И.Покрышкина в Новосибирске. Довольно долго я собирался подарить книгу Константину, как обещал. Наконец, 19 августа, в день Преображения Господня, после службы в храме я позвонил Константину по его рабочему телефону. Идти от церкви до его Управления, как я понимал, всего несколько минут. Затянувшееся более чем на год молчание Константина не удивляло, созванивались мы, как уже говорилось, редко.

Набрал номер на телефонном аппарате из комнаты батюшки отца Александра, моего давнего наставника и друга. Кругом празднично

шумели прихожане. Попросил к телефону Константина Ивановича. (лышимость была неважная.

- Кто вы? - как мне показалось, резковато спросили меня после паузы.

- Да... Представитель прессы, — ничего лучшего не пришло мне в голову.

- Васильев погиб...

- А что случилось? — спросил я, потрясенный, прижимая трубку к уху. Мне что-то ответили, я не расслышал, переспросил:

- Авария?!

- Вы про «Норд-Ост» слышали?

- Да, да, конечно. Извините...

Спросить еще что-либо я не успел. Да и не разобрал бы я объяснений в окружающем шуме и гомоне. Ведь собирался я только договориться о встрече.

Тут же рассказал об этом батюшке и его гостям. Все горестно вздохнули. Но это была не первая жертва кошмарного теракта на Дубровке, чьи судьбы как-то связаны с нашим храмом. Очень уж много людей пришло тогда на представление популярного мюзикла... Находилась там и группа ребят из соседней с храмом школы. Погибла девочка Даша. В соседней церкви у дьякона Александра погиб зять — музыкант оркестра. У моего друга жена сидела прямо рядом с бомбой, подготовленной террористами к взрыву. Когда все завершилось, друг Юра позвонил мне, рассказал о случившемся, о том, что, слава Богу, Татьяна осталась жива.

Попрощавшись в тот праздничный день с друзьями, я брел по Хользунову переулку к метро, всматриваясь в окна, за одним из которых работал подполковник Васильев. Каково было его сослуживцам услышать просьбу позвать к телефону Константина Ивановича спустя почти год после его гибели...

Эх, Костя! Давили тягостные мысли. Виделось в этом человеке большое будущее. Но вот его не стало.

Дома сразу взял с полки книгу о трагедии «Норд-Оста». На последних страницах книги помещен список погибших в Театральном центре. Я уже читал этот список... 13-й номер — Васильев Константин Иванович. Но мало ли в России людей с такими фамилией, именем и

отчеством. Была ведь у меня задумка подарить Константину набор открыток с репродукциями картин его полного тезки, талантливого художника, трагически погибшего в 1976 году, всего в 34 года. Когда-то, в 70 — 80-е, русские темы его картин стали открытием для многих.

Подполковнику Константину Ивановичу Васильеву было 35... Расспросить о его судьбе мне было не у кого. Звонить на службу не стал - кто я Константину? Просто знакомый. Ни в одном из телевизионных и газетных репортажей я о Васильеве ничего не слышал и не читал. Мой друг и его жена, бывшая заложница «Норд-Оста», рассказывали мне, что при спасении людей, отравленных при штурме газом, больше погибло именно молодых сильных мужчин, которых выносили из зала в последнюю очередь, после женщин и детей.

Наверное, с кем-то из знакомых Костя оказался на этом мюзикле по мотивам романа «Два капитана». Нелепая смерть, но кто застрахован от подобного в сегодняшнем мире? И на войне люди гибнут поразному, далеко не всегда успев что-то совершить.

Два месяца вспоминал я о Константине почти каждый день. В церкви подавал записки о упокоении его души.

Наступили 20-е числа октября, годовщина гибели заложников «Норд-Оста». Во всех храмах особо поминали убиенных в терактах. И вдруг слышу, на службе в нашем храме отец Александр отдельно поминает убиенных отроковицу Дарью и воина Константина. Что-то дрогнуло в душе. А может, это Костя подает весточку о себе?! На мой вопрос батюшка ответил, что перед литургией к нему подошел наш постоянный прихожанин Яков Яковлевич Ленок, преподаватель из той школы, где училась Даша. Он принес статью из журнала «Русский дом» о подвиге какого-то подполковника Константина. «Как его фамилия? Васильев?» - «Кажется, да. Там и фотография есть.»

Читаю ксерокопию статьи Н.Е.Сухининой «Задруги своя» с подзаголовком «Освободите детей. Я готов остаться здесь вместо них» («Русский дом». 2003. № 2). На снимке — Константин Васильев, молодой, еще в капитанских погонах...

Через несколько дней Яков Яковлевич подарил мне кассету с записью передачи радиостанции «Радонеж», посвященной подвигу К.И.Васильева. В передаче принимали участие Алексей Алексеевич Кадочников - академик, профессор, учитель Константина. А также

хорошо знавший Васильева Андрей Николаевич Митрофанов - офицер запаса, директор Академии безопасности человека.

Л.Н.Митрофанов рассказал о проведенной реконструкции тех событий. 24 октября Васильев, пользуясь своим офицерским удостоверением, один прошел в Театральный центр. В переговорах с террористами заявил, что он как государственный служащий, подполковник представляет для них больший интерес, чем дети, которых просил отпустить.

А.Н.Митрофанов рассказывал:

«Мне позвонили и сказали, что Константин не вышел на работу. Ото было абсолютно на него не похоже. Он был настоящим офицером, который всего себя отдавал службе. Мы начали его искать. Проверили все, но не нашли никаких следов. Причем самое первое, что я спросил, когда мне позвонили: «А не может ли он быть на Дубровке?..» Наверное, это была интуиция. Да и убеждения, характер Васильева всем нам были известны.

Как мы потом посмотрели, тяжело это говорить, судя по многочисленным входным пулевым отверстиям, его расстреляли, отойдя на определенную дистанцию. Они боялись его, даже безоружного.

...Только потом, после героической гибели Константина Ивановича, мы поняли, что он внутренне готовился к подвигу. Ездил по монастырям — святыням России, беседовал со священниками.

Константин прошел школу А.А.Кадочникова, очень серьезную подготовку, как минимальными силами выполнить боевую задачу, сохранив при этом жизнь подчиненных и свою жизнь. Но в той ситуации речь шла о спасении детей. Он решил вступить в переговоры с вооруженной бандой, сознательно шел на предельный риск, почти на верную смерть».

А.А.Кадочников сказал: «Мы повторяем слова Александра Невского «Не в силе Бог, а в правде». Побеждает не физическая сила, а дух человека. Боец должен быть физически силен. Должен знать, как действовать и применять оружие. Но только сочетание духовных, физических, интеллектуальных сил дает возможность победить. Именно благодаря высокому духу мы выстояли во всех войнах, которые обрушились на Россию. Мы видим это на примере наших отцов и дедов, победивших в Великую Отечественную войну. На примере дважды Героя Советского Союза Виктора Николаевича Леонова, сумевшего в 1945

лать, он еще не подумал... У нас в отряде, если разведчик идет вперед, то всегда знает, что делать. А необученный и сам погибнет, и для других действия его опасны.

Я брал поначалу новичков в походы не очень опасные и тяжелые, чтобы они учились. Разборы ошибок обязательно делались командирами групп. Довольно часто собирались и все вместе. Комсомольские и партийные собрания у нас тоже в основном посвящались работе. У нас вообще не было ни одного не комсомольца. Вот приходит такой, мы говорим - надо вступать. Подает заявление. Если его вдруг потом собрание не принимает, из отряда он должен уйти. Доверие товарищей, как я уже говорил, самое важное. Необходима уверенность, что с тобой в поход идут товарищи, которые тебя не оставят в любых условиях».

Первую Золотую Звезду Героя Леонов получил за самую крупную операцию отряда в ноябре 1944 года. Перед началом общего наступления на Севере отряд получил приказ разгромить стратегически важный мощный опорный пункт немцев на мысе Крестовый. Система дотов, две четырехорудийные батареи (88-мм - зенитная и противокатерная, 155-мм — тяжелая), находившиеся там, перекрывали дорогу десантным катерам наступающего Северного флота.

Две недели отряд тренировался, штурмуя сопку, похожую на ту, где находился немецкий гарнизон.

«Тогда нам не удалось застать противника врасплох, — продолжал свой рассказ Виктор Николаевич. — В последний момент была задета сигнализация, немцы обнаружили нас и открыли сильный огонь из орудий и пулеметов. Все освещено, перед нами — мощное проволочное заграждение... Я отдал приказ: действовать кто как может, сообразуясь с обстановкой, по группам, но через минуту всем быть на батарее!

От тяжелых потерь нас спас Иван Лысенко, уралец, чемпион по борьбе, самый сильный физически в отряде, всеми любимый за доброту и справедливость. Он вырвал из земли рельсовую крестовину, на которой крепились мотки колючей проволоки, и поднял ее на плечи. Сказал только: «Пролазьте, пока стою!» Потрясающая картина!.. Потом один художник с наших слов написал такое полотно, но зрители часто не верили, что это было в ре-

альной жизни. В образовавшийся проход мы и пошли. Когда Лысенко уже не мог стоять (огонь шквальный, в Ивана попало больше двадцати пуль), ему помог наш врач Алексей Луппов. Оба они погибли... Но мы ворвались на прикрывающую батарею и, захватив орудия, открыли из них огонь, благо трофейное оружие знали неплохо.

Лысенко еще жил, когда я к нему подошел после боя. Он только спросил меня:

— Как, много погибло наших?

— Нет, Иван, немного, - ответил ему.

— Значит, я правильно поступил... — были последние слова Ивана.

Когда мимо пленных, их оказалось 127 человек, проносили тела погибших разведчиков, я приказал поставить немцев на колени».

Психологический закон таков: в схватке двух противников один обязательно сдастся. В ближнем бою следует прежде всего приковать его взгляд к твоему — твердому и властному.

— Не бывает рукопашных боев, — говорил Виктор Николаевич, — когда двое людей, две группы дерутся с одинаковой энергией. Кто-то обязательно дрогнет, будет только защищаться, а кто-то выполнит задание, которое перед ним стоит. У меня в свое время был спор с маршалом Еременко. Мы выступали перед молодыми офицерами, и Еременко рассказывал, как они в Гражданскую дрались в окружении. Я говорю - вы защищались, а они хотели вас уничтожить. Слабость их, что они не сумели этого сделать, и вам, хотя и не всем, однако удалось вырваться... Но с маршалом разве можно спорить? А офицеры поняли эту мысль, после выступления подходили пожать мне руку...

Очень важный момент — нужно стараться увидеть глаза противника. Он должен сразу испугаться. При внезапном столкновении необходимо знать и некоторые особые приемы. Нельзя в этом случае хвататься за кобуру, уже поздно, враг выстрелит раньше. Если я встречался один на один, то сразу бросал свой маузер, который, однако, не падал на землю, а на пружинке болтался у самых ног. Мне показывают — выше руки поднимай, и тут я делаю обманное движение, после которого

если немец и выстрелит, то уже промахнется. А мне этих двух-трех секунд достаточно, чтобы он упал...

Среди германских горных егерей было много спортсменов, австрийцев с горнолыжной подготовкой, но они не выдерживали рукопашного боя. И о нашем отряде они знали. В части «Эдельвейс» не брали солдат ростом ниже 176 сантиметров, у нас же в основном были ребята пониже, но психологически они подавляли врага.

Хотя и немцы были не робкого десятка. Воевали они расчетливо и умело. Но, конечно, больше опирались на свое техническое превосходство.

У меня была беседа с одним немцем во время съемок фильма, который должен был выйти к 300-летию Российского флота. Снимали у нас, но режиссер — немецкий адмирал, он был министром в ГДР, а после объединения Германии занялся кинематографом. Он у меня все допытывался — что, как? Я отвечаю — почему я добивался успеха? У вас, немцев, все было слишком четко, расписаны все уставы, все пункты. Я их отлично знал, и если мне нужно было какой-то штаб разгромить, я делал ложный удар и знал, какой план обороны вы будете выполнять. Сам же действовал другими группами, которым вы сами открывали путь. Немец говорит — ну, теперь все по-другому. Я в ответ — но ведь я-то тогда воевал...

Пленные вели себя по-разному. Помню, привели еще в самом начале войны пленного офицера. Я уже переоделся. Тут из комнаты, где допрашивали, выскочил наш начальник отдела информации и говорит: «Ой, сволочь, ничего не говорит. Смеется только...» Я ему: «Сейчас заговорит». Пошел, скинул китель, оделся в то, в чем офицер тот в руки ко мне попался. Вошел в ту комнату, он сидит нога на ногу и курит сигарету. Увидел меня, встал. Я говорю переводчику: «Передайте этому прохвосту, что вот эти адмиралы (показываю на штабистов, а там был и один адмирал) уйдут скоро, пусть они ничего не узнают, но он останется со мной...» Повернулся и вышел. Немец заговорил.

Ко мне командование прикрепило одно время двух переводчиц из штаба — учить меня немецкому языку. Они приходят, я им даю по плитке шоколада и отправляю обратно. Дошло это до члена Военного совета флота. Он и говорит: «Что ты делаешь? Ты немецкий должен

знать на отлично!» — «Я, — отвечаю, — с немцами по-русски говорю. И они меня по-русски понимают лучше, чем вас по-немецки.

Сначала они были самоуверенны и заявляли — все равно вас уничтожим, пусть даже меня вы расстреляете. А в 1944 году, например, я привел двух немцев, и член Военного совета Николаев прибыл на Рыбачий, сам захотел видеть пленных. Наши войска тогда только перешли границу, он спрашивает у них — ну, знаете, где сейчас линия фронта проходит? А они показывают на карту уже где-то иод Берлином...»

Одно из самых громких дел леоновского отряда — пленение в корейском порту Вонсан трех с половиной тысяч японских солдат и офицеров. Как говорил один из участников этой операции, замполит отряда Иван Гузненков, большего страха и напряжения он не испытывал за всю войну...

«Нас было сто сорок бойцов, - рассказывал Леонов. — Мы внезапно для противника высадились на японском аэродроме и вступили в переговоры. После этого нас, десять представителей, пригласили в штаб к полковнику, командиру авиационной части, который хотел сделать из нас заложников.

Я подключился к разговору тогда, когда почувствовал, что находившегося вместе с нами представителя командования капитана третьего ранга Кулебякина, что называется, приперли к стенке. Глядя в глаза японцу, я сказал, что мы провоевали всю войну на западе и имеем достаточно опыта, чтобы оценить обстановку. Что заложниками мы не будем, а лучше умрем, но умрем вместе со всеми, кто находится в штабе. Разница в том, добавил я, что вы умрете, как крысы, а мы постараемся вырваться отсюда... Герой Советского Союза Митя Соколов сразу встал за спиной полковника, остальные также знали свое дело. Андрей Пшеничных запер дверь, положил ключ в карман и сел на стул, а богатырь Володя Оляшев (после войны — заслуженный мастер спорта, неоднократный чемпион страны по лыжным гонкам) поднял Андрея вместе со стулом и поставил прямо перед японским командиром. Иван Гузненков подошел к окну и доложил, что находимся мы невысоко, а Герой Советского Союза Семен Агафонов, стоя у двери, начал подбрасывать в руке противотанковую гранату. Японцы, правда, не знали, что запала в ней нет. Полковник, забыв о платке, стал выти-

рать пот со лба рукой и спустя некоторое время подписал акт о капитуляции всего гарнизона.

Построили три с половиной тысячи пленных в колонну по восемь человек. Все мои команды они исполняли уже бегом. Конвоировать такую колонну у нас было некому, тогда командира и начштаба японцев я посадил с собой в машину. Если хоть один, говорю, пленный убежит — пеняйте на себя. Пока вели колонну, в ней стало уже до пяти тысяч японцев...

Должен сказать, что если бы не наш отряд, никакой войны в Корее вообще бы не было. Японцы хотели уйти в американскую зону и там сдаться в плен. Но у нас не было случая, чтобы мы не выполнили задания, которое нам давали, каким бы оно ни было. Мы умели в любых условиях бороться до последнего.

После Крестового отряд представили к ордену Красного Знамени, но это не было утверждено. Кто-то считал, что мы — временная часть, которая после войны не будет нужна. На Дальнем Востоке я прямо спросил у наркома Н.Г.Кузнецова:

— Почему вы считаете нас временной частью?

— Так не я один считаю. — А потом все же сказал: — Гвардейское звание получите.

И обещание выполнил».

Прав был Александр Васильевич Суворов: «Удивил — победил»

— Нужно ошеломить врага, сделать что-то эффектное даже, — говорил Виктор Николаевич. — Например, входим в штабную землянку. Громко приказываю: «Ну-ка, ты, иди сюда!» Потом удар, тот летит и уже не встает. Мы выходим спокойно и идем как на параде.

Сейчас, спустя десятилетия, очевидно, что в первые два года войны на ключевых участках шел жестокий отбор. На первый план выходили самые решительные, самые одаренные.

Осенью 1942 года поход на мыс Могильный, откуда немецкий гарнизон засекал наши корабли и самолеты, складывался крайне неудачно. Командир батальона морской пехоты, сопровождавшего отряд, был потом отдан под суд военного трибунала. Его батальон под огнем немцев поспешно отступил. Командир разведотряда и комиссар также

бежали... Небольшую группу разведчиков на Могильный повел Леонов, старшина второй статьи.

Атака была успешной, опорный пункт разгромлен, но на небольшом пятачке (самая широкая часть мыса не превышала ста метров) оказались лишь пятнадцать моряков. Немецкие егеря окружили их двойным кольцом, перекрыли путь отхода двумя пулеметами, подвергли интенсивному минометному обстрелу, от которого лопались и рассыпались каменные валуны. Немцы торопились, как понял слышавший их команды матрос, знавший немецкий язык, закончить дело до наступления темноты... Боеприпасы у разведчиков заканчивались.

«Мы были прижаты к земле теми двумя пулеметами, стрелявшими непрерывно. Надо было что-то решать. Я вскочил на ноги и последними патронами ударил по камню, за которым лежали пулеметчики. Мне важно было, чтобы они спрятались, перестали вести огонь. А один из лучших наших бойцов Семен Агафонов по моему приказу бросился к этому камню метрах в двадцати от нас... Он успел прыгнуть на камень и оттуда — вниз на немцев. Когда я, раненный в ногу, доковылял туда, один пулеметчик уже был мертв, с двумя другими Семен, схватившись, катался по земле. Я ударил одного, потом другого по голове прикладом, мы захватили эти пулеметы и вырвались из первого кольца окружения.

Агафонов, кстати, отлично стрелял, метал ножи. Однажды спас мне жизнь. Мы вошли в немецкий блиндаж. Один из немцев, я его не видел, достал пистолет. Но Агафонов молниеносно поразил его точным броском ножа с нескольких метров.

Потом Юрий Михеев последней связкой гранат удивительно точным дальним, на двадцать метров, броском подорвал немецкий блиндаж. Гранаты еще летели в воздухе, а он уже погиб, сраженный очередью. Но мы прорвали второе кольцо и пошли по протоптанной немцами тропинке к берегу. Поваливший снег скрывал наши следы. Последним шел Агафонов. Забрались в прибрежный кустарник, несколько раз цепочка егерей проходила вблизи от нас, а мы сидели затаившись, сжимая рукоятки ножей. Долго ждали своих. Ведь батальон не только отступил, они еще доложили, что из нас, разведчиков, никого в живых не осталось. Наконец пришли два «морских охотника»,

увидели со второго раза наши сигналы и забрали нас с Могильного. Остались в живых одиннадцать человек, и почти все были ранены...»

С этого боя и появились у немцев слухи о «черных дьяволах», бесследно исчезнувших в ночи... Хотя обычно разведчики облачались в белое. Гранаты — в белых сумках, автоматы обмотаны марлей.

Пошла по Заполярью слава о Леонове. Позже, во время советского наступления в Норвегии, немецкое командование предлагало за голову уже хорошо известного им командира отряда значительное вознаграждение.

— Виктор Николаевич, - спрашиваю у Леонова, - но ведь и вы были несколько раз ранены - пулями, осколками, штыком в голову на Крестовом...

— Почему-то ранения я получал по праздникам, то на Первое мая зацепит, то под Новый год... Но, по существу, все ранения - это результат ошибок. Немцы тоже ведь были опытные солдаты. А если не ошибаться, в идеале, то и ранен не будешь. Попадало мне в основном в первый год войны, когда опыта еще не хватало.

Первое мая 1942 года нас окружили на сопке. Во время снежного заряда немцы залезали на сопку, маскировали пулеметы. Где они? Я тоже во время заряда выбрался вперед камня, за которым скрывался. На мне все серое, и камень серый, думаю — не увидят, хоть и сижу прямо перед ними (остается только удивляться точности расчета, выдержке и дерзости Леонова. Ясно, на чем был основан его авторитет в отряде. — ***А. Т.).*** Все тихо. И вдруг один разведчик подбирается ко мне: «Закурить нет?» «Не курю я, — говорю ему. — Беги отсюда». Он нашел табак чуть дальше и побежал по снежной полосе, тут в него ударил один пулемет, который я засек. У меня нервы не выдержали, инстинктивно вскочил, и моя голова оказалась выше камня. Немцы решили, что я нахожусь за ним и ударили. Я был ранен рикошетом пулей в лицо, а если бы они догадались, что я перед ними, то, конечно, был бы убит... Но оба пулемета я засек, заполз за камень и показал ребятам, где они. Пуля торчала из щеки, зубы раздроблены. В тот день я в первый раз закурил.

«Право подбора разведчиков отряда возлагается на командира отряда»

— Как я попал в отряд? Очень сильный я был человек. Со мной бороться никто почти не брался. Хотелось мне посмотреть — что это

за егеря такие? Был уверен, что один на один уложу кого угодно. Перед началом войны я заболел, положили в госпиталь с аппендицитом. Моя подводная лодка ушла в плавание. Операции мне так и не сделали, но остался я на берегу, работал в мастерских, так как имел хорошую квалификацию слесаря-лекальщика и моториста. Немцы уже подходили. Что же мне, сидеть в мастерской? С кораблей набирали в отряд. Меня не отпускали из мастерских, но я прорвался к члену Военного совета флота. И меня взяли. Дальше отбирали уже в разведывательно-диверсионный отряд, Там уже было много подводников, они увидели меня и позвали.

А на второй день группа, человек двадцать, уходила в тыл к немцам. Один заболел. Мне предложили пойти... Заменил морскую форму на какую-то рваную армейскую и пошел. Атаковали немецкий опорный пункт, во время боя я попал в тяжелое положение. Винтовку СВТ я еще не знал. Немцы бегут на меня, я выстрелил, убил офицера. Они остановились. Потом заметили меня, начали палить. А винтовка не стреляет, что-то заело. Я вскочил и бросился бежать к другому офицеру, думаю, добегу до тебя, сволочь, и тобой прикроюсь. Он вдруг бросился от меня бежать, солдаты за ним. Я загнал их в укрепление, хочу бросить туда гранату, а запал вставить не могу (устройства толком еще не знал). Тут еще один наш подбежал, лежит, мне кричит, как делать. Бросаю гранату, она обратно вылетает. Наш боец кричит: «Встряхнуть надо, чтобы зашипела!» Встряхнул, подтянулся на бетонной стене, бросил. Там взрыв, стоны. Бросил еще одну. За этот бой получил медаль «За отвагу». Начал думать, как надо воевать...

В том первом бою страха не испытывал. Но когда, выполнив задачу, стали отходить, когда увидел наших ребят убитых, вот тогда стало страшно. Сидели на берегу, ждали катер, который нас должен был забрать, и я спросил командира: «Товарищ старший лейтенант, а чего они побежали от меня? Я один был, а их — больше десятка». Он мне и отвечает: «А ты на себя в зеркало посмотри!» Весь измазан, волосы всклокочены.

Наш отряд выполнял задания штаба Северного флота. Был еще и отряд Северного оборонительного района — морская пехота. У них было меньше опыта, выучка не та. Как-то командующий вызывает меня. Три раза ходили морские пехотинцы к немцам. Нужен пленный,

а взять не могут, своих уже несколько человек потеряли. Я послал туда своих молодых ребят с опытным Никандровым. Пошли и взяли «языка» без потерь.

Читал я про такой же отряд Балтийского флота, хорошо знал командира отряда Черноморского флота. Все у них было как-то не так... В первую очередь, думаю, сказывалось здесь то, что умное у нас командование было. Командующий флотом Арсений Григорьевич Головко, начальник разведки Леонид Константинович Бекренев — замечательный, интересный человек, он готовил Зорге, Абеля. Об этих людях еще будут писать... У меня был свободный доступ в штаб флота, хорошие личные отношения с начальством. Хотя член Военного совета заставил меня два года ходить в младших лейтенантах за Агафонова. Тот был осужден за дезертирство - сразу после появления соответствующего указа не успел вернуться вовремя на свою подводную лодку. Мы с флагманским физруком ходили умолять, чтобы Семена отдали нам в отряд, мы-то знали, что он за человек. А после Могильного я представил его к ордену Красного Знамени, и ему вручили награду. Тут член Военного совета вскипел, ему на ухо шепнули - осужденный, дезертир... И мне сказал - будешь два года ходить в младших лейтенантах. И я ходил. Замполит мой - старший лейтенант, начальник штаба - капитан-лейтенант. Впрочем, надело это не влияло...

Адмирал Головко отдал приказ — право подбора разведчиков возлагается на командира отряда. Назначить к нам никого не могли. У меня была связь с управлением кадров, они присылали ко мне тех, кто вроде бы подходил. Я беседовал с человеком и смотрел, как он реагирует на мои вопросы. Самое важное для меня при этом было — его глаза и руки. Приходит ко мне как-то кандидат на должность помощника по тылу, говорит, что у него связи, что все у меня будет... А я ему говорю — а вот если тебе на плечи положить килограммов сорок груза, на лыжах двадцать километров пробежишь? Он — мне это необязательно, я буду кормить людей. Я говорю — а мне обязательно, чтобы ты это мог делать тоже, потому что кормить надо не только здесь, за столом. В общем, не сговорились. Смотрю на него — глаза бегают, руки трет... Как-то в «Красной звезде» была статья, где показывалось, как по положению рук можно определить психологическое состояние человека, его характер. Мне нужно было, чтобы руки не хватались ни за что, чтобы они были готовы к действию, но оставались спокойны...

А первый мой приказ, когда я стал командиром в мае 1943 года, был такой - уполномоченного особого отдела в отряд не пускать. А то — приходим из похода, и он тут как тут, занимает кабинет и начинает вызывать по очереди, допрашивать, кто как себя вел... Потом второй приказ. Почти всех стукачей в отряде я уже знал, потому что меня самого вербовали, и я отказался от этого дела. Хочешь проверять — иди с нами на задание, там каждого видно как на ладони... Я их собрал и сказал: «Пишите что угодно, придумывайте любую болезнь, но чтобы через сутки вас в отряде ни одного не было». И всех их выгнал. После этого мне член Военного совета сказал: «Они тебя посадят скоро». Я говорю: «А вы для чего?» Он: «Они и меня могут обойти». А я знал — таким образом они сажали Лунина, ставшего потом знаменитым подводником. Я говорю: «Мне не нужно, чтобы вы меня защищали, но подпись ваша нужна в приказе. Вы мне сообщите только и дайте самолет. Я прыгну с парашютом в Норвегию и буду оттуда руководить отрядом. Пусть они там меня возьмут». Он засмеялся: «Ну ты, говорит, авантюрист...» Я говорю: «Какой же я авантюрист, это я так...» Но если надо было помочь, член Военного совета отряду помогал.

Мы готовили людей только так, как это будет в бою

— Закалка в отряде была спартанская. Каждое утро — лыжный поход на тридцать — пятьдесят километров, а иногда и на семьдесят. В последнем случае после половины дистанции мы выпивали по кружке шоколада на одной из баз разведуправления, отдыхали минут десять и шли обратно. После этого проводили боевую разминку, у нас была своя система, включавшая приемы джиу-джитсу и других видов борьбы. При отработке схватки вооруженного с невооруженным всегда использовалась боевая винтовка с настоящим, а не спортивным эластичным штыком. Член Военного совета как-то это увидел и говорит: «Прекратите, вы же убьете друг друга». Но мы готовили людей только так, как это будет в бою.

Были ли мои ребята суперменами, как сейчас говорят? Я бы не сказал. Обычные русские люди. Главное, чтобы здоровье было стопроцентное и на лыжах крепко стояли.

Отряд в основном формировался из моряков-подводников, спортсменов. Я с 1938 года служил на подводной лодке, считался одним из лучших лыжников Северного флота, перед самой войной представлялся к званию мастера спорта, был чемпионом бригады по боксу, инструктором рукопашного боя. Еще до службы, на заводе «Калибр» в Москве окончил курсы снайперов. На заводе особенно много занимался легкой атлетикой, бег на средние дистанции у меня получался. На футбол любил ходить, знал всех игроков «Динамо» и ЦДКА. Любил игру Константина Бескова. Главное — он соображал, что делал. Как-то динамовцы долго не могли забить гол, чтобы выйти в финал кубка. Бесков два раза выходил один на один, вратарь забирает мяч. Вышел опять, вратарь приготовился. А Бесков пробегает мимо мяча, и бегущий за ним динамовец, видно по договоренности, ударил и забил. Тонко было сыграно. Помню хорошо игру Григория Федотова, Боброва...

Я стремился попасть на флот, хотя при призыве туда поначалу и разнарядки не было. «Почему на флот?» — спросили меня. «Ну как же! Море!» — отвечаю я, язык-то у меня тогда был неплохо подвешен. А вот спортсмены в отряде не задерживались. Один я и остался... Когда началась война, к нам в отряд приехали из ленинградского физкультурного института Лесгафта несколько человек. Кое-чему мы у них научились и в лыжах, и в рукопашном бое. Но всех их потом списали. Знать-то они знали, но для того, чтобы по-настоящему где-то драться, слабоваты были...

- Виктор Николаевич, а вы в детстве часто дрались?

- Нет, почти никогда. Как-то мне удавалось, как правило, дипломатическим путем решать все вопросы.

...Был у нас на флоте один из лучших лыжников, мой друг Андрей Жирнов. Прекрасно подготовленный, помог мне стать лыжником, но оказался патологически труслив. Как идти в поход, у него обязательно находится какая-нибудь болезнь. Потом его списали в морскую пехоту. Там отправили сопровождать двух раненых в тыл, а он бросил их, ушел и сдался в плен. Я узнал о том, что у немцев появился некий ин-

структор Андрей. С заданием мы ушли в тыл к немцам, нашли их лыжную базу. Наблюдаю за тренировкой, вижу — действительно Жирнов. Тренировка у немцев закончилась, но я знал, что сейчас он должен пойти еще на круг в одиночестве, как это делал наш довоенный тренер. Я встретил Андрея на лыжне... Он упал на колени, просил взять его с собой. «Зачем? — говорю. - Из тебя же наши особисты все жилы вытянут...» Предатель был расстрелян.

— Были ли у вас любимые песни в отряде?

— Любимая — «Землянка»... Когда уходили в поход, к нам приходил артист из ансамбля Северного флота и исполнял на дорожку... А из послевоенных песен не могу переносить «Алешу». Во время празднования моего юбилея дочь Татьяна говорит артистке, что «Алеша» — любимая песня отца. Та запела, у меня потекли слезы. Слова-то какие: «Из камня его гимнастерка, из камня его сапоги...»

— А каким было питание, снабжение?

— Морской паек, как на кораблях. Полагался и походный паек, довольно солидный. А ведь когда человек идет и знает, что придется и пострелять, и подраться, он лучше вместо продуктов лишнюю гранату возьмет. Поэтому оставались всегда излишки.

Как-то раз член Военного совета после вручения орденов говорит — зайду к вам завтра, чем будете угощать? Я говорю — будет гусь с яблоками. Пришел к коку, тот — что ты, командир, гуся-то мы достанем, а вот яблок где взять? Кока я для своих ребят держал лучшего на флоте, у меня его хотели отобрать в штабную столовую, приказ уже подписали. Но я отправил его на Рыбачий, идите возьмите... Так он из компота яблок натаскал, как-то их распарил, что они как свежие стали. И угостили-таки члена Военного совета.

Определенной формы одежды для походов у нас не было. Были очень удобные зимой американские шерстяные тельняшки — теплые, пот хорошо впитывали. Имели мы и прекрасные костюмы из оленьих шкур, делали их для нас в одном совхозе на Кольском полуострове. Брюки мехом наружу, жилетка мехом внутрь и рубашка с варежками мехом наружу. В такой одежде можно и в снегу спать. Встал, встряхнулся, как олень, и пошел дальше...

В июне 1945-го я прибыл на Дальний Восток. Там тоже был разведотряд. Но кто туда входил? Ведь все опытные моряки уехали

на запад. Хотя в отряде по сравнению с другими еще получше остались. Меня нарком назначил туда, а я поначалу отказался ехать, хотя сам же и просился. Как с этими мальцами я встречусь с японцами?

Скажут — какой ты Герой? Тогда мне разрешили пятьдесят человек своих взять. Их я перемешал с теми молодыми из расчета: двое новичков к одному ветерану. Нас направили на остров Русский, там лес, горы, подходящее для занятий место. Часов по двенадцать в день — тактика, стрельба... За два месяца мы этих молодых натаскали, и в настоящем бою они потом работали уже не так плохо.

Основа всего — патриотизм

- Моя родина — Зарайск, очень красивый город. Славился садами, яблоками торговали не на килограммы, а мерой или мешками. Жили мы на первом этаже, в полуподвале. Окно откроешь и шагнешь в сад... Отец мой был садовод.

Летом я жил у деда в деревне Протякино. Рыбачил на реке Осетр. Время было голодноватое. Помню, один раз убил большую щуку. Она грелась на солнышке в омуте, *Я* взял палку, ударил, она и всплыла, Схватили мы ее с другом и вытащили на песок о трудом. Привязали рыбину на палку, палку на плечи и потащили. Рост наш невеликий был, щучий хвост по земле волочился...

Как-то, было мне лет десять, шел я зимой из Протякино в город, это километров восемь. Смотрю, впереди два мужика повернули обратно и мне говорят: куда ты, парень? А мне в школу надо. «Не ходи, там волки.» Но я пошел дальше. Знал, что там ветла у мостика. Если волки нападут, успею забраться на дерево. Уже рассветало, кто-нибудь поедет, не будут же волки сидеть и смотреть. Иду осторожно и вижу — бегают две лисицы, я свистнул, они убежали. Мужики догнали, в благодарность даже взяли и потащили мой мешок с продуктами. Почему я пошел? У меня был расчет, а не то что — пойду и все, ничего не боюсь.

— Перед походом на Крестовый командующий Карельским фронтом Мерецков сказал о вас: «Коли зарайский, пусть идет, будем надеяться». Ваша родина — рязанский городок Зарайск (ныне в Московской области) известен в русской истории, у него даже герб боевой — меч, крепостная стена.

— Кирилл Афанасьевич Мерецков — мой земляк. Зарайские всегда как-то гордились своим городом, который был поставлен как форпост между Рязанью и Москвой. Татары шли с юга и всегда в первую очередь попадали на Зарайск. Название свое город получил, когда рязанская княгиня Евпраксия, узнав о гибели мужа и не желая сдаваться хану, который прельстился её редкой красотой, бросилась с ребенком с высоты и, как тогда говорили, «заразилась», то есть убилась насмерть...

Под Зарайском, на Великом Поле, былинный богатырь Евпатий Коловрат сформировал свой знаменитый отряд.

Прославил Зарайск и сосланный сюда князь Дмитрий Пожарский. Когда в Смутное время наступали поляки, им присягнули все окрестные князья, а он отказался. Пришли к нему купцы — говорят, разграбят наш город. А князь говорит — нет. Тогда его пообещали убить. На эту угрозу он ответил, что лучше погибнуть от руки предателя, чем самому быть предателем. Эти и другие истории я слышал еще в школе, учитель нам рассказывал...

— Виктор Николаевич, а как сложилась ваша судьба после войны?

— Я хотел демобилизоваться. Еще до войны я многое из Пушкина знал наизусть, поэму «Руслан и Людмила», «Конек-Горбунок» Ершова, писал стихи, печатался. Мечтал пойти в литературный институт... Меня направили к адмиралу Исакову, начальнику штаба флота. Исаков — это же умница был... Слушал он меня, слушал, потом говорит: ты Айвазовского знаешь? Он окончил военно-морское училище. Римского-Корсакова? Станюковича? Чем ты-то лучше? И я попал в Баку, в Каспийское училище. После учебы был назначен командиром дивизиона торпедных катеров в Новороссийске, но потом меня взяли в Генштаб ВМФ, где я занимался обобщением опыта, хотя все отряды, подобные нашему, расформировали. Долго мы вместе с Героем Советского Союза генералом Бановым из армейского Генштаба пробивали нашу идею о том, что разведчиков тоже надо учить. Будет война, и опять люди будут гибнуть, не имея опыта, как это было у нас. В конце кон-

цов мы добились своего, было принято решение создать такие отряды на флотах и в округах. Этим я и занимался. Потом пошел учиться в академию в Ленинграде и тут тяжело заболел. Наступил 1956 год - начали резать корабли, Хрущев к флоту известно как относился. Служба пошла наперекосяк везде. Думаю - надо уходить. Пора...

Приехал в Москву, поработал в НИИ инженером, а потом как-то меня отпустили на Северный флот выступать. Оттуда прислали бумагу, что лучше лектора они не слышали. Так я и объездил весь Советский Союз, от Дальнего Востока до Молдавии. Везде принимали хорошо. Уставал только - по нескольку выступлений в день... Но просили все, а особенно школьники. Как ребятам откажешь? А потом здоровье совсем начало подводить. Кто на войне думал о перегрузках? Думали - а выживешь ли?..

- Но тогда все знали, за что воевали.

- Знали. На флоте в нашу победу верили буквально все с самого начала войны. Другое дело, что после войны все пошло не совсем так, как надо бы...

- А ваши бойцы кричали «за Сталина»?

- Мои нет. Когда кричать - ночью? Перед внезапной атакой? Хотя не скажу, что мы Главнокомандующего не уважали. Мы гордились его мужеством, тем, что он в Москве остался осенью 1941 года.

- Первую свою Звезду Героя вы получили за Крестовый?

- Представляли-то и раньше, а дали в то время. За Крестовый присвоили звание Героя мне, Александру Пшеничных и Семену Агафонову.

- А Иван Лысенко не был удостоен этого звания?

- Нет... Не стали Героями и Алексей Луппов, и Володя Фатькин, который первым бросился на Крестовом на колючую проволоку. Володю называли самым красивым матросом Северного флота. Иногда, правда, был храбр до безрассудства. Однажды высадились в Норвегии. Подошли к обрыву. Ночь, бросили вниз камень, звука никакого. Вдруг Фатькин говорит: «Сейчас я вам скажу». Взял и прыгнул вниз. Кричит оттуда: «Высоковато, Пашке Барышеву (это был друг его) страшно будет. А так снег мягкий, рыхлый, можно прыгать». Все прыгнули, никто не разбился.

Такой человек был Володя Фатькин. Помню, как он однажды на моих глазах, оставшись без автомата, сумел двумя ножами уложить двух здоровенных егерей...

У нас ведь не было ни одного человека из Героев, который не имел бы до этого два-три ордена, только потом представляли на Героя. Эти ребята совершили подвиг на Крестовом, а сколько они до этого-то еще сделали... И Саша Манин, который на Крестовом после гибели Фатькина взорвал себя с немецкими пулеметчиками, достоин самой высокой награды.

Был еще один отряд, который с нами шел, но ничего не сделал, а командир его получил-таки звание Героя.

Но не из-за орденов ведь воевали. Помните ответ Ивана Лысенко перед смертью: «Я правильно поступил».

Вот что надо воспитывать в человеке. Чтобы он думал не о жизни своей, а о деле, которое ему поручено...

- Адмирал Головко писал в своих мемуарах, что вы попросились потом вернуться на Крестовый и самому похоронить погибших из своего отряда.

- Да. Нас перебросили в Лиинахамари, но я вернулся на Крестовый. Там остались только раненые и охрана ста двадцати семи пленных немцев.

Там находились также один штабной офицер и писатель, они выпили, спиртное было у немцев, и пристали ко мне - разреши над могилой наших десять немцев расстрелять... Я ушел на катере, а они их расстреляли. У меня потом командующий спрашивает — кто приказал?! Я взял на себя вину, тем не сносить бы головы за это, а меня уже нельзя было из отряда убрать в то время...

- А как вы встретили День Победы?

- Еще восьмого мая, у себя на базе. Англичане-союзники прибежали поздравить. Выпили, постреляли вверх малость... Но у нас на Севере все уже кончилось задолго до этого. Второй раз встречал Победу в Японии, после разгрома японцев слетал в Порт-Артур, Дальний. Седьмого ноября на Параде Победы на Дальнем Востоке прошел и наш гвардейский отряд.

- Как вы оцениваете день сегодняшний? Преодолеет наш народ новую смуту?

—Народ-то преодолеет... И смута не первая в нашей истории. Народ, если почувствует, что дело ставится по-настоящему крепко, здорово, народ с радостью это поддержит. Переживет и эту заваруху, но видно, тяжело переживет. Можно было бы как-нибудь полегче...

Много у нас на Руси было святых людей, чудо-богатырей, - говорил Виктор Николаевич. - Я был воспитан на их примере и говорю вам: не забывайте эти традиции, берегите их и приумножайте!

Мечта о подвиге, о том, чтобы отличиться, — это мечта каждого человека. Но для того чтобы это осуществить, нужно прежде всего уметь управлять собой. Должна быть железная воля. Как ее воспитать? Для этого нет специальных упражнений... Основа всего — патриотизм. Тот, кто безразличен к судьбе Родины, ничего не совершит! Конечно, необходимы знания, умения. И вера в товарищей, которые также должны верить в тебя. Когда будут воспитаны эти качества, то и воля появится как бы сама по себе... А если есть воля — путь к славе, путь к подвигу вам открыт.

Леонова звали в отряде в глаза и за глаза — Батя... С того дня, как он стал командиром, и до конца войны отряд потерял погибшими лишь девять человек, из них семь — на Крестовом, в основном в момент преодоления проволочного заграждения.

—Я вообще не любил терять людей. Спросите у любого: все знали, что я буду бороться за жизнь каждого человека до последнего.

Как-то попросили меня проконсультировать автора сценария о действиях моряков-разведчиков в годы войны. Я посмотрел, ошибок хватало. А главное — писатель всех погубил к концу фильма! Я говорю — так не пойдет. Меня же назначили консультантом. И оставил им в живых несколько человек...

Таким и был Виктор Николаевич - боец, вожак, тонкий психолог и поэт.

—В молодости, — рассказывал Виктор Николаевич, - я писал стихи, печатался... Осталось у меня одно незаконченное стихотворение об улыбке. Ведь это тоже оружие. Когда я внезапно сталкивался с врагом лицом к лицу, я ему мило улыбался. Он замешкается на несколько секунд и это давало мне возможность остаться живым и что-то сделать. И если от тебя уходит любимая, не злись. Пожми плечами и улыбнись ей вслед. Не только розы будут на ее пути, тогда она вспомнит твою улыбку и прольет слезу...

В том же 2003 году, осенью, я проходил мимо северного входа на ВДНХ. Было тепло и солнечно. Огромные массы людей передвигались между бесчисленных торговых павильонов. Но что резануло по душе — начался демонтаж, как писали в газетах, для реставрации скульптуры Мухиной. Стальные гиганты еще стояли на своем постаменте, но уже без головы, без рук... Зрелище было тяжкое, один из мрачных символов затянувшегося смутного времени.

На одной из неофициальных встреч в прошлом году я слышал, как один действующий генерал Российской армии, выступая после ветеранов, говоривших о сегодняшнем состоянии армии, и как бы отвечая им, сказал — в нашей истории бывают времена суворовские, наступления и натиска, и кутузовские, отступления и утрат, когда главное - соединить и сохранить силы. Говорил генерал весомо, продуманно. Ветераны, было видно, его поняли. Конечно, таких генералов и офицеров мы тоже не видим сегодня на «голубых экранах».

Но не может не свершиться возвращение имен таких героев, как Виктор Николаевич Леонов, Константин Иванович Васильев... Мне показалось, что на той встрече в июне 1999-го Леонов принял Васильева в свой отряд.

О многом говорит день рождения человека. В.Н.Леонов родился 21 ноября, вдень Собора Архистратига Михаила и прочих Небесных Сил бесплотных. К.И.Васильев — 6 мая, в день великомученика Георгия Победоносца.

Из бойцов леоновского отряда Константин напомнил богатыря Ивана Лысенко. В том бою на Крестовом Лысенко лично не сразил никого из врагов. Но своим самопожертвованием открыл товарищам путь к победе. Подвиг Васильева — из того же ряда. Для воцер-

ковленных людей вполне очевидно огромное влияние таких незримых поначалу для большинства людей деяний на реальные земные события.

Своей гибелью Константин словно приподнял черную плиту безысходности. В тот просвет и пошли бойцы группы «Альфа». Перед глазами у всех стоит то раннее утро в тусклом свете фонарей. Бойцы в камуфляже крушат стекло входных дверей. Слышится срывающийся голос теледиктора: «Все! Пошли наши спецы!» Начался штурм.

Мы его помним

«...боевые операции в Заполярье являлись в истории Великой Отечественной войны уникальными, ибо нигде более нам не довелось обороняться и наступать в такой природной зоне...

Представьте себе приморское плоскогорье, лежащее севернее Полярного круга. С частично не замерзающего, но все же весьма холодного моря еще дуют характерные для мурманского лета сильные ветры в глубь континента. Они перемежаются с уже набирающими силу зимними ветрами в сторону моря. При очень частой осенней непогоде снег мешается с дождем, а ночами сплошь и рядом бывают заморозки. Холодный воздух насыщен влагой. Нередко сквозь туманы Гольфстрима прорывается дуновение Северного Ледовитого океана, и тогда становится совсем невесело. Под ногами тундра, сырая и какая-то неуютная, снизу веет безжизненностью: там, в глубине, начинается лежащая островками вечная мерзлота, а ведь солдату приходится спать на этой земле, подстилая под себя лишь одну полу шинели...»

К.А.Мерецков. На службе народу. Страницы воспоминаний. - М.: Воениздат, 1969.

АЛЛЕЯ ГЕРОЕВ

Когда мы готовили эту книгу, Татьяна Викторовна, дочь Виктора Николаевича Леонова, предложила съездить на родину отца в подмосковный город Зарайск, в среднюю школу имени Н.Л.Мещерякова, где заканчивал семилетку будущий разведчик.

Путь из Москвы недалекий — на машине ехать всего около двух часов. Въезжаем в этот небольшой провинциальный городок, и Татьяна Викторовна говорит: «Давайте сначала заедем на Аллею Героев, это по дороге». Подъезжаем по маленьким тихим улочкам к тому месту, где в 1950 году был установлен, согласно указу правительства, бронзовый бюст дважды Героя Советского Союза В.Н.Леонова. Выходим из машины. Солнце, морозец. Идем по Аллее, и вот первые мои впечатления... Заметны и здесь следы общероссийской разрухи: в конце Аллеи - заколоченный Дом культуры, который раньше, наверное, был значимым для жителей Зарайска центром, под ногами — потрескавшийся, выбитый асфальт, исчезли куда-то якорные цепи, окружавшие по замыслу скульптора памятник Виктору Николаевичу. Но не это главное. Идем по Аллее к бюсту дважды Героя В.Н.Леонова, а с двух сторон на нас смотрят стелы с портретами и именами еще шести зарайских Героев Советского Союза, среди них — и крупный полководец Великой Отечественной войны маршал К.А.Мерецков, и знаменитый летчик Николай Власов, который был сбит, попал в плен и стал одним из руководителей восстания смертников в концлагере Маутхаузен в 1945 году. Власов погиб, но сумел сохранить свою Звезду Героя, она вернулась на родную землю. И вот, когда мы шли по Аллее, вдруг появилась удивительная мысль: «Да это же Земля Героев, необычное, благодатное место...».

Дальше — больше. Мы увидели город, почувствовали его, посетили школу, в музее которой с большой теплотой и деликатностью ребята и учителя поддерживают память о своем земляке. И постепенно открывалось: вот почему Виктор Николаевич так любил Зарайск, свою малую родину. В школьном музее есть фотография, на которой Виктор Николаевич запечатлен в штатском костюме с двумя Золотыми Звездами, а на лацкане пиджака — знак Почетного гражданина Зарайска. Он эти награды считал высшими в своей судьбе. Особая была у Леонова любовь к родному уголку России.

Хотелось бы неизбитыми, нештампованными фразами попытаться передать наши чувства, теплоту этого города, неповторимые характер и облик людей...

Зарайские школьники не просто произвели сильное впечатление. У этих детей глаза особые. В этой школе как будто остановилось время, вернув и нас лет на двадцать-тридцать назад, к воспоминаниям о том лучшем, что было в годы нашей учебы.

В школе, руководимой Н.И.Вуколовой, — восемь кружков, в работе которых видна забота о душе ребенка, о его образовании, здоровье. Преподаватели самоотверженно ведут эту работу. Видели мы, как мальчишки уже после уроков пришли на какую-то секцию, переоделись в спортивные костюмы и побежали по заснеженному Зарайску, а потом вернулись тренироваться в свой спортзал, в котором даже и канатов-то нет. Канатов нет, а люди есть. Есть забота о них.

Здание школы, конечно, перестраивалось за 130 лет существования, но сохранилась старинная чугунная лестница, по которой поднимались и Виктор Леонов, и Николай Власов, и другие выпускники...

Как нам рассказывали, выпускники школы, даже те, кому уже за семьдесят, регулярно собираются своими классами и вспоминают светлые годы учебы. Можно ли встретить в нынешних мегаполисах такую традицию, освещенную внутренней теплотой и душевностью? Вряд ли, а жаль.

В Зарайске отчетливо понимаешь — откуда пришла к нам Победа в 1945-м. Только с такими людьми можно было выстоять в той невыносимой, страшной войне, когда на нас шел не просто Гитлер с одной Германией, на нас двинулась вся завоеванная нацистами Европа с ее огромным военным потенциалом. Представим, по сегодняшним меркам, что будет, если блок НАТО, оснащенный всем современным оружием, вдруг навалится на нас? А они уже у наших границ. Сможем ли мы выстоять сегодня?

Теперь о главном. Там, в Зарайске, становится понятно, откуда выходят такие люди, как Виктор Николаевич Леонов. Они, оказывается, родом из таких вот заветных уголков, где живет русский дух, где хранимы верность, чистота и незамутненность чувств. Где есть

воспитание мужества, отваги, стойкости. Ведь не одним поколением закладываются качества, чтобы осилить такие войны. Представьте! Шесть Героев Советского Союза, два полных кавалера ордена Славы на одной только зарайской земле! А сколько еще известных людей родились и выросли здесь во славу России? Достаточно сказать, что отсюда родом отец великого Шолохова, его корни — в Зарайске.

Вот и не верьте теперь, что все-таки существует какая-то особая генная связь поколений. Код воинского духа, достоинства и воли. Сам Виктор Николаевич Леонов нередко говорил, что Зарайск веками стоял на пути завоевателей, что здесь в Смутное время воеводой был князь Дмитрий Пожарский. Зарайский кремль принял на себя жестокие удары орд крымских татар в 1533, 1541, 1542, 1549, 1571, 1611 и 1673 годах. Семь раз! И сегодня Зарайский кремль — единственная полностью сохранившаяся крепость России.

Другими словами, теплота и задушевность, спокойствие и в то же время внутренняя сила и цельность этих людей нас, москвичей, просто заворожили. Мы получили необыкновенный духовный заряд и в Москву возвращались с особым чувством того, что побывали на родине воинов, прикоснулись к чему-то глубинному, вечно хранящемуся на нашей земле. Люди эти могли и не знать поначалу ни ухищрений восточных единоборств, ни других техник ведения боя, но за ними всегда, во все времена стояла память их предков, в них жила такая историческая сила, что стоило им услышать набатное: «Родина в опасности!», — и они вставали на защиту того, чем дорожили, что хранили веками — на защиту Родины!

***

Так что же это за город такой — Зарайск? Полистаем «Зарайскую энциклопедию», изданную в 1995 году. Много лет пришлось ее автору, жителю Зарайска Владимиру Ивановичу Полянчеву посвятить книге, которой нет аналогов в отечественной краеведческой литературе. В.Н.Леонов хранил экземпляр энциклопедии, подаренный ему в день 80-летия с надписью: «Дорогому Виктору Николаевичу Леонову — великому разведчику, украсившему своими подви-

гами и мою энциклопедию, — с уважением и почтением В.Полянчев. Зарайск, 21 ноября 1996 года».

Как объясняет В.И.Полянчев, его земляки никогда не ощущали свой край неким захолустьем, ведь «Зарайск — удивительный, неповторимый город, который на протяжении семи с лишним веков был удельной, а затем уездной, а сейчас районной столицей края в 968 квадратных километров и насчитывающей в настоящее время 45 тысяч жителей. Маленькая, но столица! И не случайно у нас бытует шутливая присказка: «Есть в России три столицы: Зарайск, Москва и Луховицы»... По моим подсчетам, из Зарайского края только за последние три четверти века вышли семь академиков, 26 профессоров, 52 доктора и кандидата наук, 28 лауреатов Ленинской, Государственной премий и премии Совета Министров СССР, 12 Героев Советского Союза и Героев Социалистического Труда... Подсчитал и пришел к выводу: в Зарайском районе каждый сотый житель чем-то знаменит».

Переворачиваешь страницу за страницей энциклопедии В.И.Полянчева и видишь редкое созвездие талантов. Профессор А.Е.Ершов, учредитель МВТУ; купец-меценат А.А.Бахрушин, создавший в Москве театральный музей; академик В.В.Виноградов, один из организаторов Института русского языка Академии наук; классик русской скульптуры А.С.Голубкина; народный художник СССР Ф.Д.Константинов, один из лучших графиков страны; Герой Социалистического Труда А.В.Белоусов, главный конструктор дальней космической связи и телеметрических измерений... Можно перечислять и перечислять.

Зарайцы жили и живут в благословенном крае с уникальным климатом, который наряду с явными континентальными свойствами сочетает в себе и некоторые морские признаки. На почве после грамотного окультуривания все родится десятерицею. Зарайский лес воспет еще Ф.М.Достоевским и А.И.Куприным, жившими здесь. Есть и целебные источники, и сады. Зарайский район — начало холмистой лесостепи. Не случайно город, один из древнейших на Руси, звался когда-то Красный, то есть красивый, — стоял на крутой горе в окружении дремучих лесов.

Какими они были, пращуры Виктора Николаевича Леонова? Летописец дает такой ответ: «Были они родом христолюбивы, брато-

любивы, лицом прекрасны, очами светлы, взором грозны, сверх меры храбры, сердцем легки... ратному делу искусны... Мужественный ум имели, в правде-истине пребывали, чистоту душевную и телесную без порока соблюдали...».

Духовное сердце города — Никольский собор. В 1225 году корсунские миссионеры доставили в Красный (Зарайск) икону святителя Николая Чудотворца. Святитель Николай, как известно, покровительствует морякам. Может быть, поэтому и родился в этом крае лучший русский морской разведчик всех времен?

Несколько веков Зарайск оставался, как уже говорилось, пограничной заставой Руси. Всем известна великая сеча воеводы Рязани Евпатия Коловрата с войском хана Батыя. Легенда гласит, что похоронен был Евпатий Коловрат на зарайской земле, и место это зовется Могила Богатыря.

Выдающимся воином был и богатырь Митя Калинин (ок. 1480 — ок. 1550), командир сторожевой дружины в окрестностях Зарайска, не раз бившийся с конными отрядами крымских ханов.

Достойно встретили зарайцы и появившихся на подступах к городу гитлеровцев. Командующий Зарайским боевым участком генерал-лейтенант А.Д.Терешков писал: «В декабре 1941 года парторганизация Зарайска и комитет обороны города показали себя с самой хорошей стороны — спокойствие, быстрота в сооружении баррикад, блестящая связь, обеспечившая управление войсками, помощь по ремонту танков, отличное действие истребительного батальона, охранявшего город и активно действовавшего против сильного противника, своими действиями ставившего его в заблуждение».

Многих земляков — героев Великой Отечественной войны упоминает в своей энциклопедии В.И.Полянчев. Помимо Героев Советского Союза запоминаются командир отделения морской пехоты Николай Аверьянов, вызвавший летом 1942-го при отражении танковой атаки огонь на себя, Иван Зубачев, капитан-пограничник, один из организаторов легендарной обороны Брестской крепости. Умели зарайцы доблестно биться и на земле, и на море, и в небе. И даже — как Николай Власов — в абсолютно безвыходном, казалось бы, положении, в концлагере, в блоке смертников...

ШКОЛЬНАЯ ПЛАНЕТА

Много ли найдется в России, даже в больших городах, школ, издающих собственную газету? Не стенгазету, а настоящую, пахнущую типографской краской?А в зарайской средней общеобразовательной школе № 1 им. Н.Л.Мещерякова по инициативе Н.И.Вуколовой с прошлого года для детей, педагогов и родителей выходит такая газета под названием «Школьная планета». Именно это издание, а также реферат «Человек-легенда» — дважды Герой Советского Союза морской разведчик В.Н.Леонов» ученицы 11-го класса Евгении Новиковой стали тем источником, который дал нам информацию о судьбе необыкновенного человека — разведчика Леонова.

Это был необыкновенный человек

Весной мы узнали, что в нашей школе будет открыт зал боевой славы Виктора Николаевича Леонова, дважды Героя Советского Союза. Мы много знали о жизни и судьбе этого замечательного человека из рассказов Натальи Петровны Кореньковой и Елены Викторовны Петровой, поэтому к такому событию отнеслись очень серьезно. Многие ребята с удовольствием помогали в оформлении музея, в том числе и учащиеся нашего одиннадцатого класса.

Был проделан большой объем работы, сколько было подобрано материала! Наконец 10 мая музей был открыт.

Сколько добрых слов было сказано в этот день о нашем земляке, сколько благодарностей прозвучало в адрес наших учителей. А сколько волнующих мгновений испытал каждый из нас в то солнечное утро!

Наталья Петровна Коренькова провела экскурсию по музею. Мы узнали много нового о Викторе Николаевиче, его боевых походах, его друзьях, увидели много фотографий. Очень хочется сказать большое спасибо Наталье Петровне Кореньковой за интересный и увлекательный рассказ. Слушаешь ее и все больше удивляешься тому, какой же необыкновенный человек был Виктор Николаевич Леонов.

Очень хочется, чтобы подрастающее поколение равнялось именно на таких людей. И очень приятно, что, даже живя в Москве, Виктор Николаевич никогда не забывал о своей малой родине — Зарайске, очень гордился своей школой. Надеюсь, что и нынешние ученики никогда не забудут своей школы и будут своими делами прославлять ее и наш город далеко за его пределами.

Елена Светлова,
выпускница 2004 года
(Школьная планета. — 2004. — № 2.)

В музее школы собран большой материал о Великой Отечественной войне, о героях, сражавшихся за нашу Родину. В зале боевой славы представлен материал о выпускнике школы — дважды Герое Советского Союза, легендарном командире морских разведчиков Викторе Николаевиче Леонове. Боевые операции его отряда были уникальны, они и по сей день служат предметом изучения для военных академий мира. За все годы войны было лишь 118 дважды Героев Советского Союза, и среди них — выпускник нашей школы.

Школа гордится тем, что Виктор Николаевич учился у нас, тем, что много лет учителей и учащихся связывала тесная дружба с героем, об этом нам повествуют многие экспонаты музея.

В годы Великой Отечественной войны во всей полноте раскрылся военный талант Леонова как командира; он умел решать самые сложные боевые задачи ценой минимальных потерь, находил нестандартные приемы ведения боя, которые вошли в учебники для занятий с солдатами многих стран мира.

В мирной жизни Виктор Николаевич оставался человеком широкой души, щедрым и добрым. Он не забывал земляков-зарайцев и трепетно относился к своей школе.

В 1973 году В.Н.Леонтьев приезжал в Зарайск на празднование 100-летия средней школы № 1. В выступлении на торжественном собрании он выразил благодарность учителям за глубокие знания и подарил несколько своих книг, которые в настоящее время хранятся в школьном музее. Позднее музей школы получил книгу на ан-

глийском языке американского военного журналиста-разведчика Джеймса Джебхардса «Кровь на скалистых берегах». Второе название книги - «Дважды Герой Советского Союза морской разведчик В.Н.Леонов».

Знаменательная встреча В.Н.Леонова в стенах школы с учителями и учащимися проходила в 1982 году. Это был настоящий, но, к сожалению, последний праздник встречи с нашим земляком. Ему становилось все труднее и труднее приезжать на свою малую родину.

6 мая 1997 года в школе праздновали День Победы. Среди гостей были ветераны из Москвы: Лиханов Анатолий Петрович и Гопонов Борис Петрович (оба - капитаны 1 ранга в отставке). Анатолий Петрович учился с Виктором Николаевичем в Каспийском военном училище, а Борис Петрович воевал под началом Виктора Николаевича на Дальнем Востоке.

Летом 1997 года группа школьников-спортсменов во главе с А.Н.Купэнко побывала в Ленинграде (Санкт-Петербурге) и посетила Военно-морской музей, где находится бюст В.Н.Леонова.

23 октября 1999 года в Зарайск приезжали журналисты из Норвегии (где Виктор Николаевич является национальным героем). Для них была организована экскурсия по леоновским местам города, в музей средней школы № 1. Мы получили в подарок проспекты из Норвегии, а в книге почетных посетителей была оставлена запись: «Добрые люди Зарайска! Мы очень благодарны всем за оказанный нам прием в связи с подготовкой фильма о норвежцах, кому выпало отправиться в Советский Союз в период второй мировой войны. Огромное спасибо за ваше гостеприимство. Мы высоко ценим ваш вклад и благодарны за полученное сильное впечатление от экспозиции вашего музея. Искренне ваш, Хано Эдвард Умсен, 23.10.99».

Евгения Новикова
(« Человек-легенда»).

Незабываемые встречи

В свои приезды в Зарайск Виктор Николаевич Леонов всегда находил время для встреч с учителями и учащимися нашей школы. Так, в 1957 году в актовом зале проходила читательская конференция по его книге «Лицом к лицу». Внимательно слушал Виктор Николаевич выступления школьников. Одним книга нравилась, а другие делали критические замечания по содержанию и стилю изложения материала. К последним Виктор Николаевич особенно внимательно прислушивался и обещал, что в новом издании книги все замечания будут обязательно учтены.

Учащиеся школы присутствовали на встречах с В.Н.Леоновым па Днях книги в парке имени Кирова. Пионерская дружина получила право носить имя В.Н.Леонова. Много лет она была правофланговой, награждалась грамотами, участвовала в парадах правофланговых дружин в Москве. Спортсмены школы участвовали в больших спортивных эстафетах на приз В.Н.Леонова. Особенно почетным считалось получить приз из рук самого Виктора Николаевича.

В 1991 году Леонову исполнилось 75 лет. И впервые делегация учителей и учащихся поехала в Москву, чтобы поздравить Виктора Николаевича и вручить ему скромные подарки. 25 ноября 1991 года в школе проходила конференция, посвященная юбилею нашего земляка. Беседы о Леонове стали в школе традиционными.

21 ноября 1996 года в Москве в Доме Российской армии отмечалось 80-летие Леонова, на котором присутствовала большая делегация учителей и учащихся школы. В глазах многочисленных гостей, ветеранов войны, присутствовавших в зале, стояли слезы. Мы услышали от них много слов благодарности за чуткое и внимательное отношение к ветеранам, за хорошее воспитание подрастающего поколения. Зарайск подарил В.Н.Леонову картину с видом города, а дети вручили подарки, сделанные своими руками. Эта поездка произвела большое впечатление на школьников, которое они выразили в своих работах-рефератах.

Представители школы еще дважды, в 1999 и 2000 годах, побывали дома у Леонова. Встречи со школьниками всегда очень радовали его. Олег Мукаров от имени всех присутствующих подарил Виктору Николаевичу валенки, сделанные своими руками. Ребята знали, что после ранения у него зябли ноги.

21 ноября 2001 года, когда Виктору Николаевичу исполнилось 85 лет, его приехала поздравить большая делегация, возглавляемая первым заместителем главы администрации Зарайского района

В.И.Дашко. Учащиеся старших классов читали стихи, юбиляру были переданы приветствия от администрации города и школы. Виктора Николаевича приветствовал глава управы Москвы П.М.Поволоцкий. Администрация Зарайского района подарила юбиляру большую картину, на которой изображен старый кремль. На этом юбилее выступили известные певцы, музыканты, артисты. К большому сожалению, эта встреча с Виктором Николаевичем была последней...

Пока будет стоять наша школа, в ней будет работать музей, хранящий ее историю, рассказывающий о выпускниках и преподавателях, в том числе и об удивительной дружбе школы и легендарного морского разведчика В.Н.Леонова.

Н. П. Коренькова
(Школьная планета. — 2004. — № 2).

•k-k-k

Виктор Николаевич Леонов скончался 7 октября 2003 года в Москве. Он был похоронен со всеми воинскими почестями.

В последний путь его провожала и делегация средней школы № 1. Память о герое-земляке осталась жить в наших сердцах. 21 марта 2004 года в городе Североморске Мурманской области одному из кораблей разведки было присвоено имя дважды Героя Советского Союза Виктора Леонова. На этом празднике присутствовала делегация земляков героя, среди них была и учительница нашей школы Н. П. Коренькова

На корабле создан музей В.Н.Леонова. Наталья Петровна выступила перед матросами и офицерами корабля с рассказом о личных встречах с Виктором Николаевичем. Зарайцы пригласили моряков-североморцев к себе в гости. Приглашение было принято. 8 мая 2004 года делегация от корабля «Виктор Леонов» приехала в Зарайск. В ее составе были командир корабля капитан 2 ранга Олег Александрович Китаев, заместитель командира соединения разведывательных кораблей Северного флота по воспитательной работе капитан 2 ранга Олег Юрьевич Петров и мичман корабля Вадим Геннадиевич Макаренко. Моряки-североморцы вместе с жителями города участвовали в праздновании 59-й годовщины Победы.

10 мая 2004 года в средней общеобразовательной школе № 1 им. Н.Л.Мещерякова состоялась торжественная линейка, посвященная Дню Победы и открытию зала Боевой Славы имени дважды Героя Советского Союза В.Н.Леонова. Честь открытия зала была предоставлена ветерану Великой Отечественной войны и педагогического труда Н.В.Степановой и гостям-североморцам.

В книге почетных посетителей командир корабля оставил следующую запись: «С глубоким уважением и любовью, моряки-североморцы. Заверяем, что имя легендарного разведчика всегда было и будет примером доблести, чести и беззаветного служения Отечеству для всех моряков корабля «Виктор Леонов». Командир корабля капитан второго ранга Китаев О.А.»

Работа школьного музея легла в основу еще одного знаменательного события в городе. 24 июля 2004 года в День города на доме, где жил В.Н.Леонов, была открыта мемориальная доска. На открытии присутствовала дочь героя Татьяна Викторовна Леонова. Она вместе с первым заместителем главы управы района Ростокино Москвы Л.А.Воскресенской посетила наш музей и оставила в книге почетных гостей следующую запись: «Дорогие мои земляки, хотя я и не родилась в вашем замечательном городе, я всегда знала, что корни нашей семьи - на вашей земле. Большое, огромное вам спасибо за память, за чистые души и ясные глаза. С глубоким уважением и благодарностью, дочь В.Н.Леонова - Татьяна Леонова, 24.07.04».

7 октября 2004 года прошел год со дня смерти Виктора Николаевича. В этот день учительница школы Н.П.Коренькова встречалась с дочерью В.Н.Леонова. Татьяна Викторовна обещала поддерживать связь со школой и подготовить к передаче в наш музей документы из архива ее отца.

Надеюсь, что дружба с экипажем СРЗК «Виктор Леонов» пополнит музей средней школы № 1 новыми страницами и фактами из жизни экипажа корабля, носящего имя нашего славного земляка.

Евгения Новикова
(« Человек-легенда»).

В далеких северных морях, где воевал наш земляк

Когда я узнал, что к нам в школу приезжают моряки, да еще североморцы... На меня сразу повеяло чем-то далеким, но очень родным, послышался грозный шепот волн Баренцева моря, обдало холодом береговых скал. Мне не понаслышке знакомы такие населенные пункты, как Полярный, Гремиха... И никакое северное сияние не скрасит суровости Заполярья. Поэтому, когда я служил в этих краях на атомной подводной лодке К-52, бортовой 126, я всегда удивлялся и восхищался мужеством, красотой, умом, физической силой и выносливостью военных моряков Севера.

Но особенно часто вспоминал я в годы службы своего земляка, дважды Героя Советского Союза Виктора Николаевича Леонова, который некогда учился в нашей средней школе № 1. Виктор Николаевич в годы Великой Отечественной войны воевал именно в этих краях, и его имя мне, молодому моряку, подсказывало в трудную минуту, как поступить, что сделать. Ведь за четыре года службы в ВМФ очень много трудных ситуаций было связано и с холодными водами Баренцева моря, и с глубоководным погружением на длительный срок и т.д.

И именно имя В.Н.Леонова во многом предопределило выбор мной профессии учителя физкультуры. Мне захотелось дарить молодому поколению радость движения, физической силы, навыков и умений, которые обязательно выручат в трудные моменты жизни, которых, к сожалению, хватает и в мирные дни...

А. Купэнко

(Школьная планета. – 2004. — № 2).

ВОИНЫ ДУХА

Мы приехали в Зарайск еще раз. Один из нас — автор удивительного спектакля «Воины духа» — привез с собой копию этой постановки с тем, чтобы показать ее ученикам школы. Этот спектакль летом прошлого года собрал 15 тысяч зрителей на стадионе «Олимпийский», затем, спустя несколько месяцев, был повторен в театре Российской

армии. Спектакль посвящен подвигу шестой роты десантников Псковской дивизии в Чечне. Они пости все погибли, но не сдались в бою с многократно превосходящим численностью врагом.

Сила воздействия спектакля такова, что пятнадцатитысячный зал шесть раз вставал во время просмотра. Сын одного из генералов, присутствовавших на премьере, после спектакля ночью разбудил отца и сказал: «Я понял, чего хочу. Я иду в десантное училище».

В «Олимпийский» приехали родственники погибших ребят. Среди них — мать комбата Марка Евтюхиа, роль которого исполнял Дмитрий Дюжев (кстати, популярный актер сериала «Бригада» — полярной противоположности спектакля «Воины духа»). Сами актеры были буквально потрясены, потому что не ожидали такого искреннего признания их своими от родственников погибших десантников. Мать комбата не отходила от Дюжева, все время повторяя: «Ты теперь мой сын». Произошло то, что может возникнуть только в народном сознании, когда вдруг художественный образ полностью сливается с реальным человеком, и люди воспринимают это искренне.

Жанр спектакля необычен. В «Олимпийском» в тот день был и американский журналист Павел Хлебников, автор известных книг, разоблачающих разграбление России, организованную преступность и террор. Вскоре Хлебников погиб в Москве, на улице Докукина, на той самой улице, где жил Виктор Николаевич Леонов. Погиб словно в бою. Хлебников гордился тем, что он — русский, так его воспитала в Америке бабушка, жена внука декабриста Пущина. Журналисту не нравилось, когда его называли Пол, он был Павлом. В интервью одной из газет его брат сказал после смерти Павла: «Единственное, что успокаивает, в великий храм России (Храм Христа Спасителя. — ***прим. ред.)*** пришли много православных людей, которые молились и будут молиться за упокоение его души».

Хлебников был под особым впечатлением от спектакля. Отклик о «Воинах духа» был опубликован в московской версии журнала «Newsweek», где жанр этого спектакля был определен как «документальный мюзикл». Это не просто художественный вымысел, авторское воображение. Это попытка художественно передать чувство подвига псковских десантников, стоявших насмерть в том ущелье. Передать момент выбора современного молодого человека в военной форме —

кем ему быть, принять смерть героя или сдаться, продать себя в том ущелье или победить на века.

Так вот, в Зарайск был привезен этот спектакль в записи и показан на большом экране в школе, где когда-то учился Виктор Леонов. Это был день обмена опытом учителей района, которые приехали в передовую школу узнать, как их коллеги ведут свою работу, выстраивают образовательный процесс. Они побывали в музее, их водили по всем аудиториям, а в конце мы показали спектакль «Воины духа». Конечно, с особым чувством, взволнованно ждали мы реакции зала. А зарайские учителя и старшеклассники, казалось, воспринимали действие очень сдержанно.

Спектакль закончился, все начали выходить из зала, собирались в группы, о чем-то переговаривались. И вот тогда стало ясно, что за люди такие — зарайские. Внутренняя работа, совершающаяся в душе, у них настолько сильна и одновременно привычна (для них), что она никогда не проявляется в эмоциях, которые быстро вспыхивают и так же быстро гаснут. Но как, оказывается, глубоки их внутренние переживания. Это потом к нам подходили взволнованные школьники, учителя и благодарили за спектакль. Эти люди умеют точно и верно оценить и прочувствовать ситуацию. Когда на такую почву падает что-то благодатное, то всходы последуют обязательно. Таким, видимо, был и Виктор Николаевич Леонов.

После спектакля и короткого концерта (мы привезли с собой артистов) нам дали возможность поучаствовать в дискуссии на тему «Кто такой патриот сегодня». Поначалу форма разговора напоминала ток-шоу — действо, столь распространенное на нашем телевидении. Но с какой искренностью отвечали на казалось бы формальные вопросы сами школьники, как по-доброму, с любовью участвовали в беседе учителя! Один из главных вопросов, красной нитью пронизавший дискуссию, был такой: служить или не служить ребятам в армии? Да — сказали большинство и самих ребят, и их будущих невест, и мам, хотя последние, умудренные опытом и осененные любовью к детям, сделали одну оговорку: мы готовы благословить своих детей на служение Родине, если твердо будем знать, куда их посылаем. Не куда географически, а для чего, с какой целью. В сегодняшнем же хаосе трудно понять, кто они - солдаты, защищающие свою страну, или будущие

объекты для лихих журналистов, наловчившихся унижать самое нравственное, самое достойное в человеке.

А вот ребята не сомневались — идти или не идти. Да — идти, да - служить. Нет в основном сомнений и у учителей. Многие из участвовавших в той дискуссии оказались людьми служивыми в прошлом, некоторые воевали в Афганистане. Учитель физкультуры школы А.Купэнко вообще служил там же, где воевал Виктор Николаевич Леонов.

Все люди, побывавшие в тот день в зарайской школе № 1, ярко продемонстрировали тот дух, на котором стояла и стоять будет зарайская, да и вся русская земля — дух служения Отечеству, служения Родине, исполнения своего воинского долга.

И последнее, что хотелось бы сказать о Викторе Николаевиче. В судьбе героя, человека, отмеченного особым избранием, все не случайно... Вот удивительное место — Ростокино, район на северо-востоке Москвы, в котором закончил свой жизненный путь Виктор Николаевич. Что это за район, пожалуй, знают только его жители.

Удивительно, но долгие годы улица Докукина, на которой жил Виктор Николаевич, отмечала собственный праздник. Люди собирались всей улицей вдень рождения Героя Советского Союза Ивана Докукина, летчика-штурмовика, погибшего в 1943 году. Не поленитесь, посмотрите на фотографию летчика в кратком биографическом словаре «Герои Советского Союза» — какое красивое, открытое лицо... Чем-то он даже похож на Леонова. Докукин уничтожил восемь вражеских самолетов, 15 танков, свыше 100 автомашин. Погиб в воздушном бою. Это тот самый Докукин, который вместе с Леоновым работал до войны на заводе «Калибр». И они пошли — и один, и другой - исполнять свой воинский долг.

Виктор Николаевич любил Ростокино. Район очень дружный, с одной стороны, находящийся в Москве, с другой — несколько, как говорится, на отшибе. Здесь долго сохранялся своеобразный быт, соединивший в себе городское и чуть-чуть сельское начало. Последние деревенские избы в Леоново (так называлось село, которое здесь располагалось, — и это тоже не простое совпадение) сгорели три года назад.

Удивительна история этого места. Леоново — село стрелецкого полковника Леонова, который остался верен государю в период междоусобий, поддержал царя в тот момент, когда Петр I вынужден был

бежать в Троице-Сергиеву лавру. А Ростокино как раз и стоит рядом с дорогой в лавру. До конца XVIII века Ростокино было владением лавры. По этой дороге (ныне Ярославское шоссе) во время освобождения Москвы в 1612 году проходило Второе ополчение.

Именно в этом историческом месте Москвы прожил последние двадцать пять лет своей жизни Виктор Николаевич Леонов. Здесь он и упокоился — на старинном, около села Леоново, рядом с бывшей Большой Леоновской улицей (улицей Докукина), Леоновском кладбище.

СОДЕРЖАНИЕ

От издателей . . . 3

ЛИЦОМ К ЛИЦУ . . . 9
- Первые испытания . . . 11
- Сила силу ломит . . . 28
- На высоте 415 . . . 42
- В отряд прибыл новичок . . . 55
- В двойном кольце . . . 65
- «Сурте дьяволе» . . . 83
- Перед решающим ударом . . . 99
- Лицом к лицу . . . 115
- Последние походы . . . 138
- Вместо послесловия . . . 151

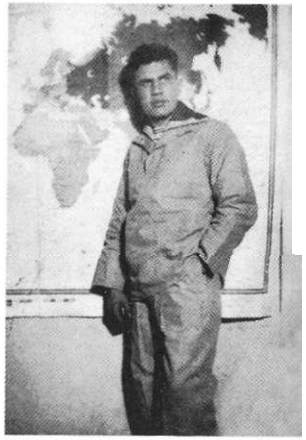
УРОКИ МУЖЕСТВА ОТ ВИКТОРА ЛЕОНОВА . . . 153
- Вступление . . . 155
- Что такое подвиг? . . . 156
- Берет ли смелость города? . . . 163
- Психологическая суть воли . . . 169
- Во имя Родины . . . 176
- Знания — опора подвига . . . 194
- Без дисциплины нет воли, нет подвига . . . 199
- Готов к труду и обороне! . . . 204
- «Нет уз святее товарищества» . . . 215
- Самый трудный подвиг . . . 226
- Такими они были . . . 232

А.Тимофеев. НОРД-ВЕСТ И «НОРД-ОСТ» . . . 253

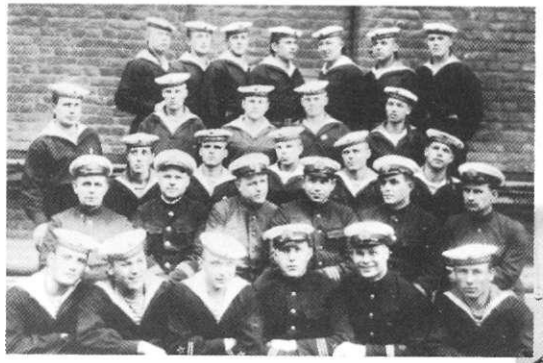
МЫ ЕГО ПОМНИМ . . . 283
- Аллея героев . . . 285
- Школьная планета . . . 290
- Воины духа . . . 296

Матрос Виктор Леонов на срочной службе, 1940

Бригада калибровцев на отдыхе (второй справа В.Леонов), Москва, 1935 г.

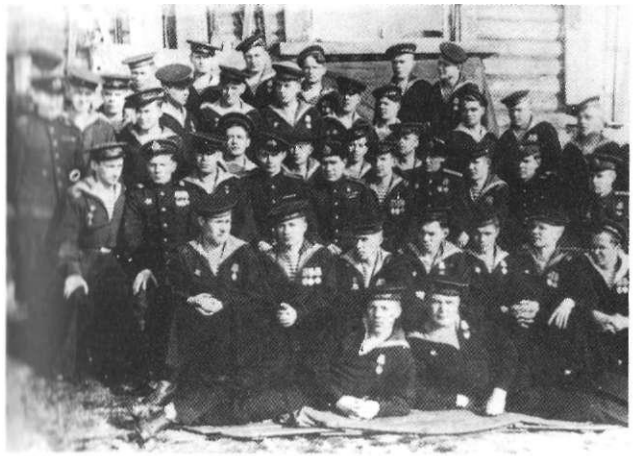


Война еще не началась, 1937 г.



Учебный отряд подводного плавания Северного флота, 1937 г.

Друзья подплава, 1937г.



Отряд после Крестового, Полярный, 1944 г.

Лучший снайпер отряда Семен Агафонов, 1943 г.

Семен Флоринский у пулемета, 1944 г.

Первый Герой Советского Союза Северного флота Василий Кисляков, 1941 г.

Разведчики вернулись домой (слева направо): Борис Абрамов, Алексеи Шерстобитов, Евгений Уленков, Семен Флоринский, 1944 г.

Семен Агафонов на мысе Крестовый, 1944 г.

Держат оборону, 1942 г.

Бой ведет морская пехота, 1942 г.

Отряд уходит в поиск, 1943 г.

Перед высадкой на вражеский берег, 1944 г.

Командир торпедного катера ГК-13 капитан-лейтенант Александр Шабалин, 1944 г.

Прощание с погибшими товарищами

Иван Лысенко

Владимир Фатькин

Анатолий Баринов

Александр Манин

Алексей Луппов

Они погибли на мысе Крестовый в 1944 г.

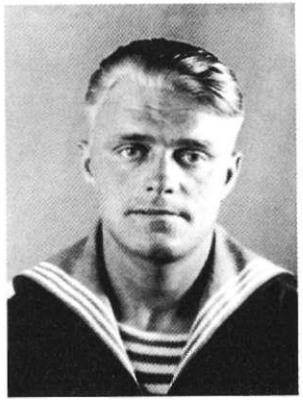
Разведчики легендарного отряда

Виктор Соболев

Григорий Чекмачев

Василий Горшков

Степан Мотовилин



Иван Резник

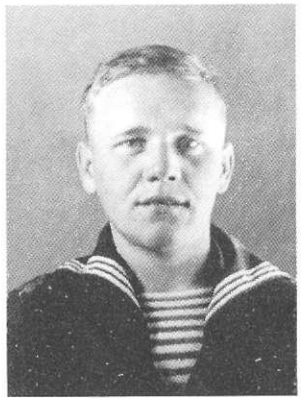
Аркадий Тарашнин

Константин Ермаков

Павел Колосов

Григорий Кокорин

Николай Мальцев



Федор Мошков

Сергей Воронин

Сергей Бывалов

Андрей Залевский

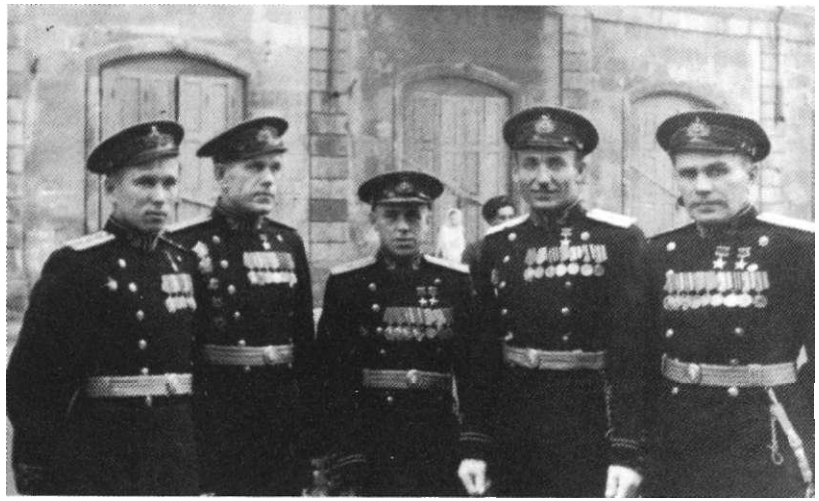
Николай Зубков

Григорий Тихонов

Павел Смирнов

Алексей Антонов

Командир подводной лодки Н.А.Лунин (справа)
1(>п падывает Командующему Северным флотом адмиралу
I I.Головко (слева) о торпедировании флагмана немецкого
Ф юта линкора «Тирпиц»



Участники военного парада 7ноября 1946г. (справа В.Н.Леонов; в центре А.О.Шабалин)

«Привет дважды Герою Советского Союза В. Н.Леонову от детей детсада обувной фабрики Зарайска, 1951 г.»

В музее ВМФ, Ленинград, 1955 г.

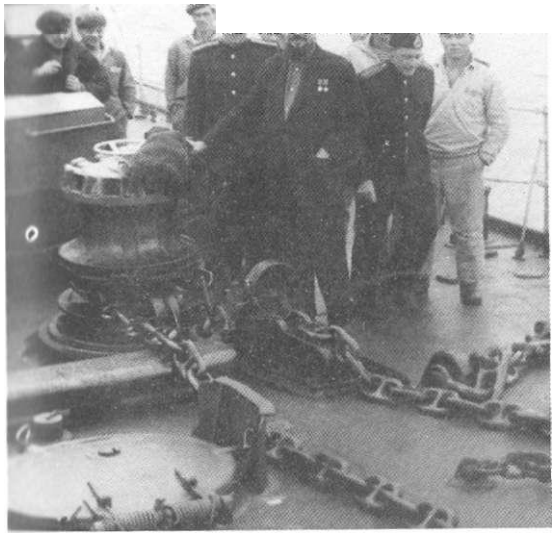
Послевоенные встречи героев

З.А.Сорокин (полярный летчик, Герой Советского Союза), В.Н.Леонов, В.П.Кисляков, 1965 г.

С дважды Героем Советского Союза А. О. Шабалиным, 1968 г.

В.Н.Леонов, В.Г.Толстиков, С.М.Агафонов, М.А.Бабиков, 1974г.

У берегов Камчатки, 1965 г.



Первые герои отряда В.Н.Леонов и С.М.Агафонов, 1944 г.

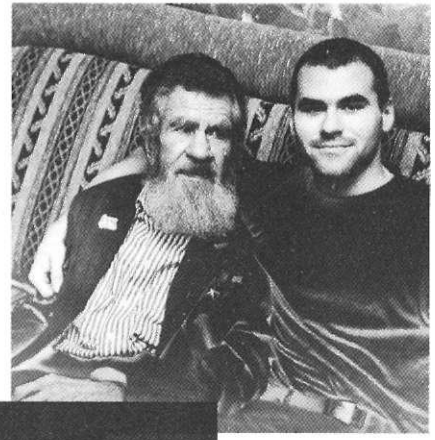
В начале славного пути: с друзьями краснофлотцами, 1938 г.

.20 лет спустя, герой делится воспоминаниями с моряками Северного флота, 1960 г.

Семья Леоновых: Мария Петровна, сестра Людмила, Николай Родионович, 1936 г.

В гостях у родителей, Зарайск, 1953 г.

С сыном Евгением, женой Клавдией и другом Иваном Гузненковым, 1944 г.



С внуком Егором, 2000 г.

Зарайск встречает героя с войны, 1946 г.

Большая семья поздравляет юбиляра в Центральном доме Российской армии, 1996 г.